

« Я УСПЕЛ СДЕЛАТЬ
СЛИШКОМ МАЛО... »

« Я УСПЕЛ СДЕЛАТЬ
СЛИШКОМ МАЛО... »

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Ноябрь, 1973 г.

ВЛАДИМИР БУКОВСКИЙ

Мы приводим некоторые материалы о практике помещения советскими властями в специальные психиатрические заведения инакомыслящих под видом душевнобольных. В частности, мы показываем это на документах по делу Владимира Буковского.

Владимир Буковский, сын литературного критика, члена Союза писателей, Константина Буковского, родился в эвакуации в городе Белебей в 1942 году. Еще будучи шестнадцатилетним юношей, он начал принимать участие в движении за гражданские права в Советском Союзе.

Один год учился в Московском Университете, на биолого-почвенном факультете. В 1961 году Буковского исключили из Университета за причастность к подпольному журналу "Феникс 61" и за участие в литературных встречах у памятника Маяковского. Буковский - автор повестей и маленьких рассказов, в том числе: "Один бестолковый вопрос доктору", "Звезды", "Аквариум" и др.

В первый раз его арестовали в июне 1963 года, после того как у него на квартире были найдены две фотокопии книги Милована Джиласа "Новый класс". Отсидев в тюрьмах несколько месяцев, он был направлен в Институт судебной психиатрии им. Сербского в Москве, где его объявили невменяемым. Затем Буковского заключили в специальную тюремную психиатрическую больницу в Ленинграде, из которой он вышел в феврале 1965 года.

В декабре 1965 года его снова арестовали за организацию демонстрации в защиту писателей А.Синявского и Ю.Даниэля. Восемь месяцев он находился в разных психиатрических больницах, в том числе снова в Институте им.Сербского. В августе 1966 года он был освобожден.

Пробыл полгода на свободе, Буковский в январе 1967 года был снова арестован за организацию демонстрации протеста на Пушкинской площади против ареста Ю.Галанскова, А.Гинзбурга, А.Добровольского и В.Лашковой. На этот раз его приговорили к 3 годам заключения в Воронежском лагере по статье 190³ УК РСФСР /распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй/. В январе 1970 года его освободили.

28 января 1971 года Буковский написал "Обращение к психиатрам" и приложил к нему 150 страниц "Истории болезни" шести человек. 10 марта 1971 года Международный комитет по защите прав человека представил эти документы западной прессе в Париже.

29 марта 1971 года Владимир Буковский был опять арестован и заключен в Лефортовскую тюрьму. Затем его снова направили в Институт им. Сербского на судебно-психиатрическую экспертизу. В ноябре 1971 года он был признан вменяемым. 5 января 1972 года в московском пригороде Люблино над Буковским состоялся суд. Он был осужден по статье 70 УК РСФСР /антисоветская агитация и пропаганда/ и приговорен к 12 годам лишения свободы: к 2 годам тюрьмы, к 5 годам лагеря и к 5 годам ссылки.

22 февраля 1972 года Верховный Суд РСФСР отклонил ходатайство Владимира Буковского и утвердил приговор.

Буковский пробыл в тюрьме во Владимире до 29-го марта 1973 года, после чего его привезли в Москву на допросы в связи с готовившимися процессами над диссидентами. Буковский отказался давать какие-либо показания.

Во время допроса ему сказали, что если он пообещает не возобновлять своей "деятельности", его освободят. Буковский заявил,

что он даст слово прекратить свою деятельность, а именно - борьбу за гражданские права в СССР, только в том случае, если выпустят на свободу и всех тех, в защиту кого он выступал. В этом ему отказали, 25-го мая 1973 года его этапировали из Москвы в лагерь в Пермской области, где он находится в данное время.

Его адрес:

Станция Всесвятская
Пермская область
Учреждение ВС 389/35

В декабре 1972 года Лейденский университет в Голландии послал Владимиру Буковскому приглашение продолжать образование в этом университете, но, несмотря на энергичные хлопоты его матери и других лиц и организаций на Западе, все просьбы были отклонены.

Здоровье Буковского сильно подорвано в результате длительного пребывания в тюрьмах и лагерях Советского Союза. У него ревмокардит, а также серьезное заболевание печени и желчного пузыря.

ВЛАДИМИР БУКОВСКИЙ

Письмо в газету "Вашингтон Пост", 9 июня 1970 г.

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ "ВАШИНГТОН ПОСТ"

Уважаемый г-н Редактор,

В Вашей газете от 17 мая 1970 г. было опубликовано мое интервью с корреспондентом А.П. г-ном ДЖЕНСЕНОМ, в котором я рассказываю о своей биографии и о том, что видел в специальной психиатрической больнице в г. Ленинграде с 1963 по 1965 гг. и в колонии общего режима в поселке Бор, Воронежской обл., с 1967 по 1970 гг.

9 июня 1970 г. я был вызван пом. прокурора г. Москвы, г-ном ВАНЬКОВИЧЕМ, по адресу: Новокузнецкая улица, дом 27, комн. 8. Содержание беседы со мной считаю своим долгом довести до Вашего сведения.

ВАНЬКОВИЧ - Давали ли Вы кому-нибудь из иностранных корреспондентов в Москве интервью в последнее время ?

Я - Да, давал.

В.- Кому именно?

Я - Корреспонденту А.П. Дженсену.

В.- Ваше интервью опубликовано в газете "Вашингтон пост". Вы читали его?

Я - Нет, не читал, поскольку в СССР эта газета не поступает в продажу.

В.- Вы знакомы с владельцем этой газеты ?

Я - Нет, не имел чести.

В.- Вы знаете, что он миллионер и, конечно, не питает симпатий к советской власти?

Я - Я уже сказал, что не имею чести быть с ним знакомым.

В.- Вы не могли бы рассказать мне, о чем вы рассказывали в этом интервью?

Я - В таком случае позвольте спросить вас, в качестве кого я вызван к вам? Это вопрос?

В.- Нет, но я как прокурор имею право вызвать любого гражданина и взять от него объяснения. В случае отказа я имею право доставить его к себе принудительно.

Я - Я же со своей стороны имею право не отвечать на ваши вопросы и не давать подобных объяснений. В УК РСФСР нет статьи, предусматривающей наказание за отказ от подобных бесед.

В.- Да, конечно. Но, поймите, я просто должен установить, ваше ли это интервью и правильно ли записал ваш рассказ корреспондент. Бывает, что он допустил клевету на советский строй, содержащуюся в этом интервью. После вашего рассказа я могу дать вам прочесть перевод этой статьи.

Я - Лично я не клеветал на советский строй и могу вам пересказать сказанное мною. Однако, хотел бы заметить, что это с моей стороны простая любезность и что я имею полное право с вами не разговаривать.

После этого я пересказал все смазанное мною раньше г-ну ДЖЕНСЕНУ, прибавив некоторые подробности, мною ранее опущенные. Во время моего рассказа существенных споров не было.

ВАНЬКОВИЧ. Так вот, почитайте теперь перевод.

После прочтения перевода.

В.- Соответствует ли это тому что вы говорили ?

Я - В основном да, хотя перевод ваш сделан безграмотно. Переводчик, например, перевел слово "dissident" как "раскольник", хотя он должен знать, что в американском употреблении оно означает "оппозиционер". Есть и еще неточности, которые я могу вам указать, если вы мне дадите оригинал. Вам вообще лучше было бы пригласить меня в качестве переводчика. Мне кажется, я справился бы с этой задачей лучше. Кроме того, корреспондент А.П. спутал две цифры - например, украинец, с которым я находился в одной камере в Ленинграде, просидел 17, а не 16 лет. Кроме того, у нас в лагере на общем режиме полагалось два личных свидания с родственниками в год, а не одно. Одно свидание в год полагается на строгом режиме.

В.- Я имею в виду не эти мелочи. Вот, например, этот украинец, он же был немцем ?

Я - А разве здесь сказано, что он был здоров? Здесь сказано, что он сутками бредил. После 17 лет неволи это неудивительно.

В.- Вот вы говорите, что вам было запрещено в 1960 году учиться в ВУЗе. Как это было ?

Я - Мне и моим родителям было объявлено об этом открыто в МК КПСС. Мне, например, сказали, что я "должен повариться в рабочем котле", т.е. идти работать, а не учиться.

В - Но это же просто рекомендация, а не запрещение.

Я - Нет, именно запрещение. Это могут подтвердить мои родители.

Кроме того, когда в 1961 г. мне было отказано в восстановлении в МГУ по настоянию комитета ВЛКСМ, то это мотивировалось тем, что мой облик "не соответствует облику советского студента".

В - Ну, а вот об этом французском коммунисте. Вы узнали его историю с его слов ?

Я - Да, конечно. С его слов и слов надзорсостава.

В - Но ведь он мог это все придумать ?

Я - Простите, я рассказывал только то, что видел и слышал. Если хотите, я могу разыскать его. Его зовут ПРИСАКАРУ Николай Григорьевич.

В - В этом нет необходимости. А вот о наказаниях. Это что за препараты такие ?

Я - Препарат, вызывающий лихорадку и температуру, называется "сульфазин", другое - отупляющее средство - "аминазин".

В - И что, при вас его давали в качестве наказания здоровым людям ? За какие проступки ?

Я - Да, давали. Например за то, что вы назовете там врача-психиатра "палачом в белом халате", вам наверняка сделают инъекцию одного из этих препаратов. Могу привести примеры.

В - Но вы понимаете, что означает эта фраза о людях, которых "превращают в растения" ? Вы слышали о том, что в Германии разрабатывают такой газ, который делает действительно людей растениями? Вы понимаете - там это разрабатывают, - и тут вы говорите, что это уже применяется в СССР. Вы понимаете, кому это выгодно ? Большинство людей в Америке не знает, что такое "аминазин" или "сульфазин". Для них это просто термины. А вот фраза насчет растений - это понятно.

Я - Я не знаю назвать ли это состояние растительным или, например, животным, но я знаю, что это средство вызывает отупление, судороги и прочие гадости и что оно применяется как наказание в этой больнице.

В - Так что, по вашему, нельзя лечить душевнобольных.

Я - Я говорю не о душевнобольных, а о здоровых людях, помещенных в больницы за свои политические убеждения и действия.

В - Кто же это помещает здоровых людей в больницы ? Где вы это видели ?

- Я - А вы слышали, например, что д-ра биологических наук Ж. МЕДВЕДЕВА, друга которого - крупные советские ученые и писатели, насильственно госпитализировали, хотя он никогда не обращался к психиатрам? Я мог бы назвать вам и другие примеры. На мой взгляд, это фашистские методы.
- В. - Ну, знаете ли. Его друзья не психиатры и не могут знать, здоров ли он. Это может произойти и внезапно. Вообще, вы еще молоды. Вы не знаете, что такое фашизм. Разве так вы говорили бы тогда? Вообще с вами не говорили бы.
- Я - Со мной говорили по-разному. Сейчас у вас просто другие цели.
- В. - Нет, нет. Вы не знаете этого. Вы этого не можете знать. Откуда вам знать что такое фашизм?
- Я - У меня есть один знакомый, которому в сталинских застенках сломали позвоночник на дыбе во время пыток. Как по вашему, это фашизм?
- В. - Ну причем здесь это? Дыба, пытки. Что вы об этом можете знать? Вы не жили в то время. Я вообще сомневаюсь, на чьей стороне вы воевали бы. Да, очень сомневаюсь. Такие люди, как вы, были нашими врагами в этой войне.
- Я - Я думаю, что правильно выбрал бы, на чьей стороне мне быть, чтобы бороться за интересы русского народа.
- В. - А я сомневаюсь. Это все слова у вас, позирование и т.д. Когда нужно действовать, таким, как вы, не хватает смелости.
- Я - Мне хватило смелости выступить в защиту своих незаконно арестованных друзей, хотя я знал, что получу 3 года. Это ведь действие?
- В. - Причем здесь 3 года? Это не то, что война. На войне мы рисковали жизнью. Вот это действие.
- Я - Скажите, а сколько вам лет?
- В. - 45.
- Я - Значит, в 1949 г. вам было 24 года. Это ведь вполне сознательный возраст. Ну, и как вы относились к незаконным арестам, к той волне террора, которая тогда захватила страну? Вы молчали? Неужели из ваших друзей или родственников - людей, в честность которых вы верили, - не было ни одного объявленного врагом? И вы молчали. Вы не протестовали. А теперь рассуждаете о смелости.

- В.- Это не имеет сюда отношения. Мы говорим о вашем интервью. Вы вот утверждали здесь, что вы были в лагере. Это не лагерь. У нас нет лагерей.
- Я - В филологии есть такое понятие - эвфемизм. Раньше лагеря назывались лагерями, потом - колониями, теперь - учреждениями. Это, знаете ли, так же как туалет раньше назывался нужником, потом стало неудобно, назвали ватер-клозетом, потом уборной и т.д.
- В.- Но это разные вещи. Вот вы утверждаете, что были случаи избияения заключенных надзирателями. Вы что, присутствовали при этом?
- Я - Нет, не присутствовал. Но одному заключенному, МОРДАСОВУ, помогал писать жалобу после того, как его избиили двое пьяных надзирателей в присутствии офицера. Одному из них дали выговор за это впоследствии. Так что факт может быть легко установлен.
- В - А почему его
- Я - Потому что он спрятался от надзирателей в бараке и не хотел идти в изолятор, куда его должны были посадить за какую то провинность. Когда его поймали, то избиили по дороге в изолятор, просто так, со злости, что долго искали.
- В.- Вот видите, надзиратели же были за это наказаны.
- Я - Да, одному из них был объявлен выговор, но никого не судили.
- В.- Откуда вы знаете, сколько колоний было в Воронежской области?
- Я - Я был в межобластной тюремной больнице в г. Воронеже, где содержат больных заключенных, из всех лагерей Воронежской области.
- В.- Вот видите, вам оказывали квалифицированную медицинскую помощь.
- Я - Это было один раз, когда у меня несколько месяцев была повышенная температура. Вообще медицинская помощь была очень плохой. Врачи обычно объявляли больных симулянтами. Один заключенный по фамилии АРАЛОВ, умер на пороге санчасти от сердечного приступа. Ему отказались дать валидол, заявив, что он симулянт. Такой факт вас интересует ?
- В.- Нет. А какие были у вас в лагере плакаты ?
- Я - У нас было очень много всяких лозунгов и плакатов. Просто плюнуть было некуда. Например, "Только упорным трудом можно заслужить досрочное освобождение".
- В.- Вот видите, а в тексте сказано "тяжелым" трудом. Это - разница.
- Я - Ваш переводчик неправильно перевел слово "hard" с английского. Есть много значений этого слова, в том числе "упорный" и "тяжелый". Кроме того, работа у заключенных очень нелегкая, уверяю вас.

- Я - Так что не было бы ошибки и в такой интерпретации. Были и другие плакаты. Например, трудовое обязательство заключенных /пятиметровое панно/ начиналось словами: "Мы, осужденные, как и весь советский народ ... " и дальше шли обязательства.
- В.- Ну, это просто ошибка, глупость. Вы должны были сказать об этом вашему замполиту.
- Я - Зачем ? Он посадил бы меня в изолятор за то, что я делаю ему замечания.
- В.- Кстати, там сказано, что вы были в изоляторе. За что ?
- Я - Два раза я был за то, что отказался ходить на политзанятия. Вы считаете я был правильно наказан ?
- В.- Нет, неправильно. Вы должны были жаловаться.
- Я - Я жаловался, но это не помогло.
- В.- А кто был с вами в этом учреждении вместе ?
- Я - Мелкие воры, хулиганы. Был, например, один из деревни, который получил 3 года за то, что украл 3 ведра жмыха.
- В.- Этого не может быть. Ему должны были дать меньше.
- Я - Но он был. Я его хорошо знаю. Весь лагерь знал его историю. Судья на суде сказал ему, что дает за каждое ведро по одному году. Это он так сострил.
- В.- Но этого не может быть. Вот кодекс, посмотрите сами.
- Я - Так вы считаете, что согласно кодексу, он не мог получить 3 года ?
- В.- Нет, конечно, нет .
- Я - В таком случае его неправильно приговорили. Вы, как прокурор, должны вмешаться в это дело и опротестовать приговор. Я дам вам его фамилию. Найдите его. Это же ваша обязанность, - следить за соблюдением закона.
- В.- Нет, это не моя обязанность. Он живет не в Москве. Кроме того, я верю прокурору его района и судье. У меня нет оснований сомневаться в их действиях. А как вас кормили ?
- Я - Нас кормили на 12 - 13 рублей в месяц. А если по пониженной норме питания, то на 7 р. 50 к.
- В.- Перечислите, что вы получали.
- Я - На общей норме питания 650 гр. хлеба и 13 гр. сахара в день. На завтрак овсяная сечка или каша, на обед обычно щи, на второе каша, на ужин каша или суп /весьма жидкий/.

З.- А сколько каши ?

Я - Положено 300 г , но я ее не вешал. У меня не было весов.

В.- И это все ?

Я - Все. Иногда - один раз в неделю картофельное пюре. Иногда на завтрак или ужин - суп из рыбьих костей. Положено 50 г мяса, но мы его не видели.

В.- Я тоже иногда ем суп из рыбы.

Я - Уверяю вас, что вы не стали бы есть то, что ели мы. Вы даже близко не подошли бы к нашей столовой, такая от нее шла вонь.

В.- Если вы теперь посчитаете стоимость того, о чем говорите, у вас выйдет больше 13 руб.

Я - Не думаю.

В.- Вы не понимаете, вы были на дотации у государства.

Я - Мы не только не были на дотации, но из нашей зарплаты вычитали 50 % ежемесячно.

В.- Но вы же скопили к освобождению более 100 руб.?

Я - Я же говорю, что был на очень выгодной работе последний год. Мне очень повезло. Большинство моих товарищей не имело денег даже на покупку продуктов в магазине. До этой последней работы я почти год работал на фрезерном станке /по дереву/ , на котором никто не мог заработать, так как были очень высокие нормы. Кроме того, это была очень опасная работа - многие остались без пальцев. Я могу назвать их фамилии.

В.- Не надо.

Я - Я вижу, что вы не хотите объективно выяснить все обстоятельства. Вы же прокурор. Почему вы не хотите выяснить все факты и наказать виновных, а заодно улучшить положение заключенных?

В.- Но они же преступники. Это не курорт. Что же, вы считаете, что мы не должны наказывать преступников? Они лишены свободы по приговору суда, вполне законно.

Я - Суд приговорил этих людей к лишению свободы, а не к лишению здоровья. Это ведь разные вещи. Тяжесть их наказания не соответствует их преступлению.

В.- Это не входит в мои обязанности.

Я - Что же тогда в них входит ?

В.- Например, я обязан предупредить вас, что в вашем интервью содержится клевета на советский строй и что мы имеем право привлечь вас к ответственности по ст.190-1 УК, если вы не прекратите своей деятельности.

Я - Вы считаете, что факты, изложенные в этом интервью, не соответствуют действительности ?

В.- Да.

Я - В таком случае позвольте мне собрать всех этих людей, всех других, которые могут подтвердить факты. Я поддерживаю с ними связь. Хотите, они представят вам свои доказательства?

В.- Нет, нет, не надо.

Я - В таком случае, в чем же состоит клевета ?

В.- Я не намерен детально вам указывать.

Я - Но ваше заявление голословно.

В.- Вы знаете, что мы докажем вашу вину всегда. И вообще, вы признаете советскую власть ?

Я - А что такое советская власть ? Поясните.

В.- Ну, та власть, которая сейчас существует.

Я - Я не понимаю, что это такое. Дайте формулировку. Если вы имеете в виду Совет депутатов трудящихся, то против такой формы управления у меня нет возражений.

В.- Нет, я имею в виду ту власть, которая сейчас существует.

Я - Это слишком расплывчато. Сформулируйте точнее. Вы ведь тоже в некотором смысле власть. Ваших сегодняшних действий, т.е. угроз и пр., я не признаю.

В.- Мы с вами находимся по разные стороны.

Я - Лично я нахожусь на стороне закона. Если вы, прокурор, находитесь на другой стороне, то это очень печально.

В.- И вообще, зачем вы с вашими взглядами живете здесь ? Уезжайте в Америку.

Я - А вы меня выпустите ? Вепь нет? Так зачем же вы предлагаете мне это? Вы же знаете, что эта страна устроена, как мышеловка - войти можно, а выйти нет.

В.- Я официально предупреждаю вас, что мы в любое время можем привлечь вас за клевету, содержащуюся в вашем интервью.

Я - Что это, угроза ? Не надо мне угрожать. Я этого не боюсь. Если вам мало одного суда, одного моего последнего слова, будет два, а после освобождения у меня будет свежий материал для нового интервью.

В.- Так вы не прекратите своей деятельности ?

Я - Конечно нет. Это мой моральный долг перед моими товарищами по заключению. И перед теми из моих друзей, кто еще там.

В.- Ну, что же, я вас предупредил. Можете идти.

Я записал эту беседу /продолжавшуюся 2 часа/ как можно подробнее. Я не утверждаю, что записал ее абсолютно точно, но ручаюсь за правильность изложения ее основного содержания и главных вопросов. Я счел своим долгом довести ее до вашего сведения, т.к. своим официальным заявлением о клевете, содержащейся в публикации вашей газеты прокурор ВАНЬКОВИЧ наносит ущерб репутации вашей газеты. Лично я со своей стороны заявляю, что готов представить точные подтверждения той информации, которую дам перед лицом любой объективной комиссии.

Кроме того, эта запись послужит примером того, каким образом организуются у нас в стране дела по ст. 190-1 УК, и в случае моего ареста вы будете знать обо всех подробностях дела.

Владимир Буковский

Адрес: Москва, ул.Фурманова, д.3/5, кв.59.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ИНТЕРВЬЮ С БУКОВСКИМ,
ОПУБЛИКОВАННОГО В "ВАШИНГТОН ПОСТ" 17 МАЯ 1970 ГОДА
/ПЕРЕВОД СДЕЛАН В СССР/.

"ВАШИНГТОН ПОСТ"
17 МАЯ 1970

СОВЕТСКИЙ ОПОЗИЦИОНЕР ОПИСЫВАЕТ ЖИЗНЬ
В СОВЕТСКИХ ПСИХБОЛЬНИЦАХ И ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ

М о с к в а, 16 мая. Встреча с Владимиром Буковским, оппозиционером. Он провел 6 из своих 27 лет в советских тюрьмах, психиатрических клиниках и трудовых лагерях. В данное время он на свободе, но снова ожидает ареста. Агенты КГБ держат его под наблюдением.

Сын привилегированных членов компартии, он был смышленным и многообещающим учеником средней московской школы № 59. Затем он узнал о репрессиях и несправедливости в "бесклассовом обществе". Подросток не мог промолчать и в 1960 г. в выпускном классе школы он публикует подпольный сатирический журнал под названием "Мученик".

Директор школы и некоторые учителя были уволены. Родители Буковского получили выговоры в своих парторганизациях за "недостаточное воспитание мальчика в надлежащем духе". Буковский был исключен и ему было сказано, что он никогда не сможет учиться в советском университете.

Каким-то образом он попал в МГУ и в течение года изучал биофизику до того, как выяснилось, кто он такой. После этого он проводит свои дни, работая сторожем в музее, а ночи - на площади Маяковского, встречаясь с другими молодыми людьми, настроенными оппозиционно к системе.

Это было "Движение" - свободно-объединенная группа людей, которые хотели обсуждать вещи, о которых они не могли прочесть в контролируемой прессе.

В 1962 году Буковский организовал нелегальную выставку картин абстрактных художников неодобряемых государственными цензорами. Выставка была закрыта властями и был выписан ордер на арест Буковского. Но он бежал из столицы и присоединился к шестимесячной экспедиции по Сибири.

Он вернулся, когда все успокоилось, и работал программистом на вычислительном центре. В мае 1963 г. КГБ добралось до него.

Буковский был помещен в Психиатрический институт имени Сербского и объявлен сумасшедшим. В декабре того же года он был переведен в тюремную психиатрическую клинику в Ленинграде, где он провел, по его собственным словам "15 месяцев ада".

"В этой спецпсихбольнице было около 1000 человек - политзаключенных и убийц с различными психологическими отклонениями", - сказал Буковский - "Больные бредили и буйствовали, здоровые страдали".

"У меня было два сокамерника - старый украинский националист, который пробыл там 16 лет, и маньяк, который убил своих детей, а затем отрезал себе уши. Украинец каждую минуту, если бодрствовал, кричал о независимости Украины. Убийца только сидел и улыбался весь день". Буковский повел себя иначе: он стал самостоятельно изучать английский язык.

ИНОСТРАННЫЕ КОММУНИСТЫ

Позже он был переведен в большую камеру и завел новых друзей. В их числе были французский коммунист и австралиец латвийского происхождения. Оба поверили коммунистическим писаниям о хорошей жизни в Советском Союзе и эмигрировали, чтобы ознакомиться с ней "на собственном опыте".

Потрясенный зарплатой на обувной фабрике в Молдавии, француз уговаривал рабочих бастовать. "Коммунисты никогда не осудят рабочий класс, борющийся за свои права", - доказывал он. Он был осужден на 3 года спецпсихбольницы.

Австралиец, разочарованный жизнью в Москве, просто попытался уехать. Ему объяснили, что так как он латышского происхождения, он является советским гражданином и не может уехать. Он упорствовал и был помещен в ленинградскую спецпсихбольницу за контакты с иностранными посольствами.

Формально за заключенных отвечали врачи, но их действительными хозяевами были жестокие охранники и тюремные стукачи - преступники, набранные из обычного состава ленинградских тюрем.

"Только хитрые выживали - говорит Буковский - ты должен был понравиться охраннику, завести с ним дружбу, давать ему взятки. В противном случае они могли избить тебя до полусмерти и сказать врачу, что ты плохо себя вел. Либо они могли рекомендовать медицинские наказания.

Они били украинца ~~каждый день~~. Просто связывали и били ногами в живот. Иногда они ~~поднимали~~ заключенных в обитый ватой изолятор и бить их почти непрерывно. Я знал нескольких людей, которые умерли после этого, и уж во всяком случае, находящееся над нами непсихиатрическое отделение всегда было переполнено!"

ТРИ ВИДА НАКАЗАНИЯ

Хуже всего были медицинские наказания. Буковский описывает три метода:

1. По рекомендации стукача или охранника врач мог сделать инъекцию наркотика, который вызывает жесткие желудочные судороги, лихорадку, сильную боль и температуру. Болезнь продолжалась 2-3 дня, и после нее заключенный был очень ослаблен.

2. Другой наркотик, предназначенный для серьезных нарушителей, вызывал сонливость и притуплял рассудок. Заключенных наказывали 10 днями ежедневных инъекций. После этого они становились людьми с сильно заторможенной психикой. К некоторым возвращалась через два месяца обычная острота восприятия, к другим нет.

3. Третьим наказанием был полотняный "мешок". Заключенного плотно заворачивали во влажный брезент от шеи до пальцев ног, в то время как других обитателей камеры заставляли смотреть на эту сцену.

"По мере высыхания полотно сжимается. Это малоприятное зрелище. Обычно это наказание применялось в течение только 2 или 3 часов. Сиделка все время наблюдала, и когда пульс становился слабым, повязка ослаблялась."

Еда в психбольнице состояла из тонкой овсяной лепешки, капустного супа, который был "в основном вода, а не капуста", хлеба и рыбы раз в неделю. Никакого мяса никогда не было.

БОЛЬНОЙ, НО НЕ СУМАСШЕДШИЙ

Буковский был освобожден в феврале 1965 г. незадолго до своего 22-го дня рождения. Он похудел, у него шум в сердце и ревматизм, "но с другой стороны, все в порядке. Я все еще психически здоров."

В Москве он снова погрузился в оппозиционное движение, распространял подпольные рукописи, читал запрещенные западные книги, организовывал демонстрации, сообщал иностранным корреспондентам о новых арестах, посещал судебные процессы и не упускал из виду друзей, посаженных в тюрьмы.

"Вы должны иметь соратников при таком роде занятий, - объясняет он - КГБ преследует вас все время, и иногда они вытаскивают вас на допрос. Если никто не знает об этом, вы можете просто исчезнуть.

Но если ваши друзья знают о вашем аресте, до некоторой степени вы в безопасности. Они расскажут другим людям. Они посетят ваш судебный процесс. Они знают срок, к которому вас приговорили, и они знают, когда предположительно вы должны быть освобождены, чтобы предотвратить использование обычных сталинских методов. Власти не хотят большого скандала. Они хотят поддерживать видимость законности".

Оппозиционеры никуда и никогда не ходят одни. Они никогда не живут в одиночестве, и они всегда говорят другим, что они делают в любую минуту. Все аресты и судебные процессы регистрируются Самиздатом, - подпольными рукописями, передаваемыми по цепочкам.

2 декабря 1965 г., после 9 месяцев свободы Буковский был арестован за организацию демонстрации протеста против заключения в тюрьму Андрея Синявского и Юлия Даниэля, двух писателей, произведения которых были признаны антисоветскими. Снова Буковский был помещен в Психиатрический институт имени Сербского.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ЗА АМНИСТИЮ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Друзья нелегально сообщили в Лондон о его бедственном положении. После этого Комитет послал представителя в Москву ходатайствовать о его освобождении. Буковский предполагает, что этот человек "вероятно угрожал большим скандалом по поводу его ареста". Он был освобожден в августе 1966 г. без всяких объяснений.

Но его свобода была недолгой. 26 января 1967 г. он был арестован за организацию другой демонстрации, протестовавшей против репрессии среди советской интеллигенции. Уголовный суд признал его виновным в хулиганстве и приговорил к 3 годам заключения в трудовых лагерях в Воронежской области в 500 километрах от Москвы.

Но дух Буковского не был сломен. На процессе он заявил судье: "Неважно что вы со мной сделаете. Моя свобода внутри меня. Когда я вернусь, я наверняка буду заниматься тем же самым".

В Воронежской области 10 трудовых лагерей и 2 тюрьмы. Российская федерация, которая охватывает 90 % территории СССР, разделена более чем на 65 таких областей. Борский лагерь с 1500 заключенными окружен сторожевыми вышками с военной охраной, колючей проволокой и "зоной стрельбы без предупреждения". Солдаты могут без предупреждения стрелять в любого заключенного, появившегося в этой зоне.

"СЫНОК, РАБОТАЙ, ПОЖАЛУЙСТА"

Заключенные живут в бараках и должны работать для получения еды. Плакаты призывают: "Кто не работает, тот не ест" и "Помни, что тяжелый труд - единственная дорога домой". В бараке, где жил Буковский, находилась картина плачущей матери с надписью: "Сынок, работай пожалуйста, чтобы вернуть себе свободу".

Большинство заключенных были сельскими жителями, осужденными за мелкое воровство. Среди сотоварищей Буковского был крестьянин, которому дали три года за то, что он украл цыпленка, и человек, посаженный на год за драку с женой.

Буковскому удалось договориться о получении одной из немногих "квалифицированных" работ в лагере - полировки столов в столярной мастерской. Он получал 60 рублей в месяц - 66 долларов по официальному курсу обмена.

Половина этой суммы отчислялась в пользу государства. 12 рублей нужно было платить за питание в лагерьной столовой. Остальные деньги шли на одежду, взятки охране и покупку дополнительных продуктов в лагерьном ларьке.

Заключенным разрешалось получать одну посылку из дома раз в четыре месяца и одно посещение родственниками в год. При отсутствии взысканий заключенным разрешалось дополнительно истратить семь рублей в лагерьном ларьке, также раз в месяц.

Немногие могли себе позволить такую роскошь. Большинство из них занималось неквалифицированным трудом, едва зарабатывая на двенадцатирублевое питание.

"Даже собака не могла бы жить на 12 рублей в месяц. А когда нас наказывали строгим режимом, а это было часто, месячный стоил уже 7 рублей, причем пользоваться ларьком было уже нельзя. Мы жили на жидкой каше и воде в которой плавал листочек капусты. Любой человек, который ограничивал себя лагерьной едой, умер бы через полгода. Единственным путем прокормиться было - дать взятку охранникам или получать посылки из дома".

ДЕНЬГИ КОНТРАБАНДОЙ

Во время ежегодных визитов родственники контрабандой передавали деньги. "Одним из любимых способов было вытрясти табак из сигарет и заменить его свернутой в трубочку десятирублевкой. Охранники, которые обыскивали нас, были подкуплены, и мы никогда не попадались.

Мне не хочется говорить о других способах, потому, что я не хочу, чтобы мои товарищи умирали с голоду".

Заключенные, которые покупали пищу сверх пайка, делились ею со своими товарищами. По словам Буковского, законом лагеря было: "Те, кто имеют, дают тем, кто не имеет" .

Избиений в лагере было немного. "Как только мы слышали о том, что охранники кого то избили, мы поднимали бунт. Мы попросту неистовствовали, разбрасывали вещи, ломали стулья и двери и ставили ультиматумы. После нескольких таких бунтов они перестали бить нас. "

Однако тогда применялись более утонченные наказания. После того, как все предыдущие попытки вызвать покорность у заключенных потерпели неудачу и были признаны "непродуктивными", всех наказанных стали помещать на "строгий режим". "Они добивались до самого уязвимого места - до желудка."

Более серьезные нарушители получали 15 суток "заключения в темной, маленькой, одиночной камере без туалета и почти без пищи". Буковский попадал в одиночку пять раз; " я не был особенно трудным заключенным" - утверждает он.

Он живет в небольшой квартире с матерью, сестрой, ее мужем и их ребенком. Он зарабатывает 50 рублей, будучи секретарем у симпатизирующего ему писателя.

Квартира и телефон прослушиваются. Буковский чувствует, что его сопровождают повсюду. Каждый раз, когда он передает подпольную литературу или беседует с иностранцем, он рискует арестом. Но он утверждает: "Люди должны знать, что здесь происходит. Мир должен знать".

Об одном Буковский говорит ясно: он не хочет жить на Западе. Он хочет пытаться улучшить жизнь в Советском Союзе. Он сознает, что принадлежит к ничтожному меньшинству с небольшими шансами на успех. По его оценке в больших советских городах живет около 2000 людей подобных ему.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В.БУКОВСКОГО ВРАЧАМ-ПСИХИАТРАМ
В США, АНГЛИИ, ГОЛЛАНДИИ, КАНАДЕ И ИЗРАИЛЕ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ
(копии и выдержки заключений судебно-психиатрических экспертиз
и другие документы по поводу шести человек, определенных
невменяемыми)

В последние годы в нашей стране вынесено несколько судебных решений о помещении в психиатрические лечебницы (в том числе и специального типа) людей, которые по мнению их родственников и близких друзей являются психически здоровыми. Это Григоренко, Рипс, Горбаневская, Новодворская, Яхимович, Гершуни, Файнберг, Кузнецов Виктор, Иофе, Борисов В., и др. люди известные своими выступлениями в защиту гражданских прав в СССР.

Такое явление вызывает обоснованную тревогу, особенно в связи с шумевшим помещением в психиатрическую больницу внесудебным порядком биолога Жореса Медведева.

Заключения судебных экспертов - психиатров, положенные в основу судебных решений, по своему содержанию вызывают ряд сомнений. Однако только специалисты-психиатры могут высказать авторитетное мнение о степени обоснованности этих заключений.

Пользуясь тем, что мне удалось получить точные копии заключений судебно-психиатрических экспертиз в отношении Григоренко, Файнберга, Горбаневской, Борисова, Яхимовича и выдержки из заключения в отношении Кузнецова В. - я направляю Вам эти документы, а также некоторые письма и материалы, характеризующие этих людей.

Буду Вам очень благодарен, если Вы заинтересуетесь этим вопросом и выскажете свое мнение.

Я понимаю, что заочно и не располагая необходимыми клиническими данными, очень трудно решить вопрос о психическом состоянии человека и определить диагноз заболевания либо утверждать отсутствие всякого заболевания.

Поэтому я прошу вас высказать ваше мнение лишь по такому вопросу: содержат ли в себе указанные заключения достаточные, научно обоснованные данные не только для вывода о психических заболеваниях, указанных в этих заключениях, но и для вывода о необходимости строгой изоляции этих людей от общества.

Я буду очень рад, если вы сможете заинтересовать этим вопросом Ваших коллег и сочтете возможным поставить его на обсуждение предстоящего Международного Конгресса Психиатров.

Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице.

И верю, что Вы не останетесь равнодушны к этой проблеме и уделите ей часть своего времени - так же, как ученые-физики находят время для борьбы против использования достижений своей науки во вред человечеству.

Заранее благодарю Вас.

В. Буковский

28 января 1971 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В.Е. БОРИСОВА
В 3-й ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ ИМ.СКВОРЦОВА-
СТЕПАНОВА -"АКТ № 575 (амбулаторный)"; (Ленинград, 14.10.69)
И ПРИМЕЧАНИЕ В. БУКОВСКОГО.

АКТ № 575 (амбулаторный) ж)

Мы нижеподписавшиеся, 14 октября 1969 г. в помещении 3-й психоневрологической больницы им. Скворцова-Степанова г. Ленинграда, на основании постановления ст.следователя прокуратуры г.Ленинграда от 23 сентября 1969 г. свидетельствуем, что амбулатория освидетельствовала Борисова Владимира Евгеньевича, 1942 года рождения, обвиняемого в преступлениях по ст.190-I УК РСФСР.

Обстоятельства дела: Борисов В.Е. работал в январе-июне 1969 г. в экспериментально-механических мастерских им.Калинина. Систематически распространял среди рабочих в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный строй, так и в печатной форме произведений такого же содержания.

У Борисова были изъяты машинописные тексты 9-ти различных документов, содержащих ложные измышления. По делу установлено, что Борисов в 1964 г. был привлечен к уголовной ответственности за совершение преступлений по ст.ст. 70, 72, 218 УК, однако судебно-психиатрической экспертизой от 23 января 1965 г. он был признан невменяемым.

Определением Ленгорсуда от 19 марта 1965 г. Борисов был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа, откуда был освобожден по заключению ЦСПЭК от 15 декабря 1967 г., признавшей, что Борисов в дальнейшем принудительном лечении в больнице специального типа не нуждается. В связи с выше изложенным назначена судебно-психиатрическая экспертиза.

По спецсправке Борисов ранее судим не был.

По показаниям свидетелей Петрова, Канорского, Борисов у себя на работе показывал сотрудникам машинописные тексты в защиту, якобы,

ж) Стационарной экспертизой не производилось. В.Борисов был сначала госпитализирован в больницу общего типа, без предъявления обвинения, а затем переведен в специальную больницу. (Примечание Буковского).

неправильно осужденного Григоренко, что Борисов, якобы, ездил в Москву, чтобы передать какие то письма иностранному делегату Советского Союза. По показаниям матери испытуемого - Борисовой - она не считает его психически больным. В деле имеется акт стационарной судебно-психиатрической экспертизы, которую Борисов проходил в СПб МОП в Ленинграде с 3 декабря 1964 г. по 23 января 1965 г. В акте имеется выписка из истории болезни № II7 ... 3758, где Борисов находился на обследовании с 10 января по 5 марта 1964 г.

Психическое состояние и поведение характеризовались малоподвижностью, вялостью, замедленностью реакций, недостаточным контактом, выражением страха и злобы в жестах и мимике, нарушением ориентировки и неправильным осмыслением окружающего. Так, госпиталь принимал за концлагерь, врачей за садистов, рассматривал свою ладонь, водил по ней пальцем, "гадал", предсказывал всем "могилу".

Диагноз: "Последствия органического заболевания головного мозга с шизофреноподобным синдромом". Постановлением ВК от 4 марта 1964г. за № 316 признан негодным к военной службе в мирное время и годным к нестроевой службе в мирное время по ст.5 "б" гр.1 приказом МО 275 1961 г. В акте имеется выписка из истории болезни № 248/4782 детской клиники ВМОЛА им. Кирова, где Борисов находился с 9 мая 1951 г. по 28 мая 1951 г. с диагнозом: "вирусный грипп с менингеальными явлениями". При обследовании на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, со стороны психики отмечались страхи и зрительные галлюцинации. Бредовых идей не развивал, контакту был доступен мало. На комиссии под амитал-кофеиновым растормаживанием подробно рассказал о галлюцинациях. Резко высказывал антигосударственные установки, но сформулировать свою позитивную программу не мог.

Заключение: Борисов В.Е. проявляет признаки органического поражения головного мозга с изменением личности (психопатоподобный синдром и снижение интеллекта), достигающие степени психического заболевания, и в настоящее время не может отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. В период совершения инкриминируемых ему деяний Борисов страдал тем же психическим заболеванием и был невменяем. Нуждается в принудительном лечении в больнице специального типа.

Согласно акту ЦСП от 15 декабря 1967 г. Борисов находился на принудительном лечении с 30 марта 1965 г. В первое время испытывал тревогу, страх, галлюцинации но в процессе лечения все эти явления прошли. В течение последнего года в больнице был спокоен, но обнаруживал некоторое снижение памяти и интеллекта, резонерство мышления. Сожалел о совершенном преступлении, хотя полной критики к своему болезненному состоянию не было.

Заключение: Борисов страдает психическим заболеванием в форме органического поражения головного мозга с психотическими проявлениями и изменением личности. Учитывая, что у больного в настоящее время имеется состояние улучшения без острой психотической симптоматики, упорядоченное поведение, без конфликтов и антисоветских высказываний с трудовыми установками, но нет достаточно критического отношения к болезни, комиссия считает, что Борисов в дальнейшем принудительном лечении в психиатрической больнице специального типа не нуждается, может быть переведен для дальнейшего лечения на общих основаниях в психиатрическую больницу Минздрава по месту жительства.

Согласно истории болезни № 3663/54 больницы им. Скворцова-Степанова Борисов находился на лечении с 13 июля 1967 г. по настоящее время с диагнозом "Органическое заболевание головного мозга с изменением личности".

Состояние декомпенсации. "Доставлен сантранспортом из 4-й ПБ Ленинграда. Был госпитализирован по неотложной госпитализации 12 июня 1969 г. *ж) В 4-й ПБ держался с переоценкой, без всякой критики, о прошлых госпитализациях говорил, как о намеренной симуляции, заявлял, что впредь будет бороться за свои убеждения. В 4 ПБ был осмотрен комиссией в составе психиатра Беляева В.П., проф. Тимофеева Н.Н. и главврача 3-й ПБ доцента Случевского Ф.И. Диагноз: "Органическое заболевание головного мозга с изменением личности, состояние декомпенсации".

ж) 12 июня 1969 г. за Борисовым прислали санитарную машину с двумя врачами и увезли в психоневрологический диспансер Выборгского района. Один из приехавших за ним врачей сказал Борисову: "Послушайте, Борисов, вы же нормальный парень, неужели вам в сумасшедшем доме хочется быть? Смените свои политические убеждения (Примечание редактора)

12 марта 1969 г. ~~жеже~~) был переведен в больницу им. Скворцова-Степанова. В приемном покое заявил, что не будет молчать, что "органы заинтересованы" в признании его "сумасшедшим". На другой день при осмотре врачом сообщил о себе анамнестические сведения. Психических заболеваний в семье не было. В 7-летнем возрасте перенес грипп с менингеальными явлениями. В подростковом возрасте получил травму головы без потери сознания при падении с крыши. Окончил 10 классов. В 1962-63 гг. служил в армии, демобилизован по диагнозу "Органическое поражение головного мозга", лечился в больнице г. Мурманска. Повторно находился в ЛБ МООН, а затем в 3 ЛБ. После выписки работал. Последнее время стал активно посещать судебные процессы высказывал свое мнение по поводу разбирательств на судебных процессах в многочисленных письмах, "агитировал против советской власти".

В 1969 г. женился, жена исключена из института за асоциальное поведение ~~жеже~~) и выписана с его жилплощади. В больнице пержался обособленно, с больными общался мало, много читал. С врачом разговаривал в снисходительном тоне, держался с некоторой рисовкой, намекал на какие-то "дела", которые он не "сделал", но не договаривал, заявляя, что это не входит в компетенцию врачей. Заявлял о намеренной симуляции в прошлом психического заболевания. Бреда и галлюцинаций не отмечалось. Обнаруживал некоторое снижение памяти и интеллекта. В больнице неоднократно пытался передавать письма недозволенного содержания через больных, посетителей. 11 октября 1969 г. был осмотрен главврачом д-ром Случевским Ф.И., который вынес заключение, что Борисов обнаруживает последствия органического поражения головного мозга (менингоэнцефалит) с изменением личности по истерическому типу. При обследовании установлено - жалоб нет. Подтверждает анамнестические сведения, приведенные выше, история болезни № 3363/54 больницы им. Скворцова-Степанова.

~~жеже~~) Sic! вероятно следует читать "12 августа", а может быть и "12 июля". (Примечание редактора).

~~жеже~~) Администрация Ленинградского Мед.института исключила ее с формулировкой: "за поступки, несовместимые со званием советской студентки"; на самом же деле - за отказ раскаться и осудить своего брата. /Примечание редактора/.

Физическое состояние: Ниже среднего роста, удовлетворительного питания. Тоны сердца ясные. В легких хрипы. Язык влажный, чистый. Живот безболезненный.

Неврологическое состояние: Зрачки слегка неравномерные, правый больше левого, реакция на свет и конвергенция достаточная. Правая глазная щель шире левой. Сухожильные рефлексы живые, равномерные, кроме ахилловых (левый выше правого). Легкая атрофия мышц плечевого пояса слева.

Со стороны психики: ориентирован правильно. Галлюцинаций нет. Обнаруживает выраженную переоценку собственной личности, с врачами разговаривает в снисходительно-насмешливом тоне. Заявляет, что никто не может поколебать его политических убеждений, но в чем они выражаются сформулировать не может. Без критики относится к антигосударственным высказываниям психически больных, находившихся вместе с ним, на принудительном лечении, уверен, что за связь с ними он подвергался слежке, однако далее идей преследования не развивает. Память, интеллект несколько снижены. Суждения поверхностные. С трудом воспроизводит элементарные сведения из программы средней школы, причем заявляет, что этого всего можно не знать, "я без этого могу вычислить схему для постройки моста". Держится со значительной рисовкой. Многозначительно не договаривает о себе и своей роли в каких-то "делах" намекает, что имеет сообщников, подчеркивает свое "особое" положение в больнице. Психически больным себя не считает.

Заключение:

Борисов В.В. обнаруживает последствия органического заболевания головного мозга (менингоэнцефалит) со снижением интеллекта и изменение личности в степени, достигающей психического заболевания. Как психически больной в отношении инкриминируемых ему деяний невменяем.

Учитывая повторное и активное стремление к распространению антигосударственных измышлений, а также отсутствие критики к своему болезненному состоянию Борисов подлежит направлению на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.

Подписи:

Светланова Н.К.

Браверман Л.Б.

Щербатов

ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСПАНСЕР
ЛЕНИНГРАДСКОГО Р-НА Г.МОСКВЫ

19 ноября 1969 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ГОРОДСКОГО ПСИХИАТРА
ЯНУШЕВСКОГО И.К. (о состоянии ГОРБАНЕВСКОЙ Н.Е.)

На основании изучения истории болезни, катамнестического анализа более 10 лет и осмотра - данных за шизофрению нет. Психопатическая личность с истерическими проявлениями и склонностью к декомпенсации. В настоящее время в направлении в психиатрическую больницу не нуждается.

АКТ № 28/С

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ГОРБАНЕВСКОЙ Н.Е.

от 6 апреля 1970 г.

Председатель Комиссии МОРОЗОВ Г.В. (член-корреспондент АМН СССР)

Члены: ЛУНИ ПЕЧЕРНИКОВА МАРТЫНЕНКО

Со слов испытуемой, из материалов дела и медицинской документации известно следующее.

Наследственностью неотягощена ... Росла и развивалась правильно ... Рано научилась читать, в школу пошла во 2 класс. До 7-го класса - отличница, вела большую общественную работу. С 8-го класса стала учиться хуже, "ленилась", в школе стали возникать частые "эксцессы", вызывали мать. дома по этому поводу - конфликты с матерью. Поступила в МГУ на филологический факультет, училась хорошо. Но на 2-м курсе из-за задолженности по физкультуре не была допущена к сессии, затем отчислена. Сама ГОРБАНЕВСКАЯ рассказывает об этом: с 1955 г. - боязнь высоты, не могла заниматься на снарядах.

Свидетель: Невестка Горбаневской: в 1955 г. наблюдались "какие-то психические расстройства". К врачам не обращалась. Матери об отчислении из МГУ не сказала. Уехала в г. Калининград учиться в техникуме по киномеханике, но через 4 дня вернулась домой.

Год не училась, настроение неустойчивое. Иногда безмотивно уходила из дома. Мать ... отмечает, что дочь была неряшлива, к вещам и своему внешнему виду безразлична. В том же году познакомилась с грузином и через 7 дней уехала с ним в Грузию. Через 2 недели вернулась: "Не тот человек".

в 1956 г. ГОРБАНЕВСКАЯ вторично прошла по конкурсу на филфак МГУ. В 1957 г. вновь отчислена "за пропуски занятий". (В 1955 г.) За несколько месяцев до отчисления - подавленное настроение, мысли о нежелании жить, пыталась покончить жизнь самоубийством. Свою суицидальную попытку объясняла "холодностью" человека, которого любила. Усилился страх высоты, не могла ходить по лестнице. 2 недели - "голоса с потолка". С этого же времени сама отмечает изменения характера - стала груба с матерью, раздражалась, часто уходила из дома, уезжала в другие города, появилась, по ее выражению, склонность к "рефлексии, импульсивность".

Невестка: крайне груба с матерью, не терпела никаких возражений, во время ссор бросала вещи в мать. Дома ничем не занималась. Ходила неаккуратная, "обтрепанная". После второго отчисления из МГУ пыталась работать, но нигде подолгу не удерживалась. В августе 58 г. работала библиотекарем Всесоюзной книжной палаты и в этом же году поступила на заочное отделение филфака Ленинградского ГУ.

В конце 1959 г. у испытуемой "после переутомления" вновь ухудшилось состояние: появились неприятные ощущения в кончиках пальцев рук. Не могла дотрагиваться до бумаги, карточек, появился страх: боялась, что не сможет работать. На работе ничего не делала, сидела подолгу в одной позе, сжав ладони в кулак. Все ее раздражало, особенно шуршание бумаги. Появилось "страшное внутреннее раздражение", бессонница. Тогда же обратилась к районному психоневрологу. Амбулаторная карта от 15-X-59 г.: "У больной с августа - неприятное ощущение в кончиках пальцев рук, не может видеть как другие дотрагиваются до бумаги, от этого "внутри делается плохо". Прогулы объясняет тем, что у ее подруги не ладится семейная жизнь, ГОРБАНЕВСКАЯ от этого расстраивается и ей не хочется видеть людей. На приеме резонерствует, к матери относится враждебно. Диагноз: шизофрения? психопатия с навязчивостями?" (Амбулаторная карта имеется в распоряжении экспертов).

С 15-X-59 г. по 30-X-59 г. находилась в психиатрической больнице им. Кащенко. В больнице обнаружила эмоциональную холодность к матери, брату. Неприятное ощущение в кончиках пальцев рук, не могла дотрагиваться даже до постели - лежала с поднятыми вверх руками. В отделении: бессонница, больных воспринимала как здоровых, но внушивших себе какое-либо заболевание. Больничной обстановкой не тяготилась, но затем внезапно заявила врачу о выписке, так как боялась, что сама внушит себе психическое заболевание. После выписки из больницы

у испытуемой навязчивые мысли и страхи не проходили, она посещала диспансер, лечилась гипнозом. Получила 3-ю группу инвалидности. В 1960 г. не работала и не училась. Сон поверхностный, дома по хозяйству ничем не могла заняться.

В дальнейшем состояние улучшилось. В 1961 г. родила сына от внебрачной связи. В 1961 - 1968 гг. в диспансер обращалась очень редко. Каждый раз - жалобы астенического характера. Много работала - переводы с иностранного по договорам. С 1969 г. постоянной работы не имела (частные уроки, рецензии, переводы). В феврале 68 г. - лечение в отделении паталогической беременности: угроза выкидыша. В связи с отказом от еды осмотрена психиатром и переведена в больницу имени Кашенко, где находилась с 15-II-68 по 23-II-68 г.

Согласно имеющейся в материалах дела истории болезни, известно, что за время пребывания на лечении в больнице продуктивных психотических расстройств у нее не отмечалось, констатирована - эмоциональная холодность, вялость, склонность к резонерству. Осмотрена главным врачом больницы, диагноз: "шизофрения, вялотекущая". В мае 68 г. - второй ребенок от внебрачной связи. 25 августа она принимала участие в выступлении на Красной площади, взяв с собой трехмесячного ребенка. За это выступление ей было предъявлено обвинение по ст. 190-I УК РСФСР. Направление на амбулаторную экспертизу в Институт им.Сербского. Комиссией врачей ГОРБАНЕВСКАЯ была признана невменяемой с диагнозом: "глубокая психопатия, не исключена возможность наличия вялотекущего шизофренического процесса". Дело испытуемой было прекращено и она была взята матерью на попечение, однако своей деятельности не прекратила и была вновь привлечена к ответственности.

Физическое состояние - нормальное.

Неврологическое состояние - расходящееся косоглазие слева, слегка сглажена левая носогубная складка, язык - чуть вправо. Сухожильные рефлексы - равномерны.

Психическое состояние:

Испытуемая ориентирована в окружающей обстановке формально правильно понимает цель направления на экспертизу. Схотно вступает в беседу. Держится спокойно. На лице улыбка. Считает себя психически здоровым человеком. Уверена, что направлена она на экспертизу для того, "чтобы не было шума", "так было выгодно прокурору". В то же время не отрицает психотического эпизода в прошлом, считает, "что

в то время была нервнобольной." Мышление ее временами бывает паралогичным, непоследовательным. Не отказывается от своих поступков, но считает, что ничего противоправного не совершила. Непоколебимо убеждена в правильности своих действий, по поводу которых много резонерствует, в частности заявляет, что она действовала так, чтобы в дальнейшем не чувствовать себя виноватой перед своими детьми". Не проявляет беспокойства по поводу своего будущего и судьбы своих детей, считает, что "ее друзья помогут детям", а ей "ничто плохое не грозит." Писать жалобы прокурору - лень, переносить следствие - легко. Обо всем (о своей жизни, деятельности, детях) рассказывает монотонным голосом. Обнаруживает недоброжелательное отношение к матери, не приводя никаких аргументов. Критическая оценка своего состояния и сложившейся ситуации отсутствует.

Заключение:

ГОРБАНЕВСКАЯ страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении. Заболевание у ГОРБАНЕВСКОЙ началось рано в виде кратковременного психотического эпизода (страха, слуховых галлюцинационных переживаний, безмотивных поступков), в дальнейшем оно приняло вяло-прогредиентное течение без выраженного обострения с постепенным нарастанием личностных изменений.

Настоящее психиатрическое обследование выявляет у ГОРБАНЕВСКОЙ наличие специфических для шизофрении изменений мышления, эмоциональных и критических способностей.

Поэтому, как душевнобольную, ГОРБАНЕВСКУЮ в отношении инкриминируемого ей деяния, совершенного в болезненном состоянии, следует считать невменяемой. По своему психическому состоянию в связи со стойкостью патологических переживаний, определяющих ее поведение, ГОРБАНЕВСКАЯ нуждается в направлении на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.

В заключении Института им. Сербского по делу Н. Горбаневской сказано, что она "обнаруживает недоброжелательное отношение к матери" и "не проявляет беспокойства по поводу ... судьбы своих детей". Ее письма из тюрьмы в период после суда и в период экспертизы опровергают этот "симптом", и не случайно эксперты отказались исследовать ее письма. (Примечание Букковского).

А К Т № 40

АМБУЛАТОРНОЙ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ГРИГОРЕНКО П.Г.
18 августа 1969 г. в помещении КГБ, в присутствии следователя
Березовского.

17 апреля 64 г. Григоренко находился на стационарной судебно-психиатрической экспертизе в связи с обвинением в преступлении, предусмотренном ч. I ст. 70 УК РСФСР. Заключение комиссии НИИ судебной психиатрии им. Сербского признан был неизменяемым, как страдающий психическим заболеванием в форме параноидного (бредового) развития личности с присоединившимися явлениями начального артериосклероза головного мозга. Констатировались идеи реформаторства, в частности переустройства государственного аппарата, в сочетании с идеями переоценки собственной личности, идеи мессианства, элементы параноидного толкования отдельных нейтральных фактов. В своих идеях испытуемый был непоколебим, излагал их с большой аффективной охваченностью, некритически воспринимал возражения собеседников.

Согласно определению 084/64 военной Коллегии Верховного Суда СССР Григоренко, в соответствии со ст. II УК РСФСР был освобожден от уголовной ответственности по части I ст. 70 УК РСФСР и на основании ст. 58 УК был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа, где находится с 14 августа 64 г.

16 марта 65 г. Григоренко был освидетельствован внутриведомственной судебно-психиатрической экспертной комиссией специальной психиатрической больницы МООН РСФСР в г. Ленинграде. Комиссией было подтверждено заключение экспертной комиссии Института им. Сербского, но в то же время указано, что к моменту освидетельствования 16 марта 65 г. Григоренко из болезненного состояния вышел, "находится в состоянии хорошей компенсации, не требующей стационарного лечения и обнаруживает лишь признаки склероза головного мозга." Поэтому комиссия сочла нецелесообразным дальнейшее пребывание Григоренко в условиях специальной психиатрической больницы и возможным выписать его под наблюдение психо-неврологического диспансера по месту жительства.

Определением № 084/64 Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 17 апреля 65 г. принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа прекращено. Однако в период 1965-69 гг. Григоренко, проживая в Москве, продолжал систематически заниматься

изготовлением, размножением и распространением документов, содержащих измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, в связи с чем Григоренко вновь был привлечен к уголовной ответственности.

Из анамнеза, по данным дела и со слов испытуемого устанавливается

Родился в крестьянской семье, с ранних лет участвовал в различных полевых работах. В школе обнаружил любознательность, был энергичным способным учеником. После окончания сельской школы работал учеником слесаря, принимал активное участие в общественной жизни, вступил в комсомол, был инициативным, требовательным к себе, стремился расширить свой кругозор, знакомился с политической литературой, стремился к повышению общих знаний. Закончив рабфак, учился в Харьковском Технологическом институте. В 1931 г. мобилизован в армию и направлен в Военно-инженерную Академию, которую закончил в 1934 г. Всегда был активным, участвовал в различных дискуссиях, боролся с "расхлябанностью", за разъяснением некоторых теоретических вопросов обращался непосредственно в ЦК. Окончил Академию Генерального Штаба. В 1939 г. получил легкую контузию в битве при Халхин-Голе. В годы Великой Отечественной войны был на фронте. В 1944 г. ранен в область голеностопного сустава, находился в госпитале. По возвращении на фронт контужен, на короткий срок терял сознание, в госпитале не стационарировался. В годы войны характеризовал себя собранным, деловым, распорядительным. В первые годы войны получил выговор по партийной линии за резкие критические замечания о состоянии наших вооруженных сил.

После окончания войны работал в военной Академии им. Фрунзе старшим преподавателем. В 1949 году защитил кандидатскую диссертацию, но "защита" тормозилась ввиду критики им некоторых утвердившихся в практике положений. В 1951 г. перенес опоясывающий лишай, наблюдался парез лицевого нерва, отмечались скачки кровяного давления. С 1959 г. - начальник кафедры управления войсками, готовил докторскую диссертацию.

XX съезд вызвал у него много размышлений в отношении значения Сталина как личности; пришел к выводу, что во всем виноват не Сталин, а система, его породившая. В 1961 г. с критическими замечаниями и своими соображениями выступил на партийной конференции. После этого выступления был лишен мандата и отстранен от заведования кафедрой. Считал подобные действия неправильными. Обращался с

жалобами в различные партийные и государственные учреждения. После разбора его дела на парткомиссии решил, что правительство отступило от "ленинских принципов". В 1962 г. получил должность начальника оперативного отдела армии Приморского края. Назначением этим был недоволен, считал его несправедливым. Решил бороться с существующим строем, "вести разъяснение в народе ленинских положений, распространять "ленинские принципы". Стал изготавливать листовки, размножать их на пишущей машинке. Исходили эти листовки якобы от "Союза борьбы за возрождение ленинизма". К изготовлению листовок привлек своих сыновей и племянника. В это время появились головные боли, боли в области сердца, подозрение на инфаркт миокарда, четыре раза диагностировались микроинфаркты. Но оставался деятельным, энергичным, настойчивым. В имеющихся служебных характеристиках и отзывах сослуживцев отмечаются как положительные качества Григоренко (энергичный, дисциплинированный, исполнительный, трудолюбивый), так и отрицательные (вспыльчив, невыдержан, излишне самоуверен, склонен к переоценке своих знаний и способностей). Сам Григоренко характеризует себя как очень исполнительного и дисциплинированного человека, "всегда по приказу и зову партии шел работать туда, где было нужно, хотя иногда и очень трудно". Физически был всегда практически здоров. В детстве болел несколько раз тифами, малярией. Будучи взрослым обращался к врачам по вопросам простудных заболеваний, фурункулеза, гастрита, радикулита, неврастенических реакций.

В 1961 г. находился в санатории по поводу "умеренно выраженного атеросклероза аорты и коронарных сосудов, атеросклерозного миокардиосклероза".

Каких либо значительных изменений в характере и в соматическом состоянии ни Григоренко, ни окружающие его не замечали.

Во время следствия и пребывания в 1964 - 65 гг. в Институте им. Сербского активно протестовал против направления на экспертизу, обнаружил склонность к аффективным реакциям, объявлял голодовку, считал, что в Институте создается "особый режим", искусственная обстановка для вызывания "психических реакций", специально "подсаживали" людей, влияющих на его психику. В дальнейшем стал более спокойным, много читал, видел свое призвание в борьбе за возрождение ленинских идей, за создание "поколения новых революционеров".

Свою работу считал пока бесплодной, но не бесполезной, борьбу справедливой, а путь, на который он встал, единственно правильным. Собираясь суд использовать как трибуну для своего выступления. Был многословен, с трудом переключался на новые темы беседы, обнаруживались явления слабодушия, склонность к слезам, недостаточно критично осмыслил ситуацию. В специальной больнице держался спокойно, был вежлив, сдержан. Однако, давая пояснения по делу, начинал волноваться, спорить, возбуждался, повышал голос, становился раздражительным, даже злобным. При перемене темы беседы легко овладевал собой, успокаивался. Обманы чувств отсутствовали. Мышление было обычного темпа, без структурных нарушений, но несколько инертно, со склонностью к застреванию на одних и тех же фактах и волнующих переживаниях. Проявлял упрямство, был настойчив. В беседе стремился завладеть инициативой, навязать собеседнику свою точку зрения. Возражений не принимал, слушал их невнимательно, перебивал собеседника. Отмечалась тенденция к расширенному толкованию фактов и некоторая неправомерность их обобщения. Себя психически больным не признал. К своим способностям и возможностям продолжал относиться с повышенной оценкой, держался самоуверенно, был мелочно требователен и придирчив к персоналу. Критика к своим противоправным действиям была недостаточной. Соглашался, "что поступил глупо" и "наделал хлопот" семье, но по существу оставался попрежнему убежден, что проводимый политический и экономический курс неправилен. Нарушений памяти и интеллекта не отмечалось. С семьей поддерживал теплые отношения. Постепенно свыкался с мыслью о невозможности возвращения его на прежнюю должность и о выписке без пересмотра вменяемости, появилось правильное критическое отношение к своим противоправным действиям, "исчез элемент жертвенности и мессианства". Соглашался с мыслью о возможности отдельных недостатков, о необходимости терпеливо и настойчиво работать по их преодолению. Отказ ему в военной пенсии считал незаконным, но уверял, что сумеет заработать на период времени до разрешения вопроса о пенсии. Планы на будущее были реальными. После выписки от получения пенсии отказался, работал грузчиком до 1967 г. Стремился наглядно показать, что "коммунист может вести себя не хуже, чем дьякон из купринской "Анафемы", что он также, как этот последний,

"лучше камни ворочать будет, чем поступится своими идеалами и своим человеческим достоинством". Многочисленные свидетели - единомышленники Григоренко, характеризуют его активным, принципиальным, образованным и высоко эрудированным человеком. С 1967 г. Григоренко начинает обращаться с письмами в высшие партийные и советские инстанции, в которых выражал в резкой форме свое несогласие с существующим порядком и политическим направлением. Считал, что имеет место отступление от идей ленинизма.

В настоящее время при обследовании обнаружено следующее:

Со стороны физической - высокого роста, достаточного питания ... тонн сердца приглушены. АД (артериальное давление) - 180/90 ...

Нервная система:

Зрачки равномерны, реакция их на свет, аккомодация живая. Глазные яблоки конвергируют достаточно. Лицо и оскал зубов симметричны. Язык по средней линии, мягкое небо при фонации подвижно, симметрично. Двигательных расстройств нет. Сухожильные рефлексы с верхних конечностей живые, равномерные. Коленный рефлекс с права ослаблен. Ахиллов рефлекс справа вовсе не вызывается (ранение). Паталогических рефлексов нет, расстройства чувствительной статики, координации - нет.

Психическое состояние:

Сознание ясное, правильно ориентирован. В беседе держится вполне упорядоченно, естественно. Легко доступен к контакту. Речь связанная, целенаправленная, несколько обстоятельная. Сообщает о себе подробные и последовательные сведения, обнаруживая при этом достаточное внимание, память, широкую и разностороннюю осведомленность в политических, общественных, общеобразовательных и специальных вопросах. Заявляет, что он всю свою сознательную жизнь интересуется общественными и политическими науками, "всегда был активным руководителем и агитатором, вел борьбу с расхлябанностью и беззаконием". Несмотря на то, что он по долгу своей службы занимался военно-техническими дисциплинами, считает себя более осведомленным в вопросах политических и общественных наук. Сам характеризует себя настойчивым и активным в достижении цели и когда "приходит к какому-либо заключению, уже не поступится в своих выводах".

В момент обследования достаточно синтонен, эмоционально жив.

на вопрос о его противоправных действиях проявляет аффективную реакцию, раздражается, краснеет, в повышенном тоне стремится доказать правоту своих суждений. Критически оценивает свою преступную деятельность до 1964 г., когда продуцировал и распространял листовки и другие документы среди населения. Считает этот способ борьбы неправильным. В своих действиях, связанных с настоящим привлечением его к ответственности, ничего противоправного не усматривает, так как проводил их открыто, выступая от себя лично, и никаких организационных мер не предпринимал. Бреда, обманов восприятий не обнаруживает. Тяжело и адекватно переживает создавшуюся для него ситуацию. Себя считает психически здоровым, указывая, что был взволнован фактом назначения судебно-психиатрической экспертизы, так как больше всего боится признания его психически больным, помещения в психиатрический стационар и пребывания среди психически больных. Говоря об этом, проявляет очень живую эмоциональную реакцию, заплакал, но тут же смутился, опустил голову, пытался скрыть слезы, извинился "за свою слабость" перед членами комиссии.

На протяжении всей беседы сохранял вежливость, корректность в обращении.

На основании данных, полученных при изучении материалов уголовного дела, медицинской документации, имеющейся в деле, наблюдений Григоренко в следственном изоляторе (материалы личного дела), а также данных, полученных при его объективном обследовании, - приходим к заключению:

Григоренко признаков психического заболевания не проявляет в настоящее время, как не проявлял их в период совершения /вторая половина 1965 г. - по апрель 1969 г./ инкриминируемых ему преступлений, когда он отдавал отчет в своих действиях и мог руководить ими.

В содеянном вменяем.

I. Деятельность Григоренко имела целенаправленный характер, касалась конкретных событий и фактов, вытекала из его личных убеждений и во многих случаях из таких же убеждений его единомышленников и не содержала болезненных бредовых признаков. Григоренко на протяжении всей своей жизни правильно развивался в нервно-психическом отношении, хотя и обнаруживал всегда отдельные своеобразные черты характера, как высокую стеничность и настойчивость

в достижении цели, некоторую склонность к переоценке своих возможностей, стремление к утверждению своего мнения.

Одновременно с этим он обнаружил хорошие интеллектуальные способности, добился неуклонно общего развития, трудового и социально-общественного роста. В коллективах хорошо уживался, являясь руководителем и воспитателем. Какого-либо заметного болезненного перелома и сдвига в развитии его личности не усматривается.

Не исключено, что Григоренко под влиянием создавшейся у него в 1964 г. неблагоприятной психогенной ситуации, и имея отдельные своеобразные черты характера, перенес болезненную реакцию, расцененную в Институте им.Сербского как "параноидальное развитие". В дальнейшем, как видно из заключения судебно-психиатрической экспертной комиссии психиатрической больницы МООН РСФСР в г.Ленинграде, Григоренко из болезненного состояния вышел. При дальнейшем наблюдении его в психо-неврологическом диспансере г. Москвы признаков психического заболевания у него не отмечалось.

2. Григоренко в стационарном обследовании не нуждается, так как его личностные особенности и психическое состояние достаточно полно рисуется материалами дела, данными наблюдения его в следственном изоляторе, а также данными, полученными его обследованием в амбулаторном порядке.

Сомнений в психическом здоровье Григоренки при его амбулаторном обследовании не возникло. Стационарное обследование в настоящее время не расширит представления о нем, а наоборот, учитывая возраст, резко отрицательное отношение его к пребыванию в психиатрических стационарах, повышенную его ранимость, - осложнит экспертизу.

Профессор Детенгоф
Главный психиатр Туркестанского Военного округа:
Каган

Славгородская,
Смирнова.

АКТ № 59/с

Заключение стационарной судебно-психиатрической
экспертизы П.Г. ГРИГОРЕНКО в Институте им.Сербского
(Москва), 19.II.69

АКТ № 59/с

Стационарной судебно-психиатрической экспертизы Григоренко П.Г.

19 ноября 1969 года в Центральном НИИ судебной психиатрии им.Сербского свидетельствован Григоренко П.Г., 1907 г., обвиненный по ст.190-1 УК РСФСР. В Институт поступил согласно постановлению следователя по особо важным делам Прокуратуры Узб.ССР от 13 октября 1969 г. в связи с сомнением в психической полноценности испытуемого. В стационар поступил 22 октября 1969 г.

Со слов испытуемого, из медицинской документации и из материалов дела известно, что испытуемый рано лишился матери, рос в тяжелых материальных условиях, рано начал заниматься тяжелым физическим трудом. Был слабым, болезненным ребенком. В школе с 8 лет. По характеру был подвижен, общителен, был любознательным, увлекающимся, упрямым, всегда отстаивал свои взгляды, защищал слабых. Учился хорошо, окончив 4 класса, работал учеником слесаря. С этого времени активно участвовал в общественной жизни, вступил в комсомол. Учился на Рабфаке Харьковского Технологического Института, в 1931 г. был мобилизован в армию и направлен в Военно-Инженерную Академию. Во время учебы в Академии и в последующие годы он оставался активным, целеустремленным, интересовался всеми событиями, происходящими в стране, и, как он сам отмечает, был деятельным, "наводил порядок", пользовался авторитетом среди товарищей, но в то же время не любил возражений, легко раздражался, мог сказать "в лицо" человеку, с которым спорил, что-нибудь грубое и резкое. В 1934 г. окончил Академию и, несмотря на то, что его оставляли в адъютантуре, он, по его словам, добился направления на строительный объект.

Затем окончил Академию Генерального Штаба и служил в Хабаровске до 1943 г. Работал, по его словам, с увлечением, стремился вникнуть в любое дело, всегда добивался того, что по его мысли, имело значение в решении того или иного вопроса.

В первые годы войны за критические высказывания о состоянии вооруженных сил СССР получил выговор по партийной линии.

С 1943 г. - участник Отечественной войны. В 1944 г. - ранение (нога) и контузия головы с кратковременной потерей сознания - не госпитализирован.

После войны работал в Военной Академии им. Фрунзе старшим преподавателем, в 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию. По его словам, защита откладывалась, так как он в дискуссии высказывал критические взгляды на некоторые положения. В 1959 г. Григоренко назначен начальником кафедры Управления войсками.

Малоб на состояние здоровья в то время не предъявлял, был активен, вел научную работу, публиковал статьи, следил за общественными и политическими событиями в стране, много думал о материалах XX Съезда КПСС и пришел к выводу, что не ликвидированы еще полностью последствия "культы личности", в партии еще остались "бонапартистские методы работы.

В 1961 г. на районной Партконференции он выступил с "критическими замечаниями", после чего был отстранен от занимаемой должности. Тяжело переживал, был убежден в своей правоте, добивался восстановления своих прав. В этот период - головные боли, шум в голове и боли в сердце. Стал более вспыльчив, раздражался, не терпел возражений. В 1962 г. Григоренко назначен начальником оперативного отдела армии Приморского края.

Как видно из акта № 25/с судебно-психиатрической экспертизы за 1964 год, где есть данные за период службы в Приморском крае, Григоренко, наряду с энергичным, исключительным трудолюбием, страдал "чрезмерным зазнайством", переоценивал свои знания и способности, был вспыльчив, несдержан, авторитетом не пользовался. Он отмечает, что был обижен на перевод из Москвы, считал, что его специально "удалили из Москвы". Тогда же он пришел к выводу, что правительство "загнивает", отошло от ленинских норм и принципов, что необходимо вести разъяснительную работу среди народа, направленную на то, чтобы "разрушить" существующий строй. Изучая Маркса, Ленина, размышлял над ошибками руководства, стремился наметить правильный путь. Был поглощен этими мыслями, считал это "делом своей совести и чести".

В 1964 г. во время отпуска в Москве распространял листовки соответствующего содержания. Был привлечен к уголовной ответственности по ст.70 УК РСФСР, ч.1. Прошел стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в НИИ им.Сербского с 12 марта по 18 апреля 1964 года.

Его психическое состояние характеризовалось наличием идеи реформаторства, в частности переустройства государственного аппарата, что сочеталось с идеями переоценки собственной личности,

доходящими до мессианства. Был аффективно охвачен своими переживаниями и непоколебимо убежден в правоте своих действий. Наряду с этим отмечались элементы паталогической интерпретации окружающего, болезненная подозрительность и резко выраженная аффективная возбудимость.

Заключение экспертизы от 17 апреля 1964 г.: "Григоренко страдает психическим заболеванием в форме паранойяльного /бредового/ развития личности с присоединившимися явлениями начального атеросклероза сосудов головного мозга. Невменяем. Нуждается в направлении на принудительное лечение в специальную психиатрическую лечебницу".

До 22 апреля 1965 г. Григоренко находился на принудительном лечении в специальной психиатрической больнице г. Ленинграда. В больнице первое время держался самоуверенно, был упрям и настаивал в своих требованиях, легко раздражался и тогда становился злобным, гневливым, отмечалось застревание на аффективно окрашенных переживаниях, тенденция к расширенному толкованию фактов, переоценка собственных возможностей, отсутствие критичности к своему состоянию и сложившейся ситуации. В последующем стал спокойнее, поведение приняло упорядоченный характер.

Как указано в акте больницы на снятие принудительного лечения у него появилась критичность к совершенному, сложившейся ситуации и своему состоянию. В больнице были установлены колебания артериального давления в пределах 120/70 - 150/90 мм ртутного ст.

16 марта 1965 г. Комиссия пришла к заключению, что Григоренко П.Г. страдал психическим заболеванием в форме паранойяльного развития личности на фоне начального атеросклероза сосудов головного мозга. В настоящее время Григоренко вышел из указанного болезненного состояния и находится в состоянии хорошей компенсации, не требующей стационарного лечения и обнаруживает лишь признаки склероза головного мозга.

После выписки из больницы, как рассказывает испытуемый, он узнал, что его лишили звания и пенсии. По его словам, он тяжело переживал это, считал, что с ним поступили несправедливо, "не по-человечески", писал письма и заявления, но ничего добиться не мог. Оказался в тяжелом материальном положении, так как не мог устроиться на работу, имея вторую группу инвалидности. В психиатрическом диспансере добился перевода его на 3 группу инвалидности.

В амбулаторной карте В - 755012 Ленинского психиатрического диспансера имеется запись, свидетельствующая о том, что Григоренко после выписки из специальной психиатрической больницы посещал диспансер с целью переосвидетельствования. На приеме, при внешне-упорядоченном поведении высказывал недовольство по поводу назначенной ему пенсии (22 рубля), считал, что его должны восстановить в должности, которую он занимал до привлечения к уголовной ответственности. Продуктивной психотической симптоматики не было, однако отмечалась вязкость, обстоятельность мышления, недостаточная критичность к сложившейся ситуации.

В 1965 году Григоренко, инвалида 3 группы, неоднократно посещала медсестра диспансера на дому, в записях которой указано, что он жалоб на здоровье не заявляет, общителен, приветлив.

В амбулаторной карте диспансера имеется ответ на запрос УКГБ о состоянии здоровья Григоренко в связи с допросом его в качестве свидетеля. В ответе указано, что для решения вопроса о возможности Григоренко давать показания в качестве свидетеля необходимо проведение ему судебно-психиатрической экспертизы. В течение 8 месяцев, как сообщил испытуемый, он работал грузчиком в магазине, быстро уставал, тяжело переносил физические нагрузки, но считал, что страдает за свои идеи, и поэтому терпел.

В 1965 г. после целого ряда писем и заявлений в различные инстанции ему была назначена пенсия в сумме 120 руб., однако, считая такое решение неправильным, он продолжал писать письма и заявления с требованием пересмотра этого решения, но ответа не получил. В связи с этим у него нарастала, по его словам, раздраженность, чувство обиды, злобы.

Все попытки устроиться на работу по специальности заканчивались неудачей: везде, куда бы он ни обращался, узнав о некоторых фактах из его жизни, ему отказывали в работе. Оказавшись, по его словам, "в изоляции", его "выбили из колеи" и тогда он решил "бороться с несправедливостью, беззаконием", которые, по его мнению, имеют место в государстве. Примерно с 1967 г. стал вновь заниматься "общеполитическими" вопросами, всю свою энергию - как он отмечает - направил на борьбу за правду. Быстро знакомился с людьми, взгляды которых считал приемлемыми для себя, с ними охотно встречался, работал над статьями, в которых излагал свою точку зрения на те или иные события, происходящие в стране,

в то же время писал письма в адрес руководителей правительства, в которых "открыто" критиковал их деятельность, высказывал свою точку зрения. Был увлечен своей работой, считал ее полезной и необходимой, в ней видел выход из "бездействия", которое пытались ему, по его мнению, навязать работники КГБ. По характеру оставался живым, подвижным, но стал еще более вспыльчивым, раздражительным, слабодушным. При этом считал необходимым откликаться на любые события, которые он считал несправедливыми, хотя они и не имели к нему отношения. Именно этим своим стремлением он объясняет свою деятельность во время судебных процессов над некоторыми лицами, привлеченными к ответственности по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР и активную помощь тем крымским татарам, которые добивались возвращения на территорию Крыма.

Жена и сын испытуемого, с которыми беседовал врач Института им. Сербского, сообщили, что Григоренко никогда никаких жалоб на здоровье не предъявлял, никаких странностей в его поведении якобы не было. Вместе с тем они отметили его активность, целеустремленность, то, что он всегда был непримирим к несправедливости, имел друзей, которые, по их словам, его ценили и уважали. При этом жена испытуемого отрицала сведения, сообщенные ею же в Институте им. Сербского в 1964 году, когда она указывала на ухудшение его состояния, наступившее с 1961 г.

18 августа 1969 г. Григоренко проходил амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в г. Ташкенте под председательством профессора Ф.Ф. Детенгофа. Комиссия не отметила каких-либо психопатологических расстройств, пришла к заключению, что Григоренко признаков психического заболевания не проявляет в настоящее время, как и не проявлял их в период совершения (с 1965 по 1969 гг.) инкриминируемого ему деяния. Виняем.

В материалах уголовного дела имеются свидетельские показания, в том числе и его родственников, в которых Григоренко характеризуется честным, принципиальным, отзывчивым, уравновешенным, приветливым, странности в его поведении не отмечалось. Вместе с тем в других свидетельских показаниях указывается, что Григоренко "имел диктаторские замашки", много и горячо говорил, доказывая свою точку зрения, навязывая ее собеседнику. Свидетели, видевшие Григоренко у здания суда 9-11 октября 68 года во время судебного заседания над лицами, привлекавшимися к уголовной ответственности по ст.190-1 УК РСФСР, отмечают, что он "выделялся"

своим поведением, был активен, громко высказывал свои взгляды по поводу судебного заседания, бранился, оскорблял дружинников, называл их фашистами и черносотенцами, собрал вокруг себя толпу, которой рассказывал о себе, крича, что он будет бороться за демократию и правду. В период следствия, как это видно из материалов уголовного дела, Григоренко на прогулках и в камере кричал в ответ на замечания, оскорбляя надзорсостав, во время допросов был раздражителен, в течение некоторого времени отказывался от приема пищи.

При обследовании в Институте обнаружено следующее:

Физическое состояние:

Неврологическое состояние:

Правый зрачок шире левого, носогубные складки симметричны. Язык при высовывании отклоняется незначительно влево. Сглажен поясничный лордоз, нерезко ограничен объем движения в поясничных и шейных отделах позвоночника. Коленный рефлекс справа ниже, чем слева. Слабо положительный симптом Маринеско с обеих сторон. Все виды чувствительности сохранены. В позе Ромберга устойчив. Реакция Вассермана в крови - отрицательная. При осмотре глазного дна отмечены последствия частичного нарушения кровообращения в верхней ветви центральной вены сетчатки правого глаза.

При электроэнцефалографическом исследовании: выявлены нарушения биоэлектрической активности, носящие диффузный характер и выявляющиеся стойкой асимметрией амплитуды, наличием синхронных всплесков альфа-колебаний и паталогических форм активности, четче слева, снижение лабильности мозговых структур. Акцент изменений в левом полушарии.

Со стороны психической:

При поступлении и первые дни пребывания в Институте испытуемый протестовал против проведения ему судебно-психиатрической экспертизы, был возбужден, говорил в повышенном тоне, заявляя, что помещение его на экспертизу в Институт - это "произвол", тем более что предыдущая амбулаторная комиссия признала его психически здоровым. В последующем испытуемый стал более спокойным, охотно контактировал с врачом. Во время беседы он держится с чувством собственного достоинства, охотно сообщает сведения о себе, причем

застывает на аффективно окрашенных переживаниях, начинает говорить в повышенном тоне, постепенно лицо его краснеет, руки начинают дрожать и он приходит в состояние аффективного возбуждения.

Он рассказывает, что в 1964 г. помещение его на судебно-психиатрическую экспертизу было для него неожиданным и в Институте поэтому он находился в "шоковом состоянии", был "взвинчен", всех врачей подозревал в необъективном к нему отношении, был уверен, что вопрос о его состоянии уже предreshен в соответствии с "указанием свыше". В тот период времени даже окружающих испытуемый считал, по его словам, "шпионами". Сейчас он якобы может предположить, что тогда у него, возможно, и было несколько необычное состояние, но которое быстро прошло и уже в период пребывания на принудительном лечении он был, по его словам, совершенно здоров.

Вместе с тем он утверждает, что все, что он писал в тот период времени совершенно правильно, он не отступает даже и теперь от тех взглядов, которые были им высказаны тогда. После выписки из больницы и в последующем он также чувствовал себя хорошо и, если бы не сложившаяся для него неблагоприятная ситуация, то он бы, по его мнению, работал по специальности, писал бы научные работы. Однако те события, которые произошли с ним, по его словам, вновь "толкнули" его на путь борьбы с несправедливостью и беззаконием. С этого времени вся его энергия, деятельность, были "отданы" борьбе за "правду" и создание условий, исключающих несправедливость в общественной жизни.

Свою борьбу он считает вполне правомерной, а путь, на который он встал, единственно правильным. При попытке разубедить его, он становится гневливым, злобным, заявляет врачу, что вся жизнь заключается в борьбе, что он предвидел возможность ареста, но это его никогда не останавливало, так как он не может отступить от своих идей. В настоящее время он считает себя психически здоровым.

Формально заявляет в беседе с врачами, что он не причисляет себя к выдающимся людям и будто бы не считает свою деятельность имеющей историческое значение, он говорит, что действовал по велению своей совести и надеется, что его борьба не останется бесследной.

В письмах же его, имеющихся в материалах дела, раскрывается явная переоценка своей деятельности и значения

своей личности, идеи реформаторства, в непоколебимой правоте которых он уверен.

При этом отчетливо выявляется склонность к многочисленной и пространной письменной продукции, в которой наряду с расстрой-ствами критики, выявляется сохранность прежних знаний и навыков и способность к формально последовательному изложению фактов. В отделении Института испытуемый старается держаться спокойно, вежлив, общителен с окружающими, читает художественную литературу.

Выводы: Григоренко страдает психическим заболеванием в форме патологического (паранойального) развития личности с наличием идей реформаторства, возникшим у личности с психопатическими чертами характера и начальными явлениями атеросклероза сосудов головного мозга.

Об этом свидетельствует психотическое состояние, имевшее место в 1964 г., возникшее в период неблагоприятной ситуации и выражавшееся в ярко аффективно окрашенных идеях реформаторства, отношения и преследования. В дальнейшем, как видно из материалов уголовного дела и данных настоящего клинического обследования, паранойальное состояние полностью не обошлось, а идеи реформаторства приобрели стойкий характер и определяют поведение испытуемого, причем охва-ченность этими идеями периодически обостряется в связи с различными внешними обстоятельствами, не имеющими к нему непосредственного отношения, и сопровождается не критическим отношением к своим вы-сказываниям и поступкам. Указанное болезненное состояние исключает возможность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, а поэтому испытуемого следует признать невменяемым.

Комиссия не может согласиться с амбулаторной судебно-психи-атрической экспертизой, проведенной в Ташкенте, вследствие наличия у Григоренко приведенных в настоящем акте данных о патологических изменениях в его психике, которые в условиях амбулаторного осви-детельствования не могли быть раскрыты, вследствие внешне упо-рядоченного поведения, формально последовательных высказываний и сохранности прошлых знаний и навыков, что является характерным для патологического развития личности. По своему психическому состо-янию Григоренко нуждается в направлении на принудительное лечение в специальную психиатрическую больницу, так как описуемые выше паранойальные идеи реформаторства носят стойкий характер, определяют поведение испытуемого.

Член-корреспондент АМН СССР - Г.В. МОРОЗОВ.

Член-корреспондент АМН СССР - профессор В.М. МОРОЗОВ.

Профессор Д.Р. ЛУНЦ.

Старший научный сотрудник З.Г. ТУРОВА

Докладчик - младший научный сотрудник М.М. Мальцева.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИНСТИТУТА ИМ. СЕРБЕСКОГО

по делу В. Кузнецова, находившегося в стационаре
с 10.4. по 12.5. 1969 г.

К "Заключению" приложена характеристика Института психиатрии при Академии медицинских наук СССР, подписанная заместителем директора, профессором доктором Наджаровым в качестве консультанта.

В этом документе говорится, что Кузнецов искал путей, чтобы стать лучше, проявлял критическое отношение к общественному строю, пытался раздать ученикам анкету о бытовом и материальном положении их семей, утверждал, что "никакого морального кодекса коммунизма нет, а заслуга его создания принадлежит Библии," допускал высказывания, лишённые глубины и противоречащие здравому смыслу и логике. Со слов свидетелей в характеристике говорится, что Кузнецову "свойственна болтливость и пристрастие к разговорам на политические темы. что он составлял неофициальный проект конституции, что выступал в диспутах и что высказывания его носили антисоветский характер.

Разъяснительные беседы положительных результатов не имели и с 1 по 4 ноября 1966 г. Кузнецов был стационарирован в психиатрической больнице № 1* с диагнозом "шизофрения". Указывается, что он "был там малодоступен, напряжен, подозрителен, с недоверием относился к врачам, считал себя носителем правды", высказывал "отрывочные бредовые идеи реформаторства", обнаруживал "паралогический характер мышления".

4 ноября 1966 г. Кузнецов был переведен в больницу им. Яковенко, где содержался до 26 декабря. Тут он охотно вступал в беседу, рассказывал о своих увлечениях, говорил, что "не сможет успокоиться, пока хоть один человек на свете будет жить плохо", называл себя принципиальным человеком, спокойно относился к своему помещению в больницу, принимал участие в играх, изучал иностранные языки.

В данном "Заключении" ставится новый диагноз: "Паранойальное развитие личности" Диагноз этот обосновывается следующей характеристикой:

*Держится с чувством собственного достоинства. Спокоен,

ж) 1.11.66 г. В. Кузнецов был насильственно госпитализирован.

Вопреки желанию родственников и жены увезен милицией из дома ночью и помещен в психобольницу. - (Прим. ред.)

улыбается. Охотно вступает в беседу. Склонен к рассуждательству. "Его роль в составлении проекта конституции невелика". "Не загорается идеей, поэтому не может быстро погаснуть". (Повидимому дано со слов самого Кузнецова. - Р е д.).

В поведении имеются черты амбивалентности, соглашается, что хранил литературу антисоветского содержания, но считает себя невиновным ... Не осознает ситуации, беспечен ... "Как оправдать еду, которую дают в институте".

Эмоционально уплощен, неадекватен. В 1966 г. говорил, что его взволновало лишь то, что не оплатили больничный лист. Формально проявляет заботу о жене и детях (семье), однако настроение приподнятое, улыбается, поет веселые песни, изучает язык. Ситуацией не обеспокоен. Критическая оценка ситуации отсутствует.

Не раз выступал на общественных диспутах в МГУ, Доме дружбы ... высказываемые идеи реформаторства носят неопределенный расплывчатый характер.

(Свидетели: Дир. школы Приходько /анкета, кодекс/; Рубцова /болтливость/.)

На основании изложенного комиссия приходит к выводу, что

"Кузнецов страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении (вялотекущая форма). Сб этом свидетельствуют постепенно наступившие характерные для шизофренического процесса изменения со стороны эмоциональной сферы, сопровождающиеся ее уплощением, а также нарушения мышления, характеризующиеся расплывчатостью, отрывом от реальности, незрелостью и паралогичностью суждений.

Нарушения со стороны мышления и эмоциональной сферы сочетаются с наличием бредовых идей реформаторства и отсутствием критики к своему состоянию и создавшейся ситуации. Поэтому испытуемого душевнобольного в отношении инкриминируемого деяния Кузнецова следует считать невменяемым. По своему психическому состоянию он нуждается в принудительном лечении в больнице специального типа".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В.И. ФАЙНБЕРГА
В ИНСТИТУТЕ ИМ. СЕРБСКОГО - "АКТ № 35/С", (МОСКВА)
Ю.Ю.1968г.

АКТ № 35/С

Мы, нижеподписавшиеся, десятого октября 1968 г. в Центральном НИИ судебной психиатрии им. профессора Сербского освидетельствовали испытуемого Файнберга Виктора Исааковича 1931 г.рожд., обвиняемого по ст.190-1 и 190-3 УК РСФСР в нарушении общественного порядка на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. На судебно-психиатрическую экспертизу в Институт направлен по постановлению прокуратуры г. Москвы от 3-го сентября 68 г. в связи с сомнением в психической полноценности испытуемого. По данному делу он 4-го сентября 68 г. прошел амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в Институте им. Сербского, которая рекомендовала направить его на обследование в стационар Института им.Сербского. В стационаре Института им. Сербского находится с 9 сентября 68 г.

Со слов испытуемого, его матери, из материалов дела известно, что испытуемый родился в семье служащего. Духовнобольных среди родственников не было. В детстве рос и развивался правильно. Болел корью, скарлатиной, паратифом, дизентерией. В школе учиться начал своевременно. Первые годы учился хорошо. Во время учебы в 4 классе, как отмечает отец испытуемого в своих показаниях от 5 сентября 68 г., он стал вести себя неправильно, расстроился сон, стал беспокойным, ел свой кал. В дальнейшем стал агрессивным, нападал на сверстников, пытался покончить жизнь самоубийством. С 1945 г. испытуемый находился под наблюдением Украинского Психоневрологического Института по поводу душевного заболевания в форме шизофрении. В апреле 1946 г. в стационаре этого института он получил курс электрошоковой терапии (сведения взяты из справки Украинского психоневрологического диспансера, имеющейся в материалах дела). Затем он лечился в Москве, в детском отделении больницы им. Кашенко и в психиатрической клинике Центрального Института Усовершенствования врачей. Согласно подлинной истории болезни № 445 больницы им. Кашенко, имеющейся в материалах дела, психическое состояние Файнберга В.И. в тот период времени характеризовалось нарушением влечений, дурашливостью, спонтанными дисфориями

с суицидными мыслями и попытками, измененной эмоциональностью, идеями воздействия, символизацией, разорванностью мышления. Он был консультирован профессором Сухаревой Г.Е. и М.Я. Серейским, ему был установлен диагноз: шизофрения. Кроме того у него были обнаружены явления тереоидизма. В больнице ему проводилось лечение сном и инсулином. В последующем он вместе с родителями приехал в Ленинград. Там он находился в 1947 г. на лечении в Институте им. Бехтерева с диагнозом шизофрения (сведения взяты из истории болезни № 17 Ленинградской психиатрической больницы № 2, имеющейся в материалах дела). В 1947 г. испытуемый был консультирован профессором Р.Я. Голант, которая рекомендовала ему в связи с аутистическими особенностями больного организовать ему в домашних условиях особый режим содержания и обучения. В 1948 г. испытуемый поступил в подготовительное артиллерийское училище, но его не закончил, был отчислен с 3 курса за самовольную отлучку. Тогда он поступил в летное училище ГВФ, откуда был уволен с I-го курса после конфликта с начальником санчасти. В 1952 г. был повторно стационарирован в ин-т Бехтерева, где ему был установлен диагноз: "психопатические особенности личности на почве органического заболевания без локальной неврологической симптоматики (свинка в детстве)". По заключению медкомиссии с участием проф. Е.С.Авербуха он был признан практически здоровым, и было указано, что он может учиться по любой специальности (выписка из истории болезни, содержащейся в материалах дела, в амбулаторной карте Психоневрологического диспансера Калининского р-на г.Ленинграда). 10-ый класс школы им закончен в общеобразовательной школе. В дальнейшем он поступил на 3-ий курс Энергетического техникума, где проучился около года, а затем учебу в техникуме оставил. После этого несколько месяцев работал мастером на строительстве, но после ссоры с одним из бригадиров с работы уволился. В последующем работал слесарем на заводе. Одновременно с работой учился на вечерних курсах английского языка. В 1957 г. за хулиганские действия в состоянии опьянения он привлекался к уголовной ответственности. По этому делу он проходил стационарную судебно-психиатрическую экспертизу во 2-й психиатрической больнице Ленинграда, где находился с 15 января 1958 г. по 14 февраля 58 г. Согласно подлинника истории болезни № 17 этой больницы и акта СПЗ, имеющихся в материалах дела, экспертная комиссия установила у

него выраженные явления психопатической личности на почве перенесенного в прошлом органического заболевания ЦНС, в отношении инкриминируемых ему деяний он был признан вменяемым. По этому делу он был приговорен к одному году ИТР по месту работы с удержанием 25% зарплаты. В дальнейшем испытуемый продолжал работать слесарем. В 1960 г. он поступил учиться на вечернее отделение фил. факультета ЛГУ. В 1962 г. испытуемый на работе получил ушиб головы, сопровождавшийся потерей сознания. После полученной им травмы головы у него появились сильные головные боли, повышенная утомляемость, сонливость, головокружения. По поводу сотрясения головного мозга лечился в нервном отделении Ин-та Усовершенствования врачей в Ленинграде. В этот период у испытуемого наступило обострение базедовой болезни, возник выраженный экзофтальм. По поводу болезни лечился в больницах Эрисмана и Куйбышева, проводилось специальное лечение, получил курс рентгенотерапии в больших дозах. В связи с болезнью имел 2-ю группу инвалидности в течение ряда лет. К работе слесарем уже не приступал. По болезни пропустил 3 года учебы в Университете, так как по словам испытуемого "была исключительно сильная потеря памяти, поражение способности анализа и синтеза, коэффициент полезного действия был чрезвычайно мал".

Постепенно состояние несколько улучшилось. Возобновил учебу в университете, который закончил в 1968 г. С 21 июля по 21 августа 1968 г. работал в Павловском дворце-музее в качестве экскурсовода. По данным характеристики с работой справлялся, но вел себя несколько обособленно и замкнуто. Сослуживцы испытуемого в своих показаниях отмечают, что внешний вид у него обычно был неряшливый, он был рассеян, молчалив, на лице иногда появлялось выражение испуга, если другие экскурсоводы с группой приходили в зал, где был испытуемый, то он сразу же замолкал и переходил со своей группой в другое помещение. Испытуемый женился в 53 г., имеет сына. В 1967 г. он развелся с женой. Бывшая жена отмечает, что он очень тяжелый по характеру человек, в семье был невыносим. Эти особенности его характера и послужили причиной их развода; друзей, по ее словам, у него не было и нет.

Испытуемый сообщает, что он много внимания уделял воспитанию сына, заставлял его много читать и заниматься и этим восстановил его против себя. В настоящее время сын, которому сейчас 14 лет, его не признает. Как видно из материалов дела, испытуемый уже

давно стал проявлять интерес к социальным вопросам, а в 57 году собирался "создать организацию для изучения марксизма с целью выработки новой теории о развитии политической надстройки при социализме", а также для "революционной борьбы с правительством с целью утверждения социалистической демократии".

В 1965 г. он написал объяснение в органы Комитета Госбезопасности, в котором осудил свою деятельность, как ошибочную и вредную. Однако, как он сам отмечает, у него сохранились прежние интересы и убеждения. При обследовании в Ин-те в настоящее время установлено следующее:

Испытуемый среднего роста, правильного телосложения, пониженного питания, крайне истощен. Он выглядит старше своего возраста. Кожные покровы темные, оливкового цвета, с элементами гиперпигментации на сгибе в локтевом суставе. Пульс 88 в минуту, ритмичный. Артериальное давление 120/60 мм рт.ст. Границы сердца в пределах нормы. Тоны сердца усилены со стороны органов дыхания. Легочный перкуторный звук, дыхание везикулярное. Язык обложен белым налетом. Живот втянут, при пальпации безболезненный. Печень и селезенка не прощупываются, щитовидная железа диффузно увеличена в 3 полной степени, на грани 4 степени.

Заключение эндокринолога:

Диффузно-токсический зоб 3-4 степени с экзофтальмом, истощение 2 степени, гипокортицизм.

Неврологическое состояние

Выпуклые глазные яблоки, левое глазное яблоко больше правого. Симптом Грефе положительный с обеих сторон. Горизонтальный мелко-размашистый нистаг при крайних отведениях глаз. Слабость конвергенции с обеих сторон. Сглажена правая носогубная складка. Сухожильные рефлексы справа выше, чем слева. Тремор пальцев вытянутых рук. При электроэнцефалографическом исследовании нарушения биоэлектрической активности выражаются в генерализации альфа-ритма по коре, асимметрии амплитуд, пароксизмальных вспышках, тенденции к инертности нервных процессов, акценте изменений в левом полушарии. Реакция Вассермана в крови (на сифилис) отрицательна. Заключение невропатолога: травматическая энцефалопатия у большого базедовизмом.

Психическое состояние:

Испитуемый формально правильно ориентирован в месте, времени и окружающей обстановке. Он многоречив, старается представить себя психически здоровым человеком, обнаруживая при этом явно недостаточную критику в отношении перенесенных им в прошлом психотических состояний. Так, сообщая аналитические сведения, он отмечает, что в 14-летнем возрасте у него были якобы лишь повышенная возбудимость, повышенное самолюбие и повышенная реакция на драку, а также "неприятности внутреннего порядка". Все явления, по его словам, прошли, не оставив следа. На дальнейшем жизненном пути это, по его мнению, не отразилось. Отмечает лишь у себя повышенную утомляемость и некоторое снижение памяти, которую связывает с перенесенной им травмой головы и базедовизмом. Однако в настоящее время уверяет, что чувствует себя хорошо, никаких жалоб не предъявляет. Сообщает, что он рано начал интересоваться вопросами социологии, политики, философии и искусства. С удивлением и большой охваченностью высказывает идеи реформаторства по отношению к учению классиков марксизма, обнаруживая при этом явно повышенную самооценку и непоколебимую убежденность в своей правоте. В то же время в его высказываниях о семье, о родителях и сыне, выявляется эмоциональная уплощенность, холодность, по существу он не проявляет озабоченности их положением, а при обращении его внимания на это обстоятельство заявляет: "В моем возрасте эмоции не играют никакой роли". Не вызывает у него озабоченности и своя собственная судьба, состояние своего здоровья, - "как-нибудь проживу, в раковину прятаться не буду". Наряду с этим отмечается и его эмоциональная неадекватность, которая проявляется, в частности, в том, что разговоры о фактах и обстоятельствах, которые должны были бы его травмировать, он нередко прерывает веселым смехом. В то же время он с увлечением рассуждает на отвлеченные темы, суждения его при этом носят резонерский характер; речь монотонная. В процессе бесед, при наступающем, даже незначительном утомлении, выявляется непоследовательность его суждений и соскальзывание. В отделении Института при внешне упорядоченном поведении можно отметить беспечность, равнодушие к себе и окружающим. Он занят гимнастикой, обтиранием, чтением книг, изучением литературы на английском языке. Критика к своему состоянию и создавшейся ситуации у него явно недостаточная.

На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что Файнберг В.И. обнаруживает признаки психического заболевания в форме выраженных постпроцессуальных (шизофренических) изменений психики, осложненных травматическим поражением головного мозга и эндокринными нарушениями. Об этом свидетельствуют данные медицинской документации об имевшей у него место массивной психотической симптоматике, оставившей, как это выяснилось при настоящем психиатрическом обследовании, выраженные специфические для шизофренического дефекта изменения психики в виде эмоциональных нарушений и расстройств мышления, а также характерные для травматических поражений повышенная истощаемость психических процессов и некоторое ослабление памяти. Указанные психические изменения сочетаются с внешне упорядоченным поведением, сохранностью прошлых знаний и навыков при явно недостаточной критической оценке своего состояния и поведения. Отмеченные болезненные расстройства психической деятельности исключают способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, вследствие чего Файнберга В.И. в отношении инкриминируемых ему деяний следует считать невменяемым. По своему психическому состоянию он нуждается в направлении на принудительное лечение в специальную психиатрическую больницу.

Г.В. Морозова

Д.Р. Лунц

Я.Л. Ландау

АКТ № 163/69

Амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза

ЯХИМОВИЧА И.А.

Мы, нижеподписавшиеся, 1 апреля 69 г. в Республиканском неврологическом диспансере г.Риги амбулаторно освидетельствовали испытемого Яхтмовича Ивана Антоновича, 1931 г. р., который обвиняется по ст. 183-1 УК РСФСР.

На амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу испытуемый направлен постановлением Прокуратуры Ленинского района г. Риги от 25 марта 1969 г. в связи с возникшим во время следствия сомнением по поводу его психического здоровья.

Со слов испытуемого и по материалам дела известно следующее: испытуемый родился и воспитывался в многодетной семье рабочих. Среди родственников душевно-больных не знает. В детстве развивался нормально. В школе учился с 7 лет. Учился хорошо. Имеет высшее образование: в 1956 году окончил факультет истории и филологии ЛГУ и работал преподавателем русского языка и литературы в Дагдском районе. С 1960 г. по призыву Правительства стал работать председателем колхоза. С 1963 г. учился в заочном отделении факультета агрономии при ЛСА.

По характеру считает себя энергичным, настойчивым, общительным. Алкоголь употребляет очень редко и в небольших количествах. Испытуемый с 1960 г. женат. Имеет троих детей - 1961, 1962 и 1964 гг. р. Отношения с женой хорошие. С 1961 г. до марта 1968 г. был членом КПСС. До этого 10 лет был комсомольцем и в партию вступил с комсомольской рекомендацией. Испытуемый говорит, что он всегда интересовался политическими событиями в нашей стране и в мире, много читал политическую литературу: газеты, журналы и работы классиков марксизма-ленинизма.

По объективным сведениям часто выступал на собраниях с критическими замечаниями по разным вопросам, иногда своеобразно, неуместно и мелко. С января 1968 г. испытуемый стал заниматься распространением клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. В марте 1968 г. испытуемый за это был исключен из партии и снят с работы председателя колхоза. Однако испытуемый продолжает заниматься распространением клеветнических измышлений - писал соответствующего характера сочинения

и письма, которые в дальнейшем были переданы в зарубежные капиталистические страны и опубликованы там в газетах, а также передавались по радио на латышском и русском языках.

Испытуемый своей вины не отрицает, считает себя психически здоровым.

Соматическое состояние: со слов испытуемого он в 1964—65 гг. болел язвой двенадцатиперстной кишки. Во время экспертизы признаков острых заболеваний внутренних органов не констатируется.

Неврологическое состояние: функции черепно-мозговых нервов без отмечаемой патологии. Сухожильные рефлексы на руках и ногах живые, равномерные. Патологические рефлексы не вызываются.

Психическое состояние: испытуемый правильно ориентирован. Держится высокомерно. Несколько манерный. Внешность своеобразная — борода, одежда. Эмоционально монотонный — о содеянном говорит с пафосом. Память без расстройств. Мышление детализированное, склонен к резонерству.

В политических размышлениях много грубых противоречий. Свои действия недооценивает, не понимает их преступный, предательский характер.

Считает себя политическим деятелем мирового масштаба, которого будет защищать Комитет защиты гражданских прав при Организации Объединенных Наций.

Заключение

На основании вышеизложенного и материалов дела комиссия приходит к заключению, что испытуемого Яхимовича надо отправить на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Рижскую психиатрическую больницу для уточнения диагноза и решения вопроса о вменяемости. Предварительный диагноз комиссии: "Шизофрения, параноидный синдром?". Об ответственности по ст.174 УК ЛАТВ. ССР эксперты предупреждены.

Председатель комиссии главный врач-психиатр Бришке А.А.
Член комиссии врач-психиатр Лигуре Л.А.
Докладчик врач-психиатр Витенберг Э.Р.

АКТ № 96

СТАЦИОНАРНАЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

ЯХИМОВИЧА И.А.

Мы, нижеподписавшиеся, стационарная судебно-психиатрическая экспертная комиссия в составе председателя главного врача Рижской Республиканской психиатрической больницы Русиновой З.Г., членов комиссии зам. глав. врача по медицинской части Маркис Л.А. и заведующего психиатрическим отделением следственного отдела № I г.Риги О.А. Краснянского, 3.6.1939 г. в помещении психиатрического отделения СО № I свидетельствовали подэкспертного Яхимовича Ивана Антоновича, 1931 г.р., обвиняемого в распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, по ст.183-I УК ЛССР.

Судебно-психиатрическая стационарная экспертиза проводится на основании постановления следователя Прокуратуры Ленинского района г.Риги юриста 2 класса Какитис от 4.4.69 г. в связи с возникшими сомнениями в психической полноценности испытуемого.

В психиатрическое отделение Рижской республиканской психиатрической больницы при СО № I г.Риги Яхимович И.А. поступил 16.4.69 г.

Анамнестические сведения:

Испытуемый о себе сообщает следующее:

Родился в 1931 г. в г. Даугавпилсе, в многодетной семье рабочего. Наследственность психопатологически не отягощена. Родители больного умерли. Рос и развивался нормально; говорит, что в детстве не болел никакими болезнями, даже детскими инфекционными. В школу пошел 7 лет. Учился хорошо. Учение давалось легко.

По характеру всегда был принципиальным, честным, справедливым, не терпел когда обижали слабых. С 7-го - 8-го класса начал интересоваться вопросами экономики и философии. Кроме философии и экономики, даже в школьные годы интересовался политикой. Считает, что такая политико-философская и экономическая направленность его интересов является традиционной для их семьи, так как его дядя и старший брат были революционерами-подпольщиками в Латвии во время буржуазного строя. В 1951 г. закончил среднюю школу и в том же году поступил в ЛГУ на историко-филологический факультет.

Во время учебы в университете активно занимался общественной и комсомольской работой.

По характеру не менялся, продолжал оставаться общительным, но принципиальным, требовательным к себе и своим товарищам. ЛГУ закончил успешно в 1956 г., став специалистом-преподавателем по русскому языку и литературе и был направлен в Дагдский район с среднюю школу, где проработал преподавателем русского языка и литературы два года. Был внештатным секретарем РК Комсомола, активно занимался комсомольской общественной работой. По материалам дела в этот период времени в целом характеризуется отрицательно, как недостаточно методически подготовленный, не проявляющий должной усидчивости и аккуратности при проверке письменных работ учащихся, как излишне самоуверенный, обладающий высоким самонадеянием. Там же отмечаются невыдержанность, грубость, вспыльчивость, а также совершение прогулов по неуважительной причине, допущение грубости по отношению к товарищам по работе и администрации школы. В докладной записке директора Пренемальской средней школы Назарова И.Г. заведующий Дагдским РОНО от 29 ноября 1957 г. указывает, что Яхимович И.А. на уроке хорового пения ударил ладонью по щеке ученика 6 класса Никитина Федора. Однако, несмотря на такие характеристики от администрации школы, где работал Яхимович И.А., он в 1958 г. был назначен инспектором отдела народного образования при бывшем Дагдском райисполкоме, где проработал до февраля 1960 г. С этого времени Яхимович по собственному желанию, учитывая, как он говорит, "нуждаемость сельского хозяйства в энергичных и принципиальных людях", начинает работать председателем колхоза "Яуна Гварде", где остается в этой должности до 28 марта 1968 г. Со слов Яхимовича, полученное им хозяйство было крайне бедным, колхозникам не было возможности платить за трудодни даже копейку, не хватало кормов, не было семян для посева. На всем протяжении его работы в должности председателя колхоза взаимоотношения его с колхозниками были деловыми, товарищи его уважали и помогали ему в налаживании крайне запущенного хозяйства. Отдавая много сил и времени работе, он добился значительного повышения материального благосостояния колхозников настолько, что через определенный промежуток времени появилась возможность выплачивать колхозникам за трудодень около 2 рублей. Однако в характеристике Краславского районного комитета партии от 13 февраля 1969 г. указывается, то Яхимович за время

работы не проявил себя хорошим организатором, хозяйство росло медленно и имеет незначительный рост экономики и улучшения благосостояния колхозников. В характеристике указывается на самовольные действия бывшего председателя колхоза Ивана Яхимовича, который без разрешения правления колхоза и общего собрания колхозников, продал колхозу им. Ульянова Кировоградской области 40 куб.м. строительного леса, за что получил 20 т. пшеницы, которые были розданы на трудодни колхозникам. Кроме того, в характеристике указывается на открытое осуждение политики партии и правительства в области сельского хозяйства, за что решением бюро РК партии Яхимович 21 августа 1963 г. был исключен из членов КПСС. Однако решением Президиума ЦК КП Латвии от 8.1.64 г. вышеупомянутое решение бюро было отменено, и Яхимовичу был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Тем не менее Яхимович продолжал антипартийную, антигосударственную деятельность, которая заключалась в распространении среди населения антисоветских материалов, используемых буржуазной пропагандой против нашей страны, за что решением бюро Краславского РК Компартии Латвии от 13 марта 1968 г. был исключен из членов КПСС и решением общего собрания колхозников от 28 марта 1968 г. был снят с должности председателя колхоза. По материалам дела деятельность Яхимовича в этот период времени характеризуется следующим образом: он, слушая и записывая радиопередачи радиостанции БИ-БИ-СИ, распространял их по почте и при контактах со знакомыми, а также с незнакомыми студентами Даугавпилсского пединститута. Перепечатанное им на машинке передававшееся по радио со станции БИ-Би-Си обращение П.Литвинова "К мировой общественности" рассылалось Яхимовичем по почте не только своим знакомым, но и незнакомым лицам. После снятия с работы председателя колхоза "Яуна Гварде" Яхимович с женой и тремя детьми (женат с 1960 г., три девочки 1961, 1962 и 1964 г. рождения), (жена - преподавательница, взаимоотношения с женой хорошие), переехал в гор. Курмалу к теще, где жил в очень тяжелых бытовых условиях (комната 8 кв.м. 6 человек) вплоть до ареста.

В период времени после снятия с работы до момента ареста Яхимович с 21 октября 68 г. по 25 марта 69 г. работал кочегаром санатория "Белоруссия" на Рижском взморье. В служебной характеристике главного врача санатория "Белоруссия" характеризуется формально положительно.

В этот период времени Яхимович, реагируя на события в ЧССР делает записи в двух тетрадах синего цвета, которые прилагаются к делу. В них он резко критикует внешнюю политику партии и правительства, приводя многочисленные цитаты классиков коммунистического движения, якобы подтверждающие его правоту. Аналогично его письму от 22 января 68 г., направленному Яхимовичем в ЦК КПСС, в вышеупомянутых синих тетрадах он резко критикует и высказывает предложение об изменении внешней политики нашей партии. После произведенного у Яхимовича обыска, во время которого у него были обнаружены документы, в которых была извращена политика нашей партии и правительства, Яхимович был арестован.

Психическое состояние

Ориентирован полностью. В контакт вступает легко. Подробно, с некоторой обстоятельностью, рассказывает обо всех подробностях, связанных с его арестом. Полностью убежден в своей правоте, однако заявляет, что если бы с ним обходились так человечно, с пониманием и сердечностью, как с ним обошелся зам. министра МВД ЛССР тов. Сея, он не стал бы широко пропагандировать свои взгляды, ибо, как он считает, его деятельность является результатом не только его политических убеждений, но и в значительной степени реакцией на нелепости поведения многих государственных служащих, которые совершенно неправильно, по его мнению, считают его антисоветчиком. Заявляет, что никогда и ни при каких условиях не изменит идею борьбы за коммунистический строй, за социализм, но только с тем условием, чтобы многие, не соответствующие высокому званию коммунистов люди, находящиеся в настоящее время в партии, были удалены из партии с тем, чтобы с ними в дальнейшем была проведена воспитательная работа, направленная на изменение их мировоззрения.

Наблюдателен, много рассказывает о своих соседях по камере, подробно и детально характеризует их, тонко подмечает особенности их личности и характера. Много говорит об отсутствии воспитательного значения в учреждениях, где содержатся заключенные, — в тюрьмах и исправительных лагерях. Считает, что политических заключенных не надо лишать свободы, их надо перевоспитывать, действуя на них методом убеждения, разъяснениями и наглядной агитацией по месту их работы.

Прекрасно владеет литературой классиков марксизма-ленинизма, отлично знает труды многих философов и политических деятелей.

Пребыванием в тюрьме не тяготится, считает, что в современных условиях он несет наказание за свои политические убеждения, с которыми не намерен расстаться.

Считает, что его идейный и политический долг, равно как и общественный, стоит значительно выше его долга перед семьей; уверен, что он и подобные ему лица исполняют значительную миссию перед лицом своего народа, тем самым соглашается на какую-то исключительную роль в деле борьбы против якобы существующей несправедливости.

Широкий круг своих интересов, распространяемых на экономику, политику, философию, объясняет тем, что все эти явления взаимосвязаны, взаимозависимы и не могут быть познаны вне связи друг с другом. Кроме того, считает, что с возрастом и с повышением его культуры и эрудиции его естественно не могли не волновать те действия советского правительства, которые были направлены на экономику, внутреннюю и внешнюю политику. Заявляет, что его с детства называли фантазером и романтиком и что такая романтика присуща ему и сегодня, несмотря на то, что ему уже под сорок.

Во время бесед с врачом любезен, мягкий, синтонный, бредовых идей и галлюцинаторных переживаний не обнаруживает, память достаточно точна.

Неврологический статус:

Со стороны центральной нервной системы патологических органических знаков не обнаружено.

Соматическое состояние:

Со слов испытуемого, в 1964-65 гг. был болен язвой двенадцатиперстной кишки. В настоящее время в связи с изменениями режима питания отмечает вновь некоторую болезненность в подложечной области. В остальном патологии со стороны внутренних органов не обнаружено.

На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что Якимович обнаруживает параноидальное развитие у психопатической личности. Состояние больного должно быть приравнено к психическому заболеванию, а поэтому в отношении инкриминируемых ему деяний Якимовича И.А. следует считать неизменяемыми.

Нуждается в прохождении принудительного лечения в больнице специального режима.

Русинова

Маркис

Краснянский

А К Т № 33

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И.А. ЯХИМОВИЧА
в Институте им. Сербского, Москва, 12.1.70.

Мы, нижеподписавшиеся, 12 января 1970 г. в Центральном научно-исследовательском институте судебной психиатрии им. проф. Сербского свидетельствовали Яхимовича, 1931 г.р., обвиняемого по ст. 183-1 УК Лат. ССР. На стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Институт направлен по определению судебной коллегии Верховного Суда Лат. ССР от 29 августа 1969 г. в связи с сомнениями в правильности заключения предыдущей стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

В Институт поступил 10 декабря 1969 г. Со слов испытуемого ничем не болен, в школу пошел с 7 лет, учился хорошо. Был трудолюбивым, настойчивым, стремился в любых случаях "добиться истины, справедливости". С 7-8 класса стал проявлять особый интерес к философии, вопросам экономики и политики. В 1951 г. после окончания школы поступил в Латвийский университет на историко-филологический факультет, где наряду с учебой, по его словам, активно занимался общественной работой, писал статьи, которые печатались в студенческих изданиях.

В 1956 г. после окончания университета испытуемый был направлен на работу в один из районов Латвии на должность учителя средней школы. взаимоотношения с сослуживцами были "нормальными", хотя нередко, со слов испытуемого, он был несогласен с администрацией школы по ряду принципиальных вопросов и открыто заявлял об этом.

Однако в служебных характеристиках за этот период отмечено, что испытуемый, несмотря на хорошее знание предмета, методически считался недостаточно подготовленным, был неусидчив и неаккуратен, игнорировал указания администрации, отличался излишней самоуверенностью, периодически был грубым с товарищами по работе и вне школы. По неуважительным причинам совершал прогулы, а однажды на уроке хорового пения ударил по лицу ученика 6 класса. Вместе с тем отмечено, что испытуемый проявил много энергии и инициативы в общественной работе.

В дальнейшем испытуемый был назначен инспектором РОНО. С его слов, первое время новая должность его "захватила", и он считал, что может путем борьбы с недостатками многое сделать для

"народного образования". Был непримирим к замеченным недостаткам и всегда считал правильной только свою точку зрения.

Один из свидетелей отмечает, что испытуемый проявил "своеобразную активность": его трудно было переубедить в чем-либо, он везде и всюду замечал только недостатки, на пленумах и бюро пытался навязать свое мнение, создавал впечатление человека с "отклонениями в психике".

Испытуемый сообщает, что работать инспектором ему вскоре стало неинтересно, так как он "не находил возможности реализовать накопленные знания и опыт".

В связи с этим решил заняться вопросами сельского хозяйства и искоренить недочеты в этой области. Сам изъявил желание работать Председателем одного из отставших колхозов, так как считал себя человеком принципиальным, способным решать вопросы экономики и сельского хозяйства. Стремясь узнать колхозников, установить с ними контакт, завоевать авторитет, испытуемый попросил назначить ему низкую зарплату (30 рублей).

Считает, что с приходом его в колхоз жизнь колхозников сразу улучшилась. В то же время в имеющейся в деле служебной характеристике отмечено, что в колхозе, председателем которого был испытуемый, имелся незначительный рост экономики, испытуемый самовольно продал другому колхозу 40 куб.м. леса, получив вместо этого 20 тонн пшеницы и оплатил ей трудодни колхозников.

В 1960 г. женился. Жена считает его человеком честным, справедливым, хорошим семьянином. Теща испытуемого отмечает, что он всегда был настойчив, поддерживал свою справедливость, свое мнение всегда отстаивал.

В показаниях свидетеля ИГАНОВА отмечено, что испытуемый к личной жизни относился "пренебрежительно", на собрании являлся в неприглядной грязной одежде, вместе с тем был энергичен, упрям. Как видно из материалов уголовного дела испытуемый в 1963 г. начал открыто высказывать свои независимые суждения по поводу положения в сельском хозяйстве, в связи с чем 21 августа 1963 г. решением бюро РК партии исключен из партии, затем это решение было отменено и испытуемому был вынесен строгий выговор.

По словам испытуемого он был "потрясен" выговором, считал его незаслуженным, а свои суждения правильными, но в то же время,

переживая это, продолжал свои прежние высказывания. Как следует из протокола собрания ЛСХА, где учился заочно, он в обществе студентов пытался доказывать правоту своих взглядов, а на сделанные ему возражения реагировал злобно "вплоть до физических выпадов".

В январе 1968 г. он записал прослушанную им передачу БИ-БИ-СИ и распространил ее частично по почте, знакомым и незнакомым студентам.

Наряду с этим написал письмо, которое содержит идеи реформаторства, касающиеся чрезвычайно широкого круга вопросов государственной и общественной жизни, и направил его в ЦК КПСС.

По словам испытуемого, изложенные им идеи в его многочисленных статьях, письмах "захватили его", он не мог готовиться к экзаменационной сессии, не мог сосредоточиться, так как постоянно размышлял над вопросами государственного значения, испытывал прилив мыслей. Обстановка казалась ему "необычной", новой, и он писал по ночам, был уверен, что убедит людей в своей правоте.

Как следует из материалов уголовного дела, испытуемый в марте 1968 г. был исключен из партии и уволен с должности председателя колхоза.

С октября 1968 г. по 25 марта 1969 г. работал кочергаром и характеризуется по работе формально положительно. Все это время он не переставал думать о судьбе государства и в августе 1968 г. написал очередное письмо, в котором высказывал свое недовольство в связи с событиями в ЧССР, однако письмо не отправил.

При обыске на квартире испытуемого были обнаружены многочисленные рукописи. В записках и отдельных тетрадях испытуемый касался ряда событий, происходящих в стране, и, как сам отмечает, выдвигал ряд своих предложений об изменении внешней и внутренней политики государства.

В своих показаниях в период следствия испытуемый указал, что своими действиями он преследовал одну лишь цель добиться того, чтобы восторжествовала правда, так как правду "надо сработать собственными мозгами, прошупать собственным сердцем, каждой клеткой своего тела", свои показания испытуемый закончил стихотворением Лвтушенко.

По данному делу испытуемый проходил 1 апреля 1969 г. амбулаторную экспертизу в Республиканском психоневрологическом диспансере Риги. В психическом состоянии отмечено, что он в беседе

держался высокомерно, был несколько манерен, говорил о содеянном с пафосом, был склонен к резонерству и детализации. Комиссия рекомендовала направить его на стационарную экспертизу, поставив предварительный диагноз: "шизофрения, параноидный синдром?".

Стационарная экспертиза проводилась при Рижской психиатрической больнице. Из подлинника истории болезни видно, что поведение Яхимовича было внешне упорядоченным. Однако при этом он считал себя незаурядной личностью, заявляя, что в настоящее время занимается изучением "Философии различных преступников" и это дает ему духовную пищу.

Оставаясь равнодушным при беседе о семье и говоря, что забота о детях и семье - дело второстепенное и его она мало интересует, заявлял в то же время, что его волнуют только "мировые проблемы". При этом он с воодушевлением, подробно излагал свои взгляды, написанное им письмо называл "произведением", был убежден в своей правоте и справедливости. Высказывания испытуемого коррекции не поддавались.

3-го июня 1969 г. испытуемый был представлен на Комиссию, где было вынесено заключение, что он обнаруживает параноидальное развитие у психопатической личности. Был признан неизменяемым.

В судебном заседании был допрошен ряд свидетелей, среди них родственники и знакомые Яхимовича. Всеми свидетелями испытуемый характеризован положительно, они отмечают принципиальность испытуемого, его стремление к справедливости, энергичность и добросовестность.

Подчеркивая его добросовестность, один из свидетелей привел пример, как испытуемый при отсутствии автомашины "босиком обходил весь колхоз".

Присутствовавший в судебном заседании психиатр рекомендовал направить испытуемого на повторную судебно-медицинскую экспертизу.

При обследовании в институте установлено следующее:

Физические данные - нормальны.

Со стороны неврологической:

Зрачки равномерные, реакция на свет живая, аккомодация и конвергенция сохранены. Правая носогубная складка несколько сглажена, правый угол рта опущен. Сухожильные и периостальные рефлексы живые, высокие. Патологических рефлексов нет. В позе Ромберга устойчив.

Психическое состояние:

Испытуемый правильно ориентирован в окружающем, понимает с какой целью направлен на экспертизу, и тут же подчеркивает, что он как "психически здоровый человек" в ней не нуждается. При беседе держится свободно, сидит в небрежной позе. Разговаривает несколько высокомерно, снисходительным, ироническим тоном.

Первое время он охотно, обстоятельно и подробно рассказывал о волновавших его проблемах, разработкой которых он занимается, обнаруживая при этом идеи переоценки собственной личности и реформаторства. Утверждал, что поднятые вопросы "государственной" важности будут приняты правительством и приведут к государственным переменам. Подчеркивал, что ради правды и справедливости он мобилизовал все свои возможности и это является целью его жизни. Свое поведение до ареста считал правильным. Заявлял, что он не мог не реагировать на окружающее, он считал своим долгом оценивать происходящее вокруг и часто по ночам критически анализировал в своей письменной продукции будто бы существующие ошибки в государственном управлении.

Суждения испытуемого по этому поводу были категоричными и при попытке ему возразить он заявлял, что такого рода разговор считает бесполезным.

В дальнейшем поведение испытуемого несколько изменилось. При беседе с врачом стал более настроенным, напряженным, с некоторой тревогой стал относиться к беседам, стремился уклониться от разговоров, связанных с его прошлой деятельностью, а при конкретных вопросах об этом формально начал заявлять о том, что будто бы считает свое поведение в прошлом легкомысленным, что он пренебрег научным методом познания. Говоря о том, что он видимо, запутался в своих делах, поторопился, в то же время заявляет, что занимался полезным для общества делом.

Фиксирует внимание врача на том, что его поступки не должны быть оценены, как поступки больного человека, при этом прямо заявляет, что опасается признания его психически больным.

С беспокойством рассказывает о том, что у врачей Рижской больницы он замечал особую "заинтересованность" в признании его душевнобольным. Доказательство этого он видит в том, что врачи часто менялись, при встрече с ним "опускали глаза", испытывали элемент "неудобства".

Поведение в отделении внешне упорядоченное, но он каждый раз с тревогой ожидает беседы с врачом. Опасаясь признания его психически больным, он в то же время заметной обеспокоенности по поводу предъявленного обвинения и последствий этого не обнаруживает.

Мышление несколько обстоятельное, с элементами резонерства, со склонностью к фиксации внимания на аффективно-окрашенных для него переживаниях. К своему состоянию относится не критично.

На основании изложенного Комиссия приходит к заключению, что Яхимович является психопатической личностью, у которой возникло болезненное расстройство психической деятельности в форме патологического (паранойяльного) развития.

Как видно из данных материалов уголовного дела и настоящего клинического психиатрического обследования, испытуемому на протяжении всей его жизни были свойственны такие особенности психики, как аффективная неустойчивость, склонность к конфликтам, упорное стремление во всем доказать свою правоту, переоценка своих способностей.

Примерно с 1963 г. в условиях неблагоприятной ситуации у испытуемого развились болезненные идеи реформаторства, касающиеся вопросов экономики и общественной жизни, они сопровождались большой аффективной охваченностью, не критичной оценкой ситуации и своего поведения, при явно повышенной самооценке, что определило поведение испытуемого в целом.

При настоящем обследовании у испытуемого при внешней упорядоченности его поведения выявляется обстоятельность, ригидность мышления, склонность к патологической интерпретации отдельных фактов, стремление к диссимуляции имеющихся у него психических нарушений и не критичность в оценке своего состояния и сложившейся ситуации. В период времени, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, Яхимович, вследствие указанного выше болезненного расстройства психической деятельности не мог отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, поэтому его следует считать невменяемым.

По своему психическому состоянию он нуждается в направлении в психиатрическую больницу общего типа на принудительное лечение.

Печерникова

Лунц

Тальце

Табанова

СПРАВКА В. БУКОВСКОГО

О 6-ТИ ПРЕПАРАТАХ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОВЕТСКИМИ ПСИХИАТРИЧЕСКИМИ БОЛЬНИЦАМИ, И ИХ ДЕЙСТВИЯХ НА ПАЦИЕНТОВ (без места и даты, но вероятно: МОСКВА, 28. I. 1971) .

1. Аминазин - гидрохлорид 2-хлор-10 - (3-диметил-аминопропил) - фенотиазина.
2. Трифтазин- 10-/3-(1-метил-4-пиперазинил)-пропил/ -2-трифлуорометилфенотиазина дигидрохлорид.
3. Тизерцин - 3-метокси-10-(2-метил-3-диметиламинопропил)-фенотиазина
4. Галоперидол - 4-фтор-4-/1-4-окси-4-(4-хлор)-фенил-пиперидино)/бутирофенон.
5. Мелипрамин - гидрохлорид N - (- диметиламино-пропил) - имино-добензила.
6. Циклодол - гидрохлорид 1-фенил-1-циклогексил-3-N -пиперидил пропанола.

В справочниках, инструкциях и руководствах указываются осложнения и побочные явления, возникающие после приема производных фенотиазина и бутирофенона (аминазин, галоперидол и их аналоги): токсические воспаления печени, повышение внутриглазного давления, колебания артериального давления, напряжение и судороги мышц, головные боли, слабость, снижение настроения, сухость во рту.

Сходные явления могут наблюдаться при приеме мелипрамина и других производных иминодобензила.

Циклодол и его аналоги употребляются обычно для ликвидации мышечных нарушений, возникающих после приема аминазина, галоперидола и других лекарств этой группы.

Сульфазин - однопроцентный стерильный раствор очищенной серы в персиковом масле - при внутримышечном введении вызывает резкий подъем температуры, тяжелое лихорадочное состояние. Его применение оправдано лишь в некоторых, тяжелых случаях шизофрении и прогрессивного паралича.

- - - - -

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО-ПРОТЕСТ А.Д. САХАРОВА Н.А.ЩЕЛОКОВУ
ПРОТИВ НОВЫХ НАРУШЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРАВ : В ПОДДЕРЖКУ
ТРЕБОВАНИЙ В.И. ФАЙНБЕРГА И В.Е. БОРИСОВА, ПРОТИВ
ЗАДЕРЖАНИЯ М.И. ЗАНДА, принудгоспитализации Е.СТРОЕВОЙ
и Ю. ТИТОВА, ареста В.БУКОВСКОГО и обыска у В.Н. ЧАЛИДЗЕ.
Москва, 30.3.71

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Н.А. ЩЕЛОКОВУ .

Семнадцать дней продолжается героическая голодовка политзаключенных Ленинградской психиатрической тюрьмы Файнберга и Борисова. Выступая против опасного для интеллекта принудительного лечения, против изощренных, жестоких и циничных форм давления на свободу убеждений, требуя открытого суда - они защищают общечеловеческую интеллектуальную свободу, защищают будущее человечества. Я подтверждаю свое присоединение к их требованиям и вновь предлагаю свое посредничество.

Я обеспокоен незаконным задержанием представителей общественности при посещении прокуратуры СССР, в том числе крупного ученого серьезно больного Михаила Занда и принудительно госпитализированных в психиатрическую клинику Строеву и Титова. Они на нарушали каких-либо указаний властей, ожидая в здании прокуратуры разбора своей законной петиции согласно данному им обещанию. Требую освобождения всех задержанных.

Я обеспокоен превентивными психиатрическими госпитализациями "в связи со съездом", которые не вызваны медицинскими показаниями и представляют собой нарушение прав Человека.

Я обеспокоен необоснованным арестом Буковского и требую его освобождения.

Я обеспокоен обыском в комнате моего коллеги по Комитету прав Человека В.Н.Чалидзе, при котором под видом антисоветских документов изъяты архив Комитета и многочисленные материалы, необходимые для нашей научно-юридической работы.

В своей записке, поданной на имя тов.Л.И. Брежнева 5 марта с.г., я пытался дать обобщенное рассмотрение преследований по идеологическим мотивам, как действий, позорящих нашу страну, наносящих огромный ущерб интеллектуальной свободе, высшим интересам нашей страны, ее народа, всего человечества. Я призываю руководство нашей страны содействовать исправлению всех допущенных нарушений

и созданию условий, исключающих их возможность в дальнейшем. Я стремлюсь к диалогу по широкому кругу вопросов, стремлюсь к конструктивному, деловому подходу, учитывающему все аспекты реальной ситуации. Дальнейшая демократизация страны - настоящая необходимость. Прошу руководство нашей страны об обсуждении под-
нятых вопросов.

Я вновь обращаюсь к людям доброй воли во всем мире с призывом к беспристрастному, конструктивному, лояльному подходу к насущным проблемам своих стран и человечества в целом, одновременно обращаюсь с призывом решительно и организованно выступать против наиболее опасных тенденций и явлений, где бы они ни имели место - против милитаризма, против тенденций великодержавности и мессианства, против всех серьезных нарушений прав Человека, против дискриминации и угнетения.

30 марта 1971 г.

Академик А.Д. Сахаров

А. КРАСНОЕ

НЕ МЕЧОМ И КОПЬЕМ *)

(к аресту Владимира Буковского)

"Не мечом и копьем спасает Господь,
ибо это война Господа".

(I Книга Царств 17, 47).

Война Господа идет во всем мире, во всей вселенной, на всем протяжении мировой истории, ибо не было такого времени, когда правда не боролась бы с ложью. Что это? - Арестовали священника? - спросит читатель, прочтя это вступление. Нет, не священника, - самого что ни на есть мирского человека. Так тогда сектанта, проповедника, религиозного фанатика? Нет, арестовали неверующего человека. Так к чему тут библейский эпиграф и высокопарное вступление? Ответом на эти вопросы могла бы быть биография арестованного Владимира. Но вряд ли.

Уж очень она коротка.

Владимир Буковский родился 30 декабря 1942 г. Следовательно, сейчас ему 28 лет. Из этих 28 лет - один год учебы на биологическом факультете в Московском университете и 6 лет мытарств по тюрьмам и сумасшедшим домам. 1 год и 2 месяца на воле. 29 марта 1971 г. - новый арест. Такова биография, биография трагическая и краткая. Что же скрывается за ней?

Когда умер папа Лев XIII, знаменитый французский писатель, влюбленный в биологию и уверенный, что личность - это комбинация наследственных признаков, написал следующие слова: "Покойный папа был замечательным человеческим типом." Эти слова Эмиля Золя приходят мне на ум каждый раз, когда я думаю о Буковском. В 1967 г. следователь, закончив дело о демонстрации, главным инициатором которой был Владимир, сказал: "Если бы я мог выбирать сына, я выбрал бы Буковского". Великолепен он даже внешне. Высокий, прекрасно сложенный, шатен, лицо простодушного деревенского парня - открытое, мужественное, русское лицо. Легкая, танцующая походка, четкие движения, слова все свои, ничего заимствованного, чужого, выставленного напоказ. Храбрость. Однако, никакой аффектации. Ему

*) Последняя статья А.Краснова-Левитина, написанная до суда, приговорившего его в апреле месяце к трем годам концентрационного лагеря. Р е д.

никогда, вероятно, не приходилось преодолевать страха. Он ему просто неведом и, вероятно, непонятен.

В этом я всегда завидовал ему. Воля. Концентрированная, нестигаемая, непреклонная. Но никакого упрямства. Наоборот, в быту он уступчив, легок, неприспособлен. Абсолютный бесребренник. Именно в то время, когда появился в "Правде" подвал, где Буковского обливали грязью и говорили, что он получает деньги у иностранцев ... именно в это время у него часто не бывало 5 копеек на метро. Денег у него не было никогда, но он любил их давать. "Не знаешь ли, Володя, у кого можно занять 5 рублей?" - спросил я его однажды. "Я могу", - с какой-то детской важностью сказа Володя и протянул мне последнюю пятерку.

Резкий и смелый, когда речь идет о защите идейной позиции, Владимир до странного мягок, когда имеет дело с личным врагом. Он принял у себя дома 2 месяца назад парня, который дал на него ужасные показания в 1967 году. По мнению Владимира, личная месть была бы недостойна.

Он хорошо воспитан и имеет хорошие манеры (этим он обязан своей высоко-культурной матери), но в то же время удивительно быстро находит общий язык с людьми из народа, с людьми негуманитарными, с люмпенами, с лагерниками, все они считают его "своим в доску".

Кто он все-таки и почему так трагически сложилась его биография? Он родился в 1942 году, следовательно, ему было 10 лет, когда шел 1952 год. Быть может, самый ужасный после 1937-го год русской истории. В этом году, как в фокусе, отразился весь ужас, вся гниль сталинского самовластия, сервильизм и подхалимство литературы, наглость и лживость официальной пропаганды, трусость интеллигенции - все достигало своего апогея.

Бывают характеры: приспособляющиеся, пружинистые, мягкие. Бывают характеры: легко ранимые, травмируемые, нежные, бьющиеся как стекло. И бывают характеры резкие, упругие; гонения их только закаляют подобно железу. Из первых выходят дипломаты, карьеристы, дельцы. Из вторых - поэты, невропаты, истерики, а иногда и просто салонные болтуны. Из третьих - революционеры-борцы.

Владимир - несомненный борец. Он и революционер, хотя и очень не любит этого слова и никогда не признавал себя таковым. Во всяком случае еще на школьной скамье он очень тонко чувствовал

фальш, - и иронически улыбался; его возмущала всякая несправедливость, и он смело протестовал против нее; он не мог видеть унижения человека и не броситься на помощь. На этой почве он иногда имел сильные недоразумения со школьной администрацией. Владимир - не теоретик, не мечтатель, - он практик. Может быть, поэтому он по окончании школы избрал себе не гуманитарную (как у его родителей), а весьма практическую специальность. Он занимался ею лишь один год, во время учебы в университете, а потом в тюрьме и в лагере, когда была возможность. Но даже в этих отрывочных занятиях проявлялась необыкновенная одаренность Владимира: По отзывам специалистов, посвяти он себя целиком биологии, из него вышел бы крупный ученый.

Но не это стало призванием Владимира. Эпиграфом к этой статье мы избрали библейские слова. В Книге Царств их произносит юноша Давид, пастух и певец, неожиданно превратившийся в воина. и произносит он их перед тем, как вступить в битву с Голиафом.

Владимир был в 19 лет именно таким богато одаренным, смелым, глубоко верующим в свое дело юношей. Что это, однако, было за дело и кто был тот Голиаф, с которым он решил вступить в бой? Как ухватится за эти строки следователь или прокурор, и как быстро и категорически он ответит: "Голиафом Владимира была советская власть". И в день ареста Владимира кто-то из милиции именно так сказал девушке, случайно оказавшейся при его аресте. Что ответим на это утверждение мы? Мы ответим: "Нет" и еще раз "нет".

Голиафом, с которым вступил в борьбу Владимир, был не тот или иной режим, - а несправедливость, произвол, беззаконие, откуда бы они ни исходили. И в этом смысле Владимир является типичнейшим представителем того гуманистического, демократического движения, которое возникло в последнее десятилетие среди русской интеллигенции и которое с каждым годом все ширится и набирает силу. Владимиру, как и всем нам, не нужны ни фабрики, ни заводы, ни деньги (он и цвета-то их не знает и в руках держать не умеет), - ему, как и всем нам, нужна свобода и справедливость, справедливость и свобода.

Буковский никогда не писал, насколько мне известно, стихов, хотя он автор нескольких очень талантливых рассказов. Но его общественная деятельность началась с поэзии. В 1961 году, по

вечерам, у памятника Маяковскому собиралась молодежь читать стихи. Чего бы, кажется, естественнее и проще? Но и такое простое дело организовать оказалось нелегко. Уж слишком отвыкли люди в сталинскую эпоху от всякой нерегламентированной деятельности. Организовали это дело трое студентов: Юрий Галансков, Владимир Осипов и третий - Владимир Буковский. Весть о вечерах у памятника Маяковскому пронеслась по Москве, молодежь повалила валом. Привлекли они и неблагосклонное внимание консерваторов. В 1963 г. собрания у памятника были разогнаны, инициаторы этих сборищ поплатились свободой. 1 июня 1963 г. - новый арест Буковского. На этот раз за печатание книги Джиласа "Новый класс". После ареста и суда Владимир был переведен в Ленинград, в тюремную психиатрическую больницу, помещавшуюся в бывшей женской тюрьме, на Арсенальной улице. В ужасной атмосфере, среди сумасшедших, провел он 1 год и 4 месяца с ноября 1963 по 26 февраля 1965 г.

Если можно себе представить тип наиболее уравновешенного, гармоничного человека, - то это Владимир. Я никогда не видел его вышедшим из себя, произносящим какие-либо необдуманные слова, действующим в состоянии аффекта. Я никогда не замечал в нем ни малейшей "маниакальной одержимости". Он человек широкий, спокойный, обладающий чувством юмора. Всякая экстравагантность ему органически чужда, как совершенно чужда пошлость, грубость, задиристость. Если он сумасшедший, то следует признать сумасшедшими 99,9% всех окружающих нас людей. Владимир, однако, не только был признан сумасшедшим услужливыми психиатрами, - он был первым или одним из первых, признанным сумасшедшим по политическим мотивам.

Откуда, однако, взялся этот новый метод в расправе с политическими противниками?

В разгар борьбы с культом личности Никита Хрущев не раз заявлял что в СССР нет ни одного политического заключенного. И действительно, с 1956 по 1959 год их не было или почти не было. Когда же они все-таки стали появляться, то Хрущев ничего лучшего придумать не мог, как объявить их сумасшедшими - и вот тысячи религиозных людей, юношей, выступавших с критикой темных сторон действительности коммунистов, недовольных половинчатостью и самодурством главы тогдашнего правительства, попали в сумасшедшие дома. Таким образом, знаменитая серия хрущеских анекдотов пополнилась еще

одним анекдотом (*). Жаль только, что испытать этот анекдот пришлось на себе живым людям. Владимир был одним из таких людей. И только такой абсолютно душевно здоровый человек, с железными нервами, как Владимир, мог пробыть в такой атмосфере почти полтора года и не свихнуться. Однако, он приобрел в сыр х камерах тюрьмы-больницы ревмокардит, болезнь, которой он страдает до сих пор. Освобожденный в феврале 1965 г. вновь попадает в заключение, - за попытку помочь арестованным писателям Синявскому и Даниэлю. Начинается "учебный год": время с сентября 1965 по июль 1966 года Владимир проходит в кочевке по сумасшедшим домам; за это время он переменял 3 сумасшедших дома: в Люблино, Столбовой, институте им. Сербского. Он вышел и на этот раз крепким, сильным, здоровым духовно.

С этого времени начинается мое знакомство с ним. Летом 1966 г. гонения на почаевских монахов достигли апогея, и я обдумывал, как им помочь. Я обратился к В.К. Буковскому с просьбой съездить в Почаев. И хотя эта поездка не состоялась, но знакомство с Владимиром произвело на меня сильное впечатление. Уж очень он отличался от неврастенической, безалаберной, разбросанной молодежи из СМОГа. Затем мы встречались с Владимиром еще несколько раз. И, наконец, я увидел его в "деле" - во время организации 22 января 1967 г. демонстрации на Пушкинской площади в защиту арестованных Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского. Здесь не место говорить о делах Владимира (это дело будущих историков). Скажу только, что слово "талант" звучит слишком слабо когда речь идет о его организаторских способностях.

Через несколько дней после демонстрации Владимир был арестован. На этот раз объявить его сумасшедшим оказалось слишком даже для наших психиатров.

Он был признан вменяемым, и 31 августа - 1 сентября над Буковским, Делоне и Кувевым состоялся суд. Я был на суде в качестве свидетеля и мне посчастливилось присутствовать при произнесении Владимиром его двухчасовой речи на суде 1 сентября 1967 года.

(*). При Сталине этот метод также изредка применялся, однако, только к наиболее известным деятелям. В широком масштабе он стал применяться в хрущевские времена.

Речь эта была записана и широко распространялась в свое время. Я ее здесь цитировать не буду. Укажу только на то, что речь эта - одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Дело тут не только в том, что Буковский - один из самых замечательных ораторов, которых я слышал (и это говорит много лет работавший с митрополитом Александром Введенским, слышавший в детстве Троцкого, в юности Михоэлса и знавший лично почти всех замечательных проповедников своего времени, а в 20-х, 30-х годах их было немало). Самое главное - это то впечатление силы, уверенности в своей правоте, нестигаемой воли и достоинства, которые производил Буковский на суде. Содержание речи характеризует его мировоззрение.

Владимир выступал как сторонник строгой законности, гуманистических принципов, соблюдения справедливости. Он был осужден к 3 годам лагерей и вышел на волю лишь в январе 1970 г., когда я находился в заключении. Я увидел его лишь в сентябре прошлого года и виделся с ним почти ежедневно по самый момент его ареста. Я, конечно, не знаю, что именно ставится в вину Буковскому. Однако, я совершенно уверен, что во всей его деятельности нет ничего криминального. Он думает лишь о правах людей, о торжестве законности, о борьбе против всякого проявления произвола. Он отдает всю жизнь борьбе за правду, помощи страдающим людям, и в этом смысле, он, неверующий, в тысячу раз ближе к Христу, чем сотни так называемых "христиан", христианство которых заключается лишь в том, что они обивают церковные пороги. И я, христианин, открыто заявляю, что преклоняюсь перед неверующим Буковским, перед сияющим подвигом его жизни.

ж
ж ж

В январе 1970 г., во время закрытия моего дела в Сочи, у меня произошел следующий разговор со следователями Акимовой и Шатовым (при этом разговоре присутствовал и мой адвокат А.А. Залесский). Я сказал следующее: "Мой арест напоминает мне известное изречение Талейрана по поводу зверского убийства Наполеоном герцога Энгиенского: это было хуже, чем преступление, это была глупость. В тюрьме я много опаснее для моих врагов, чем на воле. Если же вы уморите меня в лагерях, тогда еще хуже: я буду еще опаснее".

Это относится и ко всем арестам по политическим и религиозным мотивам последних лет. Прежде всего они не достигают цели: они лишь создают мученический ореол вокруг ряда лиц и этим увеличивают их популярность. Так будет и с Буковским. Следовательно, хорошо, что он арестован? Да, так в теории, но не так в жизни.

Буковский — исключительная, героическая личность. Крупнее его в настоящее время в России, может быть, никого нет. Но он — человек. И прежде всего человек, с нервами, с сердцем, с живой человеческой плотью и кровью. И у него есть мать.

Что должна чувствовать мать? Я могу лишь приблизительно представить себе это по той щемящей боли, которую я чувствую, когда думаю о том, что Владимир в тюрьме. Если я так чувствую, что же должна чувствовать сейчас мать? Какой ад у нее в душе! И поэтому я обращаюсь ко всем, от кого это зависит — не делайте лишней жестокости, освободите отважного молодого витязя — замечательного русского человека. Это будет больше, чем справедливый поступок — это будет государственная мудрость и это будет первый шаг к примирению с молодыми демократическими силами России, шаг, который будет должным образом оценен.

Я обращаюсь ко всем моим друзьям и читателям: присоединитесь к моему требованию об освобождении Владимира Буковского. И я твердо верю, что увижу его свободным и его гуманистические идеи торжествующими, ибо "не мечом и копьём спасает Господь, ибо это война Господа" .

7 апреля 1971 года

Благовещение Пресвятой Богородицы

ОБРАЩЕНИЕ КОМИТЕТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

К ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ ПСИХИАТРОВ

Комитет прав человека обращается к Конгрессу, чтобы привлечь внимание психиатров к комплексу вопросов, связанных с правами лиц, признанных психически больными. Комитет считает что неразработанность этих вопросов - как с теоретической, так и с медицинской точек зрения - создает весьма тревожную ситуацию.

Особенно остра проблема прав лиц, принудительно находящихся в психиатрических больницах - по постановлению суда или на любых других основаниях. Несовершенство гарантий прав лиц, признанных психически больными или подвергающихся психиатрической экспертизе, повышает вероятность ошибок и способствует злоупотреблениям в этой области, в которой любое необоснованное решение может иметь непоправимые последствия. Легко понять как травмируется психика человека, помещенного в больницу без достаточных медицинских оснований, подвергающегося длительной изоляции, необходимости контактов с критическими больными, воздействию психотропных препаратов, мучительным процедурам или угрозам этого. Не менее остра опасность применения таких процедур и лечебных средств, которые вызывают необратимые клинические изменения. Нельзя забывать, что такие злоупотребления могут быть использованы как средство политического преследования, преследования людей за убеждения. Этим создается возможность совсем неограниченных незаконных действий, пределов применения которых нельзя предугадать.

Наш век уже видел, к каким страшным последствиям может привести злоупотребление достижениями науки и ее авторитета. Пока не поздно, надо сделать все, чтобы предотвратить повторение этого вновь, в новом, быть может не менее мрачном варианте.

Мы имеем здесь дело с опасностью, которая угрожает всему человечеству, и предотвратить ее можно только усилиями всего человечества, в частности, ученых всего мира.

Проблема имеет много аспектов помимо медицинского. Тем не менее, очевидно, сколь многое зависит от психиатров, от их уважения к правам человека в сколь бы болезненном состоянии он ни находился. От их беспристрастности и чувства ответственности за все практические применения, которые может иметь их наука ... (пропуск). Комитет полагает, что актуальности проблемы соответствует принятие следующих мер:

Создание постоянных комиссий представителей психиатров различных стран для изучения психиатрической практики и обмена неограниченным опытом.

Систематическая публикация материалов. Сотрудничество в этой проблеме и правовых организаций Объединенных Наций, в частности для разработки международных установок в области гражданских прав лиц, признанных психически больными.

А.Д. САХАРОВ

А.Н. ТВЕРДОХЛЕБОВ

В. Н. ЧАЛИДЗЕ

Р.Н. ШАФАРЕВИЧ

4 июля 1971

БРИТАНСКИЙ ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИОНЕРЫ В БОЛЬНИЦАХ ДЛЯ УМАЛИШЕННЫХ

За последние годы в прессе неоднократно появлялись сообщения о том, что в Советском Союзе политических оппозиционеров помещают в психиатрические лечебницы. Такого рода сообщениям невозможно поверить без достаточных доказательств, и вначале представлялось, что все это - не более как антисоветская пропаганда. Например, в случае Наталии Горбаневской, насильственно помещенной в психиатрическую лечебницу после демонстрации протеста на Красной площади против советского вторжения в Чехословакию. Было известно, что несколько лет назад она действительно страдала легким психическим расстройством, и хотя ее друзья утверждают, что сейчас она вполне умственно здорова, здесь возможен известный элемент сомнения.

Однако существуют иные случаи, например случай ученого-биолога Медведева, которых нельзя легко объяснить. Медведев был одним из ученых, выступивших против насильственного принятия ложной генетической теории Лысенко; заключение его в больницу для душевнобольных, как признал главврач Калужской психиатрической лечебницы Александр Лившиц, было произведено по приказу из министерства, и основной причиной заключения послужили две широко распространенные работы Медведева: "Культ личности и биологическая наука" (1962) и "Международное сотрудничество ученых и национальные границы" (1968). Медведев был освобожден лишь после того, как в дело вмешались его коллеги и друзья, в их числе лауреат Нобелевской премии Солженицын, который писал в своем открытом письме: "Пора бы разглядеть: захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней".

Не менее четкую позицию занимает молодой литератор Буковский, который был помещен в Институт судебной психиатрии имени Сербского после того, как он организовал публичное выступление протеста против суда над писателями Синявским и Даниэлем. Ниже следует письмо, с которым он обратился к западным психиатрам:

"В последние годы в нашей стране вынесено несколько судебных решений о помещении в психиатрические лечебницы (в том числе и специального типа) людей, которые по мнению их родственников и

друзей являются психически здоровыми. Это Григоренко, Рипс, Горбаневская, Новодворская, Яхимович, Гершуни, Файнберг, Кузнецов Виктор, Иофе, Борисов В., и др. - люди известные своими выступлениями в защиту гражданских прав в СССР.

Такое явление вызывает обоснованную тревогу, особенно в связи с на шумевшим помещением в психиатрическую больницу внесудебным порядком биолога Жореса Медведева.

Заключения судебных экспертов - психиатров, положенные в основу судебных решений, по своему содержанию вызывают ряд сомнений. Однако, только специалисты-психиатры могут высказать авторитетное мнение о степени обоснованности этих заключений.

Пользуясь тем, что мне удалось получить точные копии заключений судебно-психиатрических экспертиз в отношении Григоренко, Файнберга, Горбаневской, Борисова, Яхимовича и выдержки из заключения в отношении Кузнецова В. - я направляю Вам эти документы, а также некоторые письма и материалы, характеризующие этих людей.

Буду Вам очень благодарен, если Вы заинтересуетесь этим вопросом и выскажете свое мнение.

Я понимаю, что заочно и не располагая необходимыми клиническими данными, очень трудно решить вопрос о психическом состоянии человека и определить диагноз заболевания, либо утверждать отсутствие всякого заболевания.

Поэтому я прошу Вас высказать ваше мнение лишь по такому вопросу: содержат ли в себе указанные заключения достаточные, научно-обоснованные данные не только для вывода о психических заболеваниях, указанных в этих заключениях, но и для вывода о необходимости строгой изоляции этих людей от общества.

Я буду очень рад, если Вы сможете заинтересовать этим вопросом Ваших коллег и сочтете возможным поставить его на обсуждение предстоящего Международного Конгресса Психиатров.

Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице.

Я верю, что Вы не останетесь равнодушны к этой проблеме и уделите ей часть своего времени - так же как ученые-физики находят время для борьбы против использования достижений своей науки во вред человечеству.

Заранее благодарю Вас.

28 января 1971 г.

В.Буковский "

Благодаря усилиям группы добровольцев, работающих над этим вопросом, большая часть упомянутых Буковским документов переведена на английский язык, и психиатры, желающие изучить их, могут обратиться за содействием к Почетному секретарю группы, г-же Э.С. Зйткен, 63 Холбрук Роуд, Кембридж. Эти документы послужат также полезным материалом для дискуссии, которая, надо надеяться, будет иметь место на предстоящем Международном Конгрессе Психиатров в Мехико.

Кое-кто может возразить, что все это - внутренние дела, касающиеся только самих русских, и люди из других стран не должны вмешиваться. Правда, прямые свидетельства, поступают, главным образом, из СССР, однако были сообщения о подобных случаях и в других странах, и в данной ситуации возникает более широкая проблема, затрагивающая права личности, сталкивающиеся с официально провозглашенными интересами общества. Какую бы ни принять точку зрения, сообщения, о которых идет речь могут, очевидно, нанести ущерб не только благоприятным взаимоотношениям между СССР и Западом, но и психиатрии как таковой, поскольку сообщения эти предполагают наличие психиатров, готовых продаться в угоду политическим интересам.

Хотя поступающие сообщения не должны приниматься некритически, однако свидетельства налицо, и от них нельзя просто отмахнуться. Единственное, как нам кажется, возможное решение - это произвести тщательное и объективное расследование. Во многих случаях русские психиатры не были единодушно согласны с поставленными диагнозами, и есть основания верить, что многие из них будут приветствовать такого рода расследование.

Дерек Рихтер

Невропсихиатрическое отделение
при Медицинском исследовательском совете

Август, 1971 г.

ПИСЬМО 44-х ВИДНЫХ БРИТАНСКИХ ПСИХИАТРОВ
ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЛОНДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ "ТАЙМС"
16 СЕНТЯБРЯ 1971 ГОДА

Уважаемый господин редактор,

С 29 марта советский гражданин Владимир Буковский содержится под арестом на основании обвинения в "антисоветской агитации". 12 марта газета "Таймс" опубликовала его призыв к западным психиатрам. Он просил их изучить официальные психиатрические отчеты и другие документы (которые он приложил к письму) относительно содержащихся, главным образом в тюремных психиатрических больницах лиц, протестовавших против некоторых действий советского правительства. В своем письме г.Буковский писал: "Я понимаю, что заочно и не располагая необходимыми клиническими данными, очень трудно решить вопрос о психическом состоянии человека и определить диагноз заболевания либо утверждать отсутствие всякого заболевания. Поэтому я прошу Вас высказать ваше мнение лишь по такому вопросу: содержат ли в себе указанные заключения достаточные, научно обоснованные данные не только для вывода о психических заболеваниях, указанных в этих заключениях, но и для вывода о необходимости строгой изоляции этих людей от общества" (Подчеркнуто нами).

Отчеты о Григоренко, Яхимовиче, Горбаневской, Файнберге, Борисове и Кузнецове, так же как и другие материалы, касающиеся этих лиц, теперь переведены на английский язык основанной недавно "Рабочей группой по вопросам заключения инакомыслящих в психиатрические больницы." (в состав этой Рабочей группы входят психиатры, юристы и люди, занимающиеся защитой прав человека). Эти отчеты доступны всем.

На основании данных, содержащихся в этих отчетах, нижеподписавшиеся психиатры чувствуют себя вынужденными выразить серьезные сомнения насчет законности принудительного лечения названных шести лиц и их бессрочного заключения в условиях тюремной психиатрической больницы. У четырех из них явно отсутствуют какие-либо симптомы, указывающие на потребность лечения, не говоря уже о лечении карательного характера.

Что же касается Горбаневской и Файнберга, судя по официальным диагнозам, симптомы психического заболевания наблюдались у них

в раннем периоде их жизни. У Горбаневской симптомы заболевания были незначительными, исчезнувшие после двухнедельного добровольного пребывания в больнице, и, повидимому не повторялись в течение семилетнего периода - до демонстрации (против оккупации Чехословакии) на Красной площади 25 августа 1968 года, за участие в которой она и Файнберг были арестованы. Насколько можно судить, предыдущее заболевание Файнберга было более серьезным, но в дальнейшем никаких симптомов болезни не наблюдалось в течение восемнадцати лет, вплоть до демонстрации.

Таким образом, если допустить возможность необходимого психиатрического лечения для этих двух лиц в 1968 году, то надо сказать, что продолжительное заключение в тюремных условиях было никак не обосновано. У нас сложилось впечатление, что диагнозы заболевания шести вышеупомянутых лиц были поставлены исключительно вследствие их попыток воспользоваться основными правами, установленными Всеобщей Декларацией Прав Человека и гарантированными советской конституцией.

Глубокое беспокойство, которое охватило всех по этим вопросам, могло бы отчасти исчезнуть, если бы советские власти сообщили дальнейшие данные об этих случаях. Злоупотребления психиатрическим лечением для политических или каких либо иных целей представляет собой серьезную опасность не только в СССР, но и повсюду.

Мы также надеемся, что советское правительство пересмотрит дело Владимира Буковского, который проявил мужество, посылая свой призыв, вследствие чего, повидимому, подвергается преследованиям. То, что нам известно о нем, заставляет думать, что он из тех людей, которые являются неудобными властям любой страны, ибо он не склонен идти на компромиссы ради личных выгод и удобств, а считает правильным говорить то, что думает, хотя и отдает себе отчет в том, что в данном положении это может быть для него опасно. Такие люди часто могут дать много положительного и заслуживают большого уважения. Ввиду того, что он обратился к нам с просьбой высказаться по поводу людей таких же откровенных, как и он, и которые, по его мнению, являются жертвами злоупотребления психиатрическим лечением, мы считаем, что обойти молчанием этот призыв было бы не только неправильно, но и бесчеловечно.

Наконец мы должны еще добавить, что материалы, имеющиеся по другим случаям, вместе с документами, касающимися шести вышеупомянутых лиц, придадут большой дополнительный вес тем серьезным опасениям, о которых мы высказались выше. Как указывалось в Вашей прекрасной передовой статье от 12 июля, в советских больницах, повидимому, все яснее вырисовывается удручающая картина лечения инакомыслящих с применением сильнейших и потенциально-опасных средств в карательном порядке. Поэтому мы обращаемся к коллегам всего мира с призывом изучить ставшие доступными обширные материалы по этому вопросу, обсуждать его с советскими коллегами, многие из которых, как нам известно, так же встревожены положением, как и мы, и, наконец, поднять этот вопрос, — как о том просит Владимир Буковский — на международных конференциях, как например, Конференция Всемирного Объединения Психиатров, которая состоится в Мехико от 28 ноября до 4 декабря.

Ваши

Ф.А. Дженнер	В. фон Базер	Ч.Ф.Карр	Д.Х.Кларк	Х.Клапан
А.Х. Крисп	Д.Л.Дэвис	Х.В. Дикс	Гриффис Эдуардс	
Л.Эйтингер	Т.Фerguson Роджер	С.Финн	Дж.А.Фрэнзэр Робертс	
Л.Р. Гьессинг	М.Хэмилтон	И.М. Ингрэм	Эйнар Кринглен	
Д.М.Лейберман	С.Маккейт	П.Маллин	А.Манро	
Иан Освальд	Томас Л.Перри	Дж.Пиппард	Д.А.Понд	Ф.Пост
К.Раунслей	Дерек Рихтер	Х.Р. Роллин	Д.Розенталь	
П.Сейнсбери	Дж.Шорштейн	Могерс Скоу	С.Шафар	Д.М.Шоу
А.М.Шенкин	Е.Слзтер	Дж.Р.Смитис	К.Содди	
Д.Стэффорд-Кларк	Е.Стенгель	А.Сторр	В.И.Тонг	В.Х.Тресоун

ПИСЬМО ВИДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
МИНИСТРУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР
О ЗАКЛЮЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЛИЦ В ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ БОЛЬНИЦЫ

Господин Министр,

В нашем распоряжении имеется ряд документов, достоверность которых не подлежит сомнению; они вскрывают действия, систематически применяемые подведомственными Вам учреждениями по отношению к лицам, чьи убеждения расходятся с официальной точкой зрения, действия, состоящие в заключении этих лиц в психиатрические больницы, хотя достоверно известно, что они психически совершенно здоровы. Таким образом они подвергаются лечению, вследствие которого неизбежно превращаются в больных. Выходит, что расхождение в мнениях приравнивается к психическому заболеванию.

Мы не хотим скрывать от Вас, господин Министр, что подобный образ действий вызывает единодушное порицание интеллигенции нашей страны. На наш взгляд, он напоминает некоторые методы, в свое время осужденные Нюрнбергским Трибуналом.

Если подобным действиям не будет положен конец, то как могут они не нанести серьезного ущерба дружеским отношениям, с давних пор объединяющим обе наши страны ?

Выражаем надежду, господин Министр, что Вы примете наше ходатайство во внимание и просим Вас принять уверения в нашем совершенном почтении.

Подписали:

Рене Кассен,	Жан Кассу,	Андре Франсуа-Понсэ	Эжен Ионеско
Габриэль Марсель	Ж.-М.Доменак	Пьер Эмманюэль	А.Аморозо
П.Арриги,	П.Бальвэ, Бандони,	Р. де Барант	А.Ж.Бланшар
А.Бартоли	А.М. Боттекс	Ж.Буиссуруз	Ж. де Булятсель
П.Клярак	М.Клявель	А.Данн	А.Дюпки
Ж.Эльгози	Д.Фонтенэ	П.Фресс	Ж.Фриедманн
Д.Гарда	С.Женевуа	Г.Жермен	П.Жиро
Л.Арман	А.Ерсковиси	Р.Юиг	П.Капнист
Г.Ледюк	Л.Лепренс-Ренгэ	П.Левер	С.Люно
Л.Мартен-Шоффье	Д.Майер	А.Мурё	Ж.Нантэ
Ф.Помель	Р.Пуаза	А.Риваль	Ф.де Скамезон
П.-А.Симон	Л.Сингер-Кац,	А.Темерсон	Л.де Вильфосс
П.Ф. де Вильмаре	Э.Вольфф.		

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СОРОКА ВОСЬМИ
ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА ИМ. СЕРБСКОГО
В ЗАЩИТУ В. БУКОВСКОГО, (Москва, 4.10.71)

Д и р е к т о р у

Центрального научно-исследовательского Института судебной психиатрии имени Сербского.

Копия: Всемирной Организации Здравоохранения

В связи с направлением в Ваш Институт на судебно-психиатрическую экспертизу Владимира Константиновича Буковского, обвиняемого по ст.70 УК РСФСР, и продлением срока экспертизы, мы, нижеподписавшиеся его друзья и знакомые, считаем своим долгом заявить следующее:

Мы близко знали В.К.Буковского, и длительное время общались с ним вплоть до его последнего ареста 29 марта 1971 года. Ни у кого из нас никогда не возникало ни малейшего сомнения в том, что В.К. Буковский абсолютно здоров психически. Напротив, все мы знаем Буковского как очень цельного и психически устойчивого человека. Проявляя бескомпромиссность в принципиальных вопросах и не поддаваясь воздействию шантажа и угроз, он всегда был готов согласиться с разумными доводами и понять чужую точку зрения. Буковский отзывчив и сердечен в отношениях с людьми, мягок и тактичен в обращении; он пользуется и уважением всех, кто его знает. Несмотря на тяжелые условия жизни, в которые он был поставлен (больше 5-ти лет своей 28-летней жизни он провел в местах заключения), он сумел сохранить большой оптимизм.

Исключенный с биолого-почвенного факультета Московского университета по политическим мотивам, Буковский сохранил живой интерес к знаниям и мечту получить систематическое образование.

Встревоженные затянувшейся экспертизой Буковского и не имея гарантии ее объективности и добросовестности, мы заявляем, что признание Буковского невменяемым не сможем расценивать иначе как преступление (превышение служебных полномочий), против которого будем бороться любыми законными средствами. Опасность этого преступления состоит в том, что оно поставило бы Буковского во время суда над ним в бесправное и беззащитное положение.

Напоминаем Вам, что в 1967 г. стационарная психиатрическая экспертиза Вашего Института признала В.К.Буковского психически здоровым.

Т.Баева	И.Белгородская	В.Быкова	Т.Великанова
Ю.Вишневская	А.Вольпин	В.Гершович	Л.Гинзбург
З.Григоренко	В.Делоне	Б.Ефимов	Л.Зиман
Е.Козакевич	М.Калик	И.Каплун	Л.Кардасевич
Е.Костерина	И.Костерина	Л.Кушева	Е.Кушев
А.Лавут	В.Лапин	В.Лашкова	В.Милашевич
А.Мамедов	С.Писарев	Л.Плющ	Г.Подъямпольский
И.Рудаков	В.Савенкова	Ю.Саясов	Л.Терновский
А.Туммерман	В.Турьянский	В.Тимачев	Р.Урбан
В.Хаустов	Т.Ходорович	Ю.Штейн	И.Якир
П.Якир	А.Найденович	В.Осипов	Ю.Титов
Е.Строева	В.Гусаров	М.Каплан	А.Якобсон

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО НИНЫ БУКОВСКОЙ "КО ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ"
В ЗАЩИТУ ЕЕ СЫНА ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

Москва, 4.10.71.

КО ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Я обращаюсь ко всем людям доброй воли, к тем, кому дороги истина и справедливость.

Я - мать Владимира Буковского, полгода назад брошенного в тюрьму сотрудниками КГБ. Единственной "виной" сына является тот факт, что он рассказал всему миру о практике помещения в советские специальные психиатрические больницы инакомыслящих людей под видом душевнобольных.

Седьмой месяц длится следствие, но никакой подлинной вины с точки зрения юридических норм за моим сыном нет. И вот теперь, ища выхода из затруднения, следователь КГБ капитан Коркач направил сына в специальный институт судебной психиатрии на экспертизу по поводу его психического состояния. Этот же самый институт в 1967 г., проведя стационарную экспертизу, признал Владимира вполне психически нормальным. Несмотря на это, теперь, по истечении положенного срока, сына оставили в институте на повторную экспертизу (до 10-14 октября с.г.).

Над моим сыном - абсолютно здоровым психически человеком нависла страшная угроза: его, по-видимому, намереваются объявить сумасшедшим, невменяемым. А дальше ... дальше в тесных палатах-камерах люди в белых халатах будут мучить и уродовать его день за днем, год за годом, пока не превратится в полного калекку.

Я обращаюсь к вам, люди доброй воли - матери и отцы, братья и сестры - Не дайте совершиться страшному преступлению!

Спасите моего сына!

Мать Владимира Буковского
Нина Буковская

Москва, 4 октября 1971 г.

ТЕЛЕГРАММА, ПОСЛАННАЯ МАТЕРЬЮ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО
НИНОЙ БУКОВСКОЙ, МЕЖДУНАРОДНОМУ КОМИТЕТУ ЗАЩИТЫ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА В ПАРИЖЕ - (КОПИЯ ПОСЛАНА МАДАМ ПОМПИДУ),

"Я уверена в невинности моего сына. Призываю использовать для его защиты все законные пути, в том числе контакты с советскими руководителями".

Октябрь 1971

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Возможности, которыми располагали составители, не позволяют утверждать, что стенограмма судебного процесса над Владимиром Буковским, происходившего в Москве 5 января 1972 г., воспроизведена дословно. В частности, текст обвинительного заключения, речи прокурора и адвоката, а также текст приговора воспроизведены с сокращениями.

Составители уверены, однако, что принципиальных ошибок, искажающих смысл произнесенного в зале суда, в этом документе не содержится. Ответственность же за то, что стенограмма не дословна, лежит не на составителях, сделавших все, что было в их силах для восстановления истины, а на тех, кто не пустил друзей подсудимого в зал суда /хотя процесс формально считался открытым/, и не дал им возможности открыто стенографировать или пользоваться портативной звукозаписывающей аппаратурой.

С У Д

5 января 72 года в Москве в помещении Люблинского районного суда /Егорьевская ул., Т 4/ состоялся суд над В.К.Буковским.

Судебное разбирательство проводила выездная сессия Мосгорсуда: судья В.Дубеннова, прокурор А.Бобрушко, народные заседатели Кондаков и Шлыков, адвокат В.Я.Швейский, секретарь Осина.

В суд были вызваны следующие свидетели со стороны обвиняемого:

1. Дж.Пайперт

2. А.Уоллер

/Как выяснилось позже, этим свидетелям не были посланы повестки, на предварительном следствии эти свидетели дали показания в пользу В.Буковского/.

3. Шушпанов Б.А.

4. Никитинский А.Э.

5. Бычков

6. Тарасов

7. Буковская Н.И.

/До суда Н.Буковская несколько раз обращалась в различные инстанции с просьбой не делать ее свидетелем, так как ничего по делу сына ей неизвестно и она хочет присутствовать в зале суда в течение всего судебного разбирательства. Но именно ее присутствия и не хотели судебные власти/.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ
ПО ДЕЛУ БУКОВСКОГО В.К., 1942 г. рождения, русского,
прожив. Москва, ул. Фурманова, 3/5 кв. 59.

1. В течение 1970-71 гг. БУКОВСКИЙ В.К. занимался систематическим распространением антисоветских материалов клеветнического содержания, передавал иностранным корреспондентам клеветническую информацию, порочащую государственный и общественный строй, утверждал, что в Советском Союзе здоровых людей помещают в психиатрические больницы тюремного типа, где к ним применяются различные пытки; а также хранил у себя на квартире различные антисоветские материалы клеветнического содержания.

Доказательствами этого служат:

а/ вырезки из зарубежных газет "Вашингтон пост", "Сан-Франциско экзаменер" и "Дейли Ньюс", найденные на квартире Буковско-го со статьями клеветнического содержания, порочащими государственный и общественный строй СССР и озаглавленными:

"Русский, который борется против строя!"

"Выступает советский инакомыслящий".

"Русский раскольник рассказывает об ужасах сумасшедших домов-тюрем для инакомыслящих";

б/ кинопленка, которая демонстрировалась американской компанией Си-Би-Эс в телепередаче от 28/УП-70 г., озаглавленной "Голоса русского подполья" и комментарии к этому фильму, помещенные в различных зарубежных газетах /"тайно снятый фильм показывает, что можно бороться внутри России" и др./, а также радиопередачи на русском языке с комментариями по поводу этого фильма, переданные радиостанциями "Свобода", "Голос Америки" и "Би-Ем-Си";

в/ записная книжка Буковского В.К., в которой записаны телефоны аккредитованных в Москве иностранных корреспондентов.

2. На основании показаний Шущпанова В.А. бывшего сотрудника отдела внешних сношений Московской патриархии, Буковский В.К. обвиняется в том, что при неоднократных встречах с ним проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, утверждал, что в СССР здоровых людей помещают в психиатрические больницы, где к ним применяют бесчеловечные меры воздействия, утверждал, что в Сов.Союзе отсутствуют свобода личности, слова, печати, а также вел с ним беседы с целью склонить Шущпанова использовать служебные командировки последнего за границу для незаконного привоза из-за границы множительного аппарата для организации подпольной типографии и размножения антисоветских материалов самиздата.

3. На основании показаний Никитинского Арнольда Эдуардовича, работника отдельного контрольно-пропускного пункта Шереметьевского аэродрома, бывшего школьного товарища Буковского В.К., - Буковский обвиняется в том, что он проводил с ним антисоветскую агитацию и пропаганду, заявляя, что в СССР нет свободы личности, что у нас здоровых людей помещают в психбольницы за их инакомыслие, а также склонял Никитинского пользоваться служебное положение последнего и помочь ему осуществить нелегальный ввоз в СССР портативной типографии, минуя таможенный досмотр на Шереметьевском аэродроме. При этом Буковский имел цель организовать подпольную типографию для распространения антисоветских материалов самиздата. На основании показаний Никитинского, Буковский обвиняется также в том, что незаконно хранил у себя на квартире 2 номера антисоветского журнала "Посев", с которым знакомил Никитинского /доказательства: собственноручные показания Никитинского и магнитофонная запись очной ставки с Буковским/.

4. На основании показаний военнослужащих Бычкова и Тарасова Буковский обвиняется в том, что... февраля /марта/ 1971 г.

в кафе на Курском вокзале проводил с ними антисоветскую агитацию и пропаганду, заявляя, что в СССР существует не тот строй, который нужен советскому народу, а также дал им свой телефон и адрес и телефон корреспондента А.П.Астрахана, предлагая Бычкову и Тарасову сообщать по этим телефонам информацию /доказательства: телефоны Буковского и Астрахана в записной книжке Бычкова, повязания Бычкова и Тарасова/.

5.Буковский В.К. обвиняется в том, что 28 марта 1971 г, на квартире Чалидзе В. имел встречу с гр-ном Бельгии Себрехтсом Хуго, приехавшим в Советский Союз в качестве туриста по заданию антисоветского фламандского комитета. Себрехтс Хуго имел задание встретиться с Буковским, для чего ему дан Фламандским комитетом телефн Буковского, который он записал у себя в блокноте с применением условностей. На встрече у Чалидзе В. Буковский передал Себрехтсу Хуго 2 антисоветских документа клеветнического содержания: "Хроника текущих событий" № 17" и "Открытое письмо XXIУ съезду П.Якира", которые были найдены у Себрехтса Хуго при обыске. /доказательства: заключение криминалистической лексико-стилистической экспертизы, установившей, что документы, найденные у Себрехтса Хуго, и документы аналогичного содержания, изъятые у Буковского при обыске, напечатаны на одной и той же машинке.

**ХОДАТАЙСТВА БУКОВСКОГО, ЗАЯВЛЕННЫЕ СУДУ
В НАЧАЛЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.**

1.Первый пункт обвинения не конкретизирован, т.е. нет указания на какие именно материалы антисоветского и клеветнического содержания распространялись и каким образом; какие из найденных при обыске на квартире Буковского являются антисоветскими и кле-

ветническими. В деле также нет никаких документов, подтверждающих факт систематического распространения клеветнических материалов. Нет никакого обоснования того, что какие-либо из материалов, переданных на запад, можно считать клеветническими либо антисоветскими. В связи со всем вышеизложенным, прошу суд конкретизировать 1 пункт обвинения, если он найдет для этого достаточно оснований в материалах предварительного следствия, в противном же случае отправить дело на доследование.

2. Если первое ходатайство будет отклонено, прошу суд вызвать в качестве свидетелей следующих лиц, которые могут подтвердить истинность моих заявлений западным корреспондентам, содержащимся в моем интервью, данном мною корреспондентам Холгеру и Холлу, о фактах незаконного помещения и условиях содержания психически здоровых людей в психиатрических больницах. Эти лица: Писарев, Пархунов, Петров, Шульц, Григоренко З.М., Якимович, Нарича, Файнберг А.

3. Заявляю, что комментарии к моим интервью, перечисленные в п.1 обвинительного заключения, автором которых являюсь не я, а разные западные корреспонденты, не могут быть мне инкриминированы, так как я не могу нести ответственности за то, какие именно выражения употребляли эти корреспонденты в своих комментариях. Так, например, в обвинительном заключении употреблено слово "пытки", тогда как я никогда ни устно, ни письменно этого слова не употреблял.

Ввиду вышеизложенного прошу суд исключить из обвинения указанные комментарии.

4. Прошу суд исключить из обвинительного заключения эпизод, связанный с гр-ном Бельгии Себрехтсом Хуго, т.к. последнего в

настоящее время нет в Советском Союзе и он не может быть приглашен в суд для дачи показаний, а его показания на предварительном следствии весьма противоречивы. Так, в материалах дела имеется два протокола допроса Себрехтса, содержащих противоречащие одно другому показания.

В одном из них Себрехтс Х. утверждает, что 2 документа, найденные у него при обыске, "Хроника текущих событий" и "Открытое письмо съезду", дал ему некто ему неизвестный. В другом же он утверждает, что эти документа дал ему я. Оба протокола написаны не самим Себрехтсом, а следователем, написаны на русском языке, которого Себрехтс не знает. И в обоих этих документах есть его подпись. Очная ставка Себрехтса со мной не проводилась. Поэтому, на мой взгляд, у следствия нет достаточных оснований утверждать, что я виновен по этому пункту.

5. Если мое 4 ходатайство не будет принято во внимание, прошу суд вызвать в качестве свидетелей Вольпина и Чалидзе, которые, как следует из второго, более позднего по дате, протокола допроса Себрехтса Х., якобы присутствовали при передаче ему мною указанных выше двух документов.

6. Так как на основании ст. 18 УПК РСФСР разбирательство во всех судах открытое и мое дело не подпадает под признаки, дающие основания для закрытого судебного разбирательства, оговоренные в этой статье, я прошу суд немедленно допустить в зал всех моих друзей и знакомых, а также всех других граждан, которые пожелают присутствовать на судебном разбирательстве.

7. В ходе следствия, когда следователем по моему делу гр. Коркачем В. было допущено грубое нарушение ст. 201 УПК РСФСР и мне не был предоставлен адвокат, я обращался к председателю коллегии

адвокатов Апраксину с просьбой выделить для выполнения ст.201 УПК адвоката Каминскую Д.И., на что получил от него отказ с резолюцией: "Адвокат Каминская Д.И. выделена быть не может, так как у нее нет допуска к секретному судопроизводству! С резолюцией я был ознакомлен и на ней имелась моя подпись. Однако, впоследствии этот документ был из дела изъят и заменен другим, с которым меня никто не знакомил и на котором нет моей подписи. Этот факт граничит со служебным подлогом, и я прошу суд вернуть документ и приобщить его к делу.

8.В ходе следствия я направил около 20 жалоб в различные инстанции /перечисляет инстанции и даты отправления/, на 15 из которых не получено ответа и которые не приобщены к делу. Прошу суд вернуть эти жалобы и приобщить их к делу.

Судья обращается к представителю обвинения и представителю защиты.

Считаете ли вы ходатайства основательными и требующими удовлетворения?

Прокурор: считаю, что ходатайства Буковского необоснованы либо не имеют прямого отношения к делу.

Адвокат: поддерживаю ходатайства моего подзащитного и, кроме того, у меня есть два ходатайства, которые я прошу у суда разрешения огласить.

Судья: огласите.

Адвокат: ходатайство первое - прошу вызвать в качестве свидетеля для дачи показаний в вопросе характеристики личности моего подзащитного тов.Максимова В.Е., у которого Буковский работал последнее время литературным секретарем. Ходатайство второе - прошу вызвать в суд в качестве свидетеля тов. Подъяпольского Г., т.к. этот свидетель допрашивался на предварительном следствии

по факту распространения Буковским различных материалов и может дать по этому вопросу важные для моего подзащитника показания Суд удаляется на совещание.

Посовещавшись, суд выносит решение: отклонить все заявленные ходатайства, кроме одного, 8-го ходатайства Буковского, которое частично удовлетворяет, постановив приобщить к делу 7 из перечисленных Буковским 15-ти жалоб.

Судья заявила:

Суд не может вызвать в качестве свидетелей Петрова, Пархунова, Писарева, Нарицу, Якимовича, Шульца, Григоренко З.М. и Файнберг А., т.к. это душевнобольные люди, и их показания не могут быть действительны.

Суд считает, что 1-й пункт обвинения достаточно конкретизирован.

Суд отклоняет ходатайство Буковского о вызове свидетелей Чалидзе и Вольпина, т.к. они не имеют отношения к делу.

Суд не рассматривал ходатайство Буковского о гласности суда, т.к. судебное разбирательство открытое, в зале находятся люди, следовательно ходатайство не обосновано.

Суд не считает нужным приобщить к делу ответ председателя коллегии адвокатов Апраксина, т.к. этот документ не имеет отношения к делу.

Суд частично удовлетворяет ходатайство Буковского о приобщении к делу его жалоб и постановляет вернуть и приобщить к делу 7 жалоб.

Суд отклоняет ходатайство о вызове в качестве свидетеля В.Максимова, т.к. В.Буковский мало у него работал и считает unnecessary вызывать свидетелем Г.С. Подъяпольского, т.к. он не имеет отношения к делу.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БУКОВСКОГО В.К.

Судья: Суд приступает к допросу подсудимого.

Буковский, встаньте. Вам предоставляется возможность высказаться по всем пунктам предъявленного обвинения.

Буковский: по первому пункту обвинения я уже заявил здесь, что оно бездоказательно, голословно и неконкретизировано. Единственное, о чем конкретно говорится в этом пункте - это об интервью, данном мною корр. АП - Холгеру Дженсену и корр. Си-Би-Эс Биллу Холлу, записанном первым и снятым на киноленту вторым. В этом интервью я действительно сообщил этим корреспондентам некоторые факты из своей биографии, а также факты о других лицах, которые будучи абсолютно психически здоровыми, были помещены судебными властями в психиатрические больницы без каких-либо медицинских и юридических оснований. В этом интервью я говорил также о том, в каких условиях содержатся люди, помещенные в Ленинградскую спец.псих.больницу. Сообщаю суду, что весной 1968 года я действительно был арестован органами КГБ. При аресте у меня были конфискованы 2 неполных фотокопии книги М.Джидаса "Новый класс". Следствие направило меня на психиатрическую экспертизу в ин-т им.Сербского. Я был признан неизменяемым и суд заочно приговорил меня к принудительному лечению в Ленинградской спец. псих.больнице. Эти больницы представляют собой здание тюремного типа, огороженные рядами колючей проволоки. Санитары, уголовники, отбывшие свои наказания за различные бытовые преступления. Больные на 1 отделении, где я находился первое время, содержатся в камерах под замком, по 2-3 человека. Им полагается одна часовая прогулка в день и одна передача в месяц весом в 5 кг. Со мной в камере находились: украинский националист, уже 17 лет

пробывший в заключении, из них несколько лет во Владимирской тюрьме, где он от тяжелых условий содержания сошел с ума.

В больничной камере он непрерывно кричал, и санитары при мне много раз избивали его только за то, что им надоели его крики. Еще со мной в камере находился действительно душевнобольной, убивший своих детей, отрезавший себе уши и съевший их.

Я утверждаю, что в Ленинградской спец.псих.больнице при мне врачи действительно систематически назначали курс уколов препаратами аминазина и сульфазина в целях наказания, по жалобам санитаров и обслуживающего персонала. Препараты эти вызывают повышенные температуры до 40° , боль во всем теле, тяжелую душевную депрессию. Так, я знаю, что в то время при мне двое больных: Родичкин и Носов шутливо боролись, при этом оба упали и Родичкин ушибся о батарею парового отопления. Это было уже не на 1, а на 10 отделении, более легком, где на день разрешалось выходить из камер. У Родичкина была рассечена бровь, пошла кровь и они обратились к медсестре за йодом. За это их обоих перевели в отделение с камерным содержанием, в разные камеры, назначили курс инъекций, а Носову сделали укрутку /описание укрутки/. Вообще в этой больнице такие медицинские средства как сульфазин и аминазин, а также укрутка применялись в качестве наказания по жалобам санитаров и сестер настолько широко, что все знали заранее, что если ты каким-то образом нарушил режим или просто грубо поговорил с врачом или с кем-либо из обслуживающего персонала, то тебе в наказание обязательно будет назначено что-либо из перечисленных выше медицинских средств.

Я утверждаю, что в этой же больнице в одно время со мной находился Самсонов Н.Н., крупный ученый, лауреат сталинской III степени, автор более 10 различных научных трудов по геофизике,

абсолютно здоровый психически человек, который помещен был туда только за то, что написал и послал в ЦК КПСС письмо с требованием до конца разоблачить преступления Сталина и иже с ним, т.е. продолжить начатое на XX съезде КПСС. Самсонов Н.Н. пробыл в Ленинградской спец.псих.больнице 7 лет только потому, что отказывался признать себя больным и отречься от своих взглядов. Надо сказать, что это являлось неременным условием выписки из этой больницы. Человек должен был заявить на комиссии, что его взгляды были следствием болезни и что теперь он от них излечился.

Я утверждаю, что в это же время в больнице находился румын, живший долгое время во Франции и приехавший в СССР, чтобы увидеть своими глазами строительство коммунизма. Его звали Присакару Ник. Григ. /Забастовка на обувной фабрике - за что психбольница/.

В этой больнице также действительно находился латыш Пинтан, эмигрировавший в Австралию, а затем вернувшийся на родину. Он был помещен в Ленинградскую спец.псих.больницу за то, что хотел вернуться в Австралию, в чем ему было отказано под предлогом того, что у него был паспорт буржуазной Латвии и следовательно он, по законам СССР, является подданным ныне советской Латвии - также человек абсолютно психически здоровый. Врачи неоднократно назначали ему курс инъекций за то, что он заявлял о незаконности его помещения в спецпсихбольницу.

Могу сообщить суду ряд фактов бесчеловечного обращения с заключенными Ленинградской спец.псих.б-цы. Так, мне известен факт, что заключенный Беляев Анатолий /кстати, помещен в психбольницу за то, что рассказывал анекдоты про Хрущева/ был зверски избит фельдшером Виктором Валериановичем /фамилии его я не знаю, т.к.

фамилии врачей и другого мед.обслуживающего персонала заключенным не сообщают/ и санитарями только за то, что читал лежа в постели у себя в камере после отбоя. На следующий же день, после жалобы фельдшера на якобы возбужденное состояние больного, Беляеву был назначен курс инъекций сульфазина. Могу привести еще примеры, доказывающие мою правоту. Так, например, в этой больнице было довольно много людей, помещенных туда за попытку войти в иностранные посольства. Им было предъявлено обвинение в попытке перейти границу, а т.к. в законе нет указаний на то, что войти в иностранное посольство значит перейти границу, эти люди были признаны неизменяемыми и направлены в Ленинградскую спец.псих.б-цу.

Судья: подсудимый Буковский, не нужно так подробно говорить обо всех этих примерах, зачем эти подробности?

Буковский: Но меня обвиняют в клевете, я же хочу доказать, что все сказанное мною в интервью - это не клевета.

Судья: Вы слишком подробно говорите об этом. Ближе к делу. Говорите о себе.

Буковский: Ну что же, если говорить о себе, то тут тоже есть достаточно фактов для доказательства моей правоты. Так, после выписки из Ленинградской псих.больницы в феврале 1965 г.; в декабре того же года я был задержан на улице работниками органов КГБ и помещен в районную псих.больницу № 13 без предъявления какого-либо обвинения, а также без каких бы то ни было медицинских показаний, т.к. диспансер, в котором я был на учете и который меня наблюдал с момента выписки из Ленинградской больницы, дал в ответ на запрос заключение, что я не обнаруживаю каких-либо отклонений от нормального психического состояния. К такому же выводу пришли и врачи б-цы № 13 и выписали меня, но органы КГБ дали распоряжение перевести меня в другую психбольницу на ст.Столбо-

вая в надежде, что тамошние врачи окажутся более послушными и найдут у меня признаки невменяемости. Когда же этого не случилось и врачи этой психбольницы ничего болезненного в моем состоянии не обнаружили, то же КГБ перевело меня в ин-т им.Сербского. На вопросы матери, задаваемые ею прокурору по надзору Фунтову, ей отвечали, что, по "их мнению", меня рано выписали из Ленинград-ской псих.больницы и что меня надо еще долечить. Это ли не до-казательство того факта, кто является фактическим инициатором помещения в псих.больницу и кто оказывает давление на врачей, проводящих экспертизу, в случаях, аналогичных моему, когда судить по закону человека не за что. В результате, без всякого предъявления мне обвинения и вопреки мнению врачей я пробыл в этот раз в различных псих.больницах в общей сложности 8,5 ме-сяцев и был освобожден оттуда только благодаря публичным выступ-лениям по этому поводу общественности на западе и нажиму общест-венного мнения.

Судья: По первому эпизоду обвинения у вас все?

Буковский: Нет, не все. В обвинении сказано: "Хранил у себя на квартире различные антисоветские материалы клеветнического содержания, порочащие советский государственный и общественный строй". Я не знаю, о каких документах идет речь. В обвинении они не указаны. У меня при обыске изъято очень большое количество разных документов, в том числе вырезка из газеты "Правда". Они что, тоже антисоветский документ?

Судья: У кого есть вопросы к подсудимому по 1 эпизоду обви-нения?

Прокурор: Вы сказали, что неизменным условием выписки из спецпсихбольницы был отказ больного от своих взглядов. Вы сами также отказались при выписке от своих взглядов?

Буковский: Да, вынужден был отказаться, чтобы меня выписали.

Прокурор: Вы признаете, что давали интервью корреспонденту АП Холгеру Дженсену?

Буковский: Да, признаю.

Прокурор: Как это происходило?

Буковский: Мы поехали за город, отдыхать. Нас было довольно много, и иностранцев и русских, около 30 человек. Там зашла речь обо мне, о том, что я пережил за последние годы, и я рассказал все то, что содержится в этом интервью, а Холгер записывал. В это же время Билли Холл, корр. Си-Би-Эс, снимал меня на кинолентку.

Прокурор: Вы готовились заранее к этому интервью?

Буковский: Нет, не готовился, но я понимал, что подобные вопросы могут быть заданы и всегда был готов на них ответить.

Прокурор: Вы знали, что это ваше сообщение будет опубликовано на Западе, а кинофильм будет демонстрироваться там на экранах телевизоров.

Буковский: Да, знал.

Прокурор: И не возражали против этого?

Буковский: Нет, не возражал, и даже просил их об этом.

Прокурор: С какой целью вы это делали?

Буковский: Я хотел, чтобы факты, сообщенные мною, были известны широкой общественности.

Прокурор: Для чего вам это нужно было, какую цель вы преследовали?

Буковский: Моя цель изложена в самом интервью. Там сказано /цитирует/: "Нашей целью является борьба против страха, который сковал людей со времен Сталина, и благодаря которому система продолжает существовать. Система диктатуры, давления,

принуждения. В этой борьбе большое значение имеет личный пример, который мы даем людям!

Прокурор: Вы имеете медицинское образование?

Буковский: Нет, специального медицинского образования я не имею. Я изучал психиатрию в Ленингр. спец.псих.больнице, когда работал там в переплетной. Я прочел очень много книг по психиатрии.

Судья: У защиты есть вопросы?

Адвокат: Скажите, давая интервью западным корреспондентам, имели ли вы целью подрыв или ослабление советской власти или ее политического строя?

Буковский: Конечно, нет. Я думал о тех людях, моих друзьях и других, которых постигла такая же участь и которых, быть может, удастся спасти.

Прокурор: Скажите, с какой целью вы хранили у себя на квартире вырезки из газет "Вашингтон пост" и другие и как они к вам попали?

Буковский: У меня были две вырезки: одну из них из газеты "Вашингтон пост" с моим портретом мне принес Никитинский, я хранил ее, так как это был текст моего интервью, там же был мой портрет. Я прочел ее, чтобы проверить, нет ли там каких-либо неточностей, и она у меня лежала в моем секретаре. Никаких целей я при этом не имел.

Прокурор: С какой целью вы хранили у себя на квартире фотокопию уголовного дела /фамилия/?

Буковский: Меня интересовало это дело. Я с трудом достал неполную фотокопию этого дела и хотел ознакомиться с ней, но не успел.

Прокурор: С какой целью вы хранили у себя на квартире документ под названием "Открытое письмо XXIУ съезду" и кто его автор?

Буковский: Фамилия автора стоит под этим документом - это П.Якир. Этот документ забыл у меня кто-то из знакомых.

Прокурор: Как попал к вам черновик документа под названием "Открытое письмо к съезду" и кто его автор?

Буковский: Автор этого письма неизвестен и как оно попало ко мне, я не знаю.

Прокурор: Как попал к вам документ под названием "Обращение политзаключенных, признанных за свои взгляды невменяемыми" и кто его автор?

Буковский: Фамилии его авторов также стоят под этим документом - это В.Файнберг и Б.Борисов. Он пришел ко мне по почте.

Прокурор: Знаете ли вы, что после вашего первого ареста в 1968 г. ваша мать была инициатором обследования вас психиатрами?

Буковский: Это было еще задолго до моего ареста. По запросу военкомата меня обследовали психиатры, и КГБ, зная об этом, направило меня на экспертизу.

Прокурор: У меня есть ходатайства к суду.

Заявляет ходатайства о том, чтобы суд осмотрел находящиеся в деле вырезки из зарубежных газет с комментариями по поводу заявлений Буковского, содержащихся в интервью, данном им Холгеру, и комментарии зарубежной прессы по поводу телеинтервью, данного Буковским корр. Холду. Судья находит в деле указанные листы и заявляет, что суд осмотрел перечисленные документы.

Прокурор: Прошу продемонстрировать пленку фильма, который был показан по американскому телевидению 28 июля 1970 г., телекомпания Си-Би-Эс.

Демонстрируется кинофильм. На экране все время дается изображение Буковского на фоне деревьев. Текст идет только на

английском языке. После окончания просмотра:

Прокурор: Подсудимый Буковский, вы признаете, что на этой пленке изображены вы в тот момент, когда даете интервью?

Буковский: Да, признаю.

Судья: Переходите к показаниям по второму эпизоду обвинения.

Буковский: Со свидетелем Шушпановым В.А. я познакомился весной 70 г. Мы виделись с ним всего раза четыре у меня на квартире. Однажды мы зашли с ним на квартиру к одним моим знакомым. Что касается бесед, которые мы с ним вели, то они касались вопросов религии /Шушпанов рекомендовал себя человеком верующим/ и, возможно, каких-то социальных проблем. В обвинении сказано, что я говорил ему о том, что видел в психиатрических больницах. Допускаю. Возможно, я также говорил ему и о том, какие нарушения допускают при этом судебные власти и некоторые врачи. Что же касается антисоветской агитации и пропаганды, которую я с ним якобы проводил, могу сказать только то, что наши с ним беседы носили обоюдный характер. Сам Шушпанов признает, что в то время он разделял мои взгляды, и если я в таких беседах и говорил ему что-либо о своих убеждениях, в частности, о том, что по-моему в Советском Союзе фактически нет свободы слова или печати, т.е. ущемляются права граждан, гарантированные Конституцией СССР, то опять-таки повторяю, что это не была ни антисоветская агитация, ни пропаганда, ибо беседы наши носили обоюдный характер. Я просто высказывал свои убеждения. Шушпанов показал на следствии, что я, якобы, обещал ему помощь в деле перевозки пленки за границу его романа "антисоветского", как он его сейчас называет, в том случае, если он таковой напишет. Я помню этот разговор. Шушпанов спросил у меня, как ему действовать, если он

напишет роман и захочет его переправить за границу, на что я ему ответил, что если он станет размножать и распространять свой роман здесь, то рано или поздно, независимо от его желания, этот роман попадет за границу. Ни о какой моей помощи в этом деле речи не было, да и роман то Шушпанов еще только собирался писать.

По поводу множительного аппарата, который, якобы, я просил Шушпанова привезти из-за границы, могу сказать следующее: Припоминаю, что я действительно спрашивал его, не может ли он, бывая в заграничных командировках, привезти оттуда множительный аппарат, на что он мне ответил, что его уже давно не посылают за границу и поэтому он этого сделать не может. Вот и все, что я могу сказать по поводу этого эпизода.

Прокурор: С какой целью вы просили Шушпанова приобрести и доставить вам множительный аппарат?

Буковский: Так вопрос не стоял, но возможность иметь такой аппарат меня интересовала.

Прокурор: Для чего вам нужен был такой аппарат?

Буковский: Мне мог понадобиться такой аппарат для размножения каких-либо материалов.

Прокурор: Каких именно?

Буковский: Я не имел тогда ввиду конкретно какие-либо документы, но в принципе мне могло понадобиться размножить какой-нибудь документ, содержащий изложение моих личных убеждений. На это имеет право каждый гражданин СССР по конституции. Может, какое-либо литературное произведение из тех, которые трудно достать, например, стихи Мандельштама или Ахматовой.

Прокурор: Для чего вам могло понадобиться размножить эти материалы?

Буковский: Для друзей, для тех, кто этим заинтересуется.

Прокурор: У меня больше нет вопросов.

Судья: У защиты есть вопросы по этому пункту?

Адвокат: Нет.

Судья: Подсудимый, переходите к следующему эпизоду.

Буковский: Третий эпизод обвинения основан на показаниях Никитинского, моего бывшего школьного товарища. После окончания школы мы с ним много лет не встречались. Впервые после многолетнего перерыва мы встретились с ним после того, как я вернулся из заключения, очевидно, весной 70 г. Встреча была случайной, на улице возле моего дома. Он мне обрадовался, я пригласил его к себе, мы зашли, поговорили о том, как жили эти годы, у кого какая была судьба. Он рассказал мне, что после окончания училища служил в армии, под Москвой, потом во время конфликта на китайско-советской границе был переведен туда и включен в состав Таманской дивизии, которая в числе 5 дивизий была в это время туда направлена. Он сказал, что эти войска были переданы в ведение КГБ. Рассказывал мне различные сведения, которые ему пришлось узнать, будучи офицером пограничной службы, и в доказательство что ли своих слов подарил мне русско-китайский разговорник для служебного пользования, которым, якобы, был снабжен весь офицерский состав тех войск, которые находились в это время на китайской границе.

Никитинский сказал, что он по болезни /язва желудка/ сейчас переведен в Москву и работает на Шереметьевском аэродроме на ОКПП, где производится таможенный досмотр вещей, провозимых пассажирами Аэрофлота, следующими за границу или из-за границы. Впоследствии мы с ним несколько раз встречались, всегда только у меня на квартире.

Я говорил Никитинскому, что ему не следует бывать у меня, что за мной слежка, у него могут быть неприятности, на что он отвечал мне, что в армии служить не хочет. Однажды он принес мне целый ворох различных иностранных журналов, якобы отобранных у кого-то на таможене. Впоследствии моя мать сожгла эти журналы. В эти встречи мы с ним беседовали. Я рассказывал ему о том, что мне пришлось пережить, и то, что в обвинении названо "клеветническими измышлениями" были просто факты, пережитые мною лично и наблюдаемые мною в эти годы. О них я уже говорил здесь. И то, что в обвинении названо антисоветской агитацией и пропагандой, было просто изложением моих взглядов и убеждений, которые я и сейчас готов изложить суду, если суд этого потребует.

Во время этих встреч Никитинский много раз говорил мне, что он может пропустить через свой ОКПП кого-нибудь одного, минуя таможенный досмотр и предлагал мне воспользоваться этой возможностью и переправить таким образом материалы за границу или получить их оттуда. Заинтересовавшись такой возможностью, я сказал ему, что если мне удастся найти человека, который согласится привезти мне из-за границы множительный аппарат, то тогда мне, возможно, потребуется его помощь. После этого я разговаривал с несколькими людьми по этому поводу, но не нашел никого, кто согласился бы на это. Никитинский очень охотно взялся мне помочь и в каждую нашу встречу справлялся, когда же мне понадобится его помощь. Такая странная настойчивость насторожила меня. Я подумал, не пытается ли Никитинский спровоцировать меня по заданию КГБ /так как именно этим органам подведомственны те части, в которых служил Никитинский/, - на опрометчивый поступок, и 31 декабря 1970 г. у себя дома, в присутствии моей матери, заявил ему о том, что помощь его мне не потребуется, что план этот слишком рискован, да и нет людей, кото-

рые согласились бы привезти мне множительный аппарат. Никитинский был разочарован моим отказом, убеждал меня, что это дело абсолютно безопасное. Но я категорически отказался. После этого разговора Никитинский резко ко мне охладел и больше мы с ним ни разу не виделись.

В показаниях Никитинского на предварительном следствии есть много неясного. Так, Никитинский утверждает, что, бывая у меня в доме, он слышал от меня и от моих друзей высказывания, глубоко возмущавшие его как члена КПСС и честного коммуниста по убеждениям. Что однажды в моем доме он слышал возмущивший его до глубины души пасквиль, глумление над вождями и с трудом сдерживался, чтобы "не дать в морду" читавшему его, якобы какому-то студенту МГУ. Спрашивается, зачем Никитинский сдерживался? Почему ни разу хотя бы не заявил о том, что наши высказывания его возмущают, что он не согласен с моими взглядами. Почему, вместо всего этого, он выбавлял мне под секретом различные "служебные тайны", например, факт задержания на Шереметьевском аэродроме некоего Михеева, который, якобы, под видом г-на Швейцарии пытался бежать за границу. Не потому ли он так долго сдерживал свою "партийную совесть", что не хотел спугнуть меня, надеясь довести до конца задуманную в КГБ провокацию?

Для чего, наконец, он, по его собственным показаниям, участвовал в разработке со мной и неким мифическим "Сашей" плана нелегального провоза через ОКПП, как он выражается, "подпольной типографии". И даже провел, как он утверждает, какую-то репетицию этого заговора, показав какому-то молодому человеку, как это все можно осуществить.

Никитинский показывает, что 13 октября у меня на квартире в присутствии некоего "Саша", якобы, работника Москонцерта, собирав-

шегося в заграничную командировку и якобы обещавшего привезти оттуда оборудования для типографии, он, Никитинский, обсуждал с нами этот план. Причем, якобы, при нем этот "Саша" нарисовал план расположения служебных входов и выходов аэропорта Шереметьево и ОКПП. Прошу суд обратить внимание на нелепость такого утверждения. Действительно, откуда Саша, якобы, работник Москонцерта, может знать план служебных помещений аэропорта. Ведь логичнее было бы предложить, что этот план известен Никитинскому. В действительности так оно и было. Никитинский в одну из наших встреч принес мне такой план, нарисованный им самим, и он долго валялся у меня дома, пока не затерялся. Еще прошу обратить внимание суда на следующую нелогичность в заявлениях Никитинского.

Он утверждает: "13 октября я окончательно понял, что меня хотят использовать в антисоветском заговоре и решил доложить об этом по команде и написал заявление в КГБ". При этом Никитинский заявляет, что на следующий день он провел какую-то репетицию. Не странно ли? Между тем, его заявление в КГБ, приложенное к делу, датировано 8 февраля 71 г. Что же заставило честного коммуниста почти 4 месяца молчать о готовящемся "антисоветском заговоре" и проводить репетицию этого заговора и что подтолкнуло его к запоздалому сообщению? Возникает предположение, что мой отказ от этого мероприятия послужил поводом к тому, что неудавшегося провокатора решили использовать при случае в качестве свидетеля.

На показаниях этого же свидетеля обвинение основывает тот факт, что я, якобы хранил у себя на квартире 2 номера журнала "Посев" и кого-то с ним ознакомил. Между тем, Никитинский на предварительном следствии этого не показывает. В его показаниях сказано, что я при нем принес эти два журнала к себе на кварти-

ру и через 5 минут унес, причем сам Никитинский "не изъявлял желания с ними познакомиться".

Судья: У вас все по этому эпизоду?

Буковский: Да, все.

Судья: У кого есть вопросы к подсудимому?

Вопросов нет.

Буковский: По эпизоду, связанному с показаниями военнослужащих Бычкова и Тарасова, могу сказать, что в марте 71 г. я действительно был с одним моим знакомым в кафе у Курского вокзала. Официантка посадила нас за столик, за которым уже сидели двое в военной форме, как теперь известно, это были Бычков и Тарасов. Ранее с этими людьми я знаком не был, и после этого больше ни разу не виделся. Действительно, в кафе за столиком у нас завязался разговор. Начался он, как мне помнится, с событий в Польше, т.к. я понял из их разговора, что они были очевидцами этих событий или знали о них со слов своих товарищей. При обсуждении этих событий наши мнения разошлись. Я считаю и сказал им об этом, что вооруженные подавления выступлений представителей народа, борющегося за свои экономические и политические права - недопустимая мера и что наша армия существует не для того, чтобы подавлять народное движение, а для защиты страны от внешних врагов. Они же считали, что как военнослужащие, они обязаны выполнять любой приказ командования, в том числе и стрелять в народ, если таков будет приказ. Мне показалась странной такая готовность стрелять в любого, в кого прикажут, и я спросил их: "Представьте себе, что возникнет такая ситуация, что, например, завтра в нашей стране повысят цены и возникнет народное недовольство, представьте себе, например, что среди демократов вы увидите меня, того, с кем вы сейчас мирно и даже дружески бе-

сидете - и что же? Вы бы стали в меня стрелять?" - "Да"- сказали они. - И убили бы" - спросил я. - "Да, - и убили бы, если бы нам приказали" - сказали они и спросили, "что бы я стал делать на их месте". Я на это ответил, что если бы я оказался в такой ситуации, то на их месте я бы уж, во всяком случае, постарался стрелять выше голов, чтобы ни в кого не попасть. Они спросили меня, почему я считаю, что могу оказаться среди недовольных. Я им ответил на это, что меня уже не раз преследовали за убеждения, рассказал, что обо мне знает западная общественность, что я знаком с некоторыми иностранными корреспондентами.

Они не поверили мне, и тогда я показал им свою записную книжку на той странице, где были записаны телефоны западных корреспондентов. Бычков записал один из них и сказал шутя, что проверит. Я предложил им записать свой телефон и фамилию. Бычков записал. После этого мы расстались и больше не виделись.

Судья: Какие есть вопросы к Буковскому?

Прокурор: Говорили ли вы этим людям, что у нас в стране здоровых людей помещают в психиатрические больницы?

Буковский: Возможно.

Прокурор: Возможно или говорили.

Буковский: Возможно, говорил, не помню точно.

Прокурор: Говорили ли вы им о том, что у нас отсутствует свобода личности?

Буковский: Как я уже говорил здесь, это является моим убеждением и, возможно, что я излагал свои убеждения этим людям. Что же касается того, что я, якобы, утверждал, что в нашей стране существует не тот строй, который нужен, то это уже относится к области эмоциональных обобщений. Возможно, они так поняли.

Но я никогда не возражал против советского строя, как политической формы управления и не мог этого никому говорить.

Прокурор: Для чего же вы дали Бычкову и Тарасову свой телефон и адрес?

Буковский: А для чего люди вообще дают друг другу свои телефоны?

Судья: делает замечание Буковскому: отвечайте на вопрос.

Буковский: Они интересовались, кто я, и я назвалса и дал свой телефон.

Прокурор: С какой целью вы дали Бычкову и Тарасову телефоны иностранных корреспондентов?

Буковский: Я уже объяснил, что в разговоре они не поверили мне, что я знаком с иностранными корреспондентами, и я показал им эти телефоны. Вообще разговор велся в шутиливой форме.

Судья: Есть еще вопросы к подсудимому?

Вопросов нет.

Судья: Подсудимый, переходите к последнему эпизоду обвинения.

Буковский: По поводу этого последнего эпизода могу сказать следующее: 28 марта 1971 г. мне позвонил Чалидзе и просил меня зайти к нему домой. Я пришел. У него на квартире находился гражданин Бельгии Себрехтс Хуго, ранее мне незнакомый. Эта встреча с ним была единственной. Кроме него и Чалидзе, там был еще Вольпин. Между Себрехтсом и Чалидзе состоялась беседа по поводу деятельности "Комитета", а я же был нужен им как переводчик, т.к. Чалидзе не знает ни английского, ни французского языков, а Себрехтс не знал русского. После окончания беседы я ушел. Никаких документов Себрехтсу я не

свидетелей Вольпина и Чалидзе, но суд отказался это сделать.

Судья: Вы все сказали?

Буковский: Да, все.

Судья: Вопросы?

Прокурор: Прошу суд огласить последние показания Себрехтса Хуго на предварительном следствии /т.д. такой-то, л.д. такой-то/.

Судья: оглашает протокол, в котором говорится, что 28 марта 1971 г. на квартире у Чалидзе он, Себрехтс, получил от Буковского в присутствии Чалидзе и Вольпина два машинописных документа: "Хронику текущих событий" № 17 и "Открытое письмо XXIV съезду" П.Якира, причем Буковский просил его в случае обнаружения у него этих документов сказать, что он получил их от неизвестного лица в одном из музеев Москвы.

Судья: У кого еще есть вопросы к подсудимому по этому эпизоду?

Прокурор: Прошу суд обозреть заключение, данное криминалистом почерковедом о том, что документы, найденные у Себрехтса Х., и аналогичные документы, изъятые у Буковского на квартире при обыске, напечатаны на одной и той же пишущей машинке.

Судья: Суд обозрел эти документы.

Перерыв.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ.

Вызывается свидетель Шушпанов В.А.

Судья: Свид.Шушпанов. Вы предупреждаетесь, что по ст.181 УПК РСФСР вы несете ответственность за дачу ложных показаний. Дайте подписку.

Шушпанов расписывается.

Судья: Ваша фамилия, имя и отчество.

Шушпанов: Шушпанов Владимир Александрович.

Судья: Где вы работали во время знакомства с Буковским?

Шушпанов: Сотрудником отдела внешних сношений Московской патриархии.

Судья: Где вы работаете сейчас?

Шушпанов: Преподавателем лексикологии английского языка в вузе.

Судья: Какие у вас отношения с подзудимым?

Шушпанов: Нормальные.

Судья: На предварительном следствии вы давали показания по делу Буковского В.К., расскажите суду, что вам известно по этому делу.

Шушпанов: Я предпочел бы отвечать на вопросы.

Судья: Вы должны сами рассказать суду все, что вам известно, а затем уже вам зададут вопросы.

Шушпанов: Я познакомился с Владимиром Константиновичем следующим образом. Один мой знакомый просил меня достать какую-нибудь работу по переводу с английского языка для заработка. У меня была такая возможность, и этот знакомый просил меня позвонить по телефону Буковскому. Я позвонил, мы с Буковским встретились и я передал ему текст для перевода. Он сделал эту работу довольно хорошо.

Судья: Дальше, продолжайте Шушпанов.

Шушпанов: Это, собственно, все.

Судья: Сколько раз вы встречались с Буковским и где?

Шушпанов: Немного, несколько раз у него на квартире.

Один раз были у его знакомых, фамилии и адреса я не помню.

Судья: О чем вы беседовали с Буковским!

Шушпанов: Я не помню, о чем беседовали, это же было очень давно, почти 3 года прошло.

Прокурор: Ваше знакомство состоялось весной 70 г., так что трех лет не прошло, кроме того, вы давали показания на предварительном следствии в августе 71 г. Потрудитесь вспомнить, о чем говорил вам Буковский во время ваших встреч.

Шушпанов: Ну, он говорил мне, что его помещали в психиатрические больницы за что-то.

Прокурор: Он говорил вам, что к нему и к другим находившимся там применялись бесчеловечные методы воздействия?

Шушпанов: Он говорил, что им там делали уколы каких-то лекарств. Я не помню каких.

Прокурор: А с какой целью делались эти уколы, Вам Буковский не говорил?

Шушпанов: Ну, я думаю, лечили их.

Прокурор: Говорил ли Вам Буковский, что ему не нравится этот строй?

Шушпанов: Он сказал как-то, что он сторонник "сбалансированного общества".

Прокурор: Что это значит, как он вам объяснил?

Шушпанов: Я так понял, что он имел ввиду многопартийную систему.

Прокурор: Просил ли вас Буковский воспользоваться вашей служебной командировкой за границу для приобретения там множительного аппарата?

Шушпанов: Да, кажется разговор был, но как мне помнится, этот разговор возник по моей инициативе.

Судья: Что значит по вашей инициативе? Как проходил разговор?

Шушпанов: Кажется, разговор шел о "самиздате". Я спросил Буковского...неужели материалы печатались только на пишущих машинках/размножается/? Буковский сказал, что да, только на пишущих машинках. Тогда я поинтересовался, почему же не воспользоваться для этого каким-нибудь более совершенным множительным аппаратом, чем-то вроде типографского станка. На это Буковский мне сказал, что такой станок у нас в стране достать нельзя, что только за границей можно купить его свободно. Я спросил, почему же они не переправят для себя станок из-за границы, ведь у них, видимо, есть там связи. Буковский мне ответил: "Я за границу не езжу и у меня такой возможности нет. Это ведь вы ездите за границу, вот и попытайтесь привезти оттуда такой аппарат".

Судья: Значит, разговор так и остался разговором.

Шушпанов: Да.

Прокурор: А что говорил вам Буковский о том, что у нас в СССР отсутствует свобода личности?

Шушпанов: Где, когда мы были у этих его знакомых?

Прокурор: Ну, хотя бы там.

Шушпанов: Сам он мало говорил, больше другие говорили.

Прокурор: Что же именно?

Шушпанов: Ну, я так понял, что они в общем недовольны, протестуют что ли.

Прокурор: Скажите, Шушпанов, а сами вы в период знакомства с Буковским разделяли его антисоветские взгляды?

Шушпанов: Да, разделял.

Прокурор: Вы собирались писать антисоветский роман?

Шушпанов: Да, собирался.

Прокурор: Обещал ли вам Буковский помочь переправить этот роман за границу?

Шушпанов: Буковский говорил, что если я буду распространять этот роман, то он рано или поздно, даже независимо от моего желания, попадет за границу.

Прокурор: Давал ли вам Буковский какие-нибудь материалы для ознакомления?

Шушпанов: Он давал мне, по моей просьбе, для прочтения произведения Солженицына "Раковый корпус" и "В круге первом".

Судья: Где были изданы эти книги?

Шушпанов: Кажется издательством "Посев".

Судья: У кого есть вопросы к свидетелю?

Вопросов нет.

Судья: Свидетель Шушпанов вы можете быть свободны.

Вызывается свидетель Никитинский А.Э.

Судья: предупреждает свидетеля об ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 УПК РСФСР. Свидетель дает расписку.

Судья: Свидетель назовите суду ваше имя, отчество и место работы.

Ник. Никитинский Арнольд Эдуардович, работаю на отдельном контрольно-пропускном пункте Шереметьевского аэродрома.

Судья: Какие у вас отношения с подсудимым?

Ник. Я думаю, что нормальные.

Судья: Расскажите, что вам известно по делу.

Ник. Мы с Буковским знакомы с 8 класса школы. Он перешел к нам из другой школы. Буковский с первых дней в нашей школе

показал себя как очень способный, начитанный парень, очень хороший товарищ, все сразу потянулись к нему, полюбили его. Он всегда был готов помочь товарищам. В частности, мне трудно давался английский и Буковский помог мне найти репетитора. Когда я потерял библиотечные книги, Буковский тут же достал книги из своей личной библиотеки и дал мне. Я бывал у него дома не раз. Он всегда был гостеприимным со всеми, угощал чаем. В школе в 10 классе Буковский с другими ребятами выпустил журнал под названием "Мученик". Половина этого журнала была посвящена школьной тематике, а другая половина: ... /затрудняется объяснить/. Ну, что ли недовольство какое-то выражал. Школьный комсомол осудил этот журнал. Буковского исключили из школы, и я с ним с тех пор не виделся много лет. Снова мы встретились в 70 г. зимой или весной на улице около его дома. Он пригласил меня зайти. Мы разговорились. Он сказал, что его помещали в псих.больницы, хотя он здоров, что его арестовывали. Вообще рассказывал о себе. После этого я бывал у него, он всегда очень хорошо меня принимал, мы играли с ним в шахматы, пили кофе, разговаривали. Буковский, узнав, что я работаю на ОКПП Шереметьевского аэродрома, просил меня устроить так, чтобы незаметно провести кого-то, кто привезет ему из-за границы портативную типографию. Я думал, что это шутка, не верил ему, что он на самом деле собирается это сделать. В доме у Буковского бывало много людей. Они приходили, что-то ему показывали, он что-то поправлял, и они уходили. Я так понял, что он у них что-то вроде корректора. Один раз пришел какой-то студент МГУ и читал при мне пасквиль, в котором описывается, как какой-то бродяга издевается над нашими вождями и В.И.Лениным. Мне было очень неприятно это

слышать, я понял, что нахожусь среди людей, мне враждебных. Потом однажды Буковский познакомил меня с каким-то "Сашей", работником Москонцерта. Он сказал, что Саша едет за границу и привезет оттуда типографию, и я должен буду ему помочь миновать таможенный досмотр. При мне этот Саша нарисовал план аэропорта, расположение служебных выходов и ОКПП. Я понял, что меня затягивают в опасный разговор и решил сообщить об этом куда следует. На следующий день от Буковского в аэропорт приехал какой-то молодой человек, с которым я устроил репетицию, т.е, показал ему, как пройти через служебный вход и провел его по аэропорту.

Судья: Это все?

Ник.: Кажется, все.

Судья: Вопросы к свидетелю?

Прокурор: Говорил ли вам Буковский, что у нас в стране здоровых людей помещают в псих.больницы за их убеждения?

Ник.: Да, он говорил, что его несколько раз помещали в псих. больницы, хотя он здоров.

Прокурор: Какие еще антисоветские высказывания вы слышали от Буковского?

Ник.: Там много говорили.

Прокурор: А сам Буковский что говорил?

Ник.: Сам он больше молчал, другие говорили.

Судья: Есть еще вопросы к свидетелю?

Адвокат: Скажите, Ник., когда вы виделись с Буковским последний раз?

Ник.: 31 декабря 71 г., я это помню, потому что в квартире в это время елку устанавливали.

Адвокат: Заявлял ли вам Буковский в эту встречу о своем

отказе от плана, о котором вы здесь говорили?

Ник.: Нет, не заявлял.

Адвокат: У меня больше нет вопросов.

Судья: Подсудимый Буковский, у вас есть вопросы к свидетелю?

Буковский: Да, есть. /Обращается к Никитинскому/.

Ты утверждаешь, что у меня на квартире неоднократно слышал антисоветские высказывания, которые тебе были неприятны, возмутили тебя и ты с трудом сдерживался, чтобы не нагрубить. Ты понимал, что находишься среди враждебных людей и все-таки продолжал ходить ко мне. Почему ты ни разу не высказал мне своего мнения? Почему не сказал мне, что ты, как честный коммунист, не одобряешь моих высказываний и моих действий и возмущен ими? Почему ты молчал? Для чего сдерживался?

Ник.: Молчит.

Судья: Никитинский, ответьте на вопрос.

Ник.: Ну, я говорил ему: Володя, брось это, стену лбом не прошибешь.

/Смех в зале/.

Буковский: Какие именно антисоветские высказывания ты слышал лично от меня?

Ник.: Точно я не помню.

Прокурор: На предварительном следствии вы показывали, что Буковский говорил вам об ущемлении прав граждан в нашей стране, об отсутствии свободы личности. Так ли это?

Ник.: Да, что-то говорил, что нет свободы слова, свободы печати. Но мне ведь это говорить бесполезно, я же коммунист. Это же все мышиная возня.

/Смех в зале/.

Судья: делает замечание адвокату Швейскому: "В судебном заседании улыбки неуместны!"

Адвокат: Я не улыбаюсь, вам показалось. Я считаю, что в том, что говорит свидетель, нет поводов для улыбок.

Судья: Вот именно. Еще есть вопросы к свидетелю?

Буковский: Скажи, говорил ли я тебе, что отказываюсь от плана провоза портативной типографии, так как он мне кажется рискованным и, кроме того, я не нашел человека, который был бы согласен провезти такой аппарат из-за границы?

Ник.: Да, ты говорил, что нет человека. Пока нет, я так понял.

Буковский: Скажи, почему ты, поняв 13 октября 70 г., что готовится антисоветский заговор, сразу же не сообщил об этом по команде, а вместо этого, как ты утверждаешь, еще проводил какую-то репетицию?

Ник.: Я не верил, что это серьезно. Я был как во сне, мне казалось, что это шутка.

Буковский: Что же такое произошло за время, которое прошло с этой нашей встречи 13 окт. 70 г. и до 8 февраля, т.е. почти что четыре месяца, когда ты решил, наконец, сообщить обо всем? Когда ты понял, что это не шутка?

Ник.: Меня ужаснул тот пасквиль, который я слышал в твоём доме. Я как бы прозрел.

Буковский: Когда же это случилось? Ведь по твоим утверждениям, мы с тобой последний раз виделись 31 декабря 70 г.

Ник.: Я не помню.

Буковский: Скажи, с какой целью ты приносил ко мне в дом различные иностранные журналы?

Ник.: Я не приносил. Я не имел такой возможности.

Буковский: Почему ты принес мне вырезку из газеты "Вашингтон пост" со статьей и с моим портретом?

Ник.: Я не приносил.

Буковский: С какой целью ты рассказывал мне о событиях на советско-китайской границе?

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Буковский: С какой целью ты принес мне русско-китайский разговорник "для служебного пользования"?

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Буковский: С какой целью ты рассказал мне о задержании в аэропорту Шереметьево гр. Михеева, который...

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Буковский: При каких обстоятельствах ты видел у меня в доме журналы "Посев"?

Ник.: Однажды я был у тебя. Ты попросил меня подождать, а сам ушел из дома. В твое отсутствие пришел тот самый Саша. Я открыл ему дверь. Потом пришел ты и принес два журнала.

Буковский: Какие это были журналы?

Ник.: Там был гриф "Посев".

Буковский: Издательство "Посев" издает всевозможные издания. Это были журналы под названием "Посев"?

Ник.: Я точно не знаю. Ты говорил что-то про "Посев."

Судья: Буковский давал вам эти журналы для ознакомления?

Ник.: Я этим не интересуюсь, я не изъявлял желания с ними знакомиться.

Буковский: Что дальше было с этими журналами?

Ник.: По-моему ты их отдал Саше.

Буковский: Значит, их унес Сама?

Ник.: Этого я не знаю.

Буковский: На следствии ты говорил, что я сам же их и унес из дома через пять минут.

Ник.: Я теперь не помню, как было дело.

Буковский: Скажи, какому ведомству ты подчиняешься непосредственно? КГБ?

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Адвокат: У меня есть вопрос. Скажите, Никитинский, свое заявление от 8 февраля вы писали сами?

Ник.: Да, сам.

Адвокат: Где вы его писали?

Ник.: Где? Не дома.

Адвокат: Я спрашиваю, где вы его писали?

Ник.: Я не помню, где я писал.

Адвокат: Тогда скажите, вы пришли туда, куда подали это заявление, уже с написанным заявлением или вы его там написали?

Ник.: Пришел уже с написанным заявлением.

Адвокат: Тогда ответьте мне, знаете ли вы, в чем заключается ст.180 УК РСФСР?

Ник.: Не понимаю.

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Адвокат: Я хочу объяснить, почему я задал этот вопрос свидетелю Никитинскому. Никитинский утверждает, что он сам написал свое заявление, а в нем есть ссылка на ст.180 УК. Я хочу выяснить, знает ли он содержание этой статьи.

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Больше вопросов нет.

Судья: Свидетель Никитинский вы свободны.

Вызывается свидетель Бычков.

Судья: предупреждает об ответственности по ст.181, УК.

Бычков дает подписку. Его спрашивают о месте работы.

Бычков: Служу в армии.

Судья: Расскажите, что вам известно по делу.

Бычков: В марте 71 г. мы с Тарасовым были в кафе на Курском вокзале. Мы собирались ехать в отпуск домой к Тарасову и ждали поезда. Официантка посадила к нам за столик двоих незнакомых людей.

Судья: Вы узнаете в подсудимом одного из них?

Бычков: Да, это он.

Судья: Какие у вас с ним отношения? Нормальные или плохие?

Бычков: Нормальные.

Судья: Продолжайте.

Бычков: Товарищ Буковского пошел танцевать. Тарасов тоже танцевал первое время, а у нас с Буковским завязался разговор.

Судья: О чем вы говорили?

Бычков: Буковский говорил, что у нас в стране нет свободы слова и свободы печати. Что он сидел в псих.больницах за свои убеждения. Говорил, что к XXIУ съезду он собирается организовать демонстрацию и чтобы, если мы там будем и нам прикажут стрелять в демонстрантов, то чтобы мы не стреляли. Еще Буковский говорил, что он знаком с иностранными корреспондентами, показал мне записную книжку, где были записаны их телефоны. Я записал один телефон - корреспондента Астрахана. Буковский также дал нам свой телефон и адрес.

Судья: Для чего Буковский дал вам свой телефон и телефоны корреспондентов?

Бычков: Он сказал, что если у нас будет какая-нибудь информация, мы можем ее сообщить по этим телефонам.

Судья: У кого есть вопросы к свидетелям?

Прокурор: Говорил ли вам Буковский, что у нас в стране не тот строй, который нужен советскому народу?

Бычков: Да, говорил.

Судья: Еще вопросы к свидетелю?

Буковский: Свидетель Бычков, припомните наш разговор. Вы уверены, что у нас с вами был разговор о XXIУ съезде, а не о Польше?

Бычков: Да, уверен.

Больше ни у кого вопросов нет. Бычкова просят пока остаться в зале.

Вызывается свидетель Тарасов.

Судья -предупреждает его об ответственности по ст.181 УК. Тарасов дает подписку. Судья спрашивает его о месте работы.

Тарасов: Служу в армии.

Судья: Отношения с подсудимым нормальные?

Тарасов: Да.

Судья: Расскажите, что вам известно по делу.

Тарасов: В марта 71 г. в кафе у Курского вокзала был с Бычковым, ехали в отпуск, ждали поезда. Официантка посадила за наш столик Буковского и его товарища. Разговорились. Начала разговора я не слышал, т.к. танцевал. Когда вернулся за столик, разговор уже начался. Буковский говорил что-то об иностранных корреспондентах, что он с ними знаком и показывал телефоны. Бычков записал один из этих телефонов, а также телефон Буковского. Буковский говорил, что его сажали в псих.больницы за протест про-

тив того, что у нас нет свободы слова. Вот и все.

Судья: Говорил ли вам Буковский о том, что в нашей стране не тот строй, который нужен советскому народу?

Тарасов: Кажется, так он выразился.

Прокурор: Еще что Буковский вам говорил?

Тарасов: Не помню.

Судья: Что говорил вам Буковский о XXIУ съезде?

Тарасов: Он говорил, что его, наверно, посадят к съезду в тюрьму.

Судья: Свидетель Бычков, повторите, что вы сказали об этом суду.

Бычков: Повторяет о демонстрации, о том, чтобы не стрелять.

Судья: Тарасов, вы подтверждаете, что Буковский это говорил?

Тарасов: Этого я не помню. Он говорил, что к XXIУ съезду его посадят. Это я помню.

Вопросов больше нет. Свидетели свободны.

Объявляется перерыв. После перерыва вызывается в качестве свидетеля Буковская Нина Ивановна.

Судья: Свидетель Буковская, вы предупреждаетесь, что по ст. 181 УК РСФСР вы несете ответственность за дачу ложных показаний. Дайте подписку, что будете говорить правду.

/Буковская подписывается/.

Судья: Свидетель Буковская, кем вам приходится подсудимый?

Буковская: Он мой родной сын.

Судья: Какие у вас с ним отношения?

Буковская: Хорошие, хотя сын и не посвящал меня в свои дела.

Судья: Скажите, когда Буковский окончил школу?

Буковская: В 1959 году.

Судья: Как он учился?

Буковская: Хорошо учился, он очень способный.

Судья: Что он делал после школы?

Буковская: Один год учился в университете, потом работал.

Судья: Где он работал? Последний год?

Буковская: У писательницы Баумволь - литературным секретарем, летом ездил в геологическую экспедицию, потом работал литературным секретарем у другого писателя - Максимова.

Судья: Есть у вашего сына какая-нибудь специальность?

Буковская: Нет, специальности он не успел приобрести.

Судья: Какая у него была зарплата, когда он работал литературным секретарем?

Буковская: Маленькая: 50 рублей в месяц.

Судья: Пытался ли он устроиться на другую работу?

Буковская: Да, пытался, но его куда не брали, так как он вернулся из мест заключения.

Прокурор: Скажите, Буковская, вы получали денежные переводы в сертификатных рублях из Осло и Рима?

Буковская: А разве это относится к делу моего сына?

Судья: Свидетели не имеют права задавать вопросы.

Адвокат: Я протестую. Это не относится к делу моего подзащитного.

Буковский: Это возмутительно! Это же не имеет никакого отношения к моему делу!

Судья: Буковский, ведите себя спокойно, не срывайтесь!

/Обращаясь к свидетелю/: - Да, это имеет отношение к делу.

Продолжайте отвечать.

Буковская: Да, я получила эти переводы. Они были присланы мне в 1969 г., когда мой сын отбывал срок наказания в исправительно-трудовом лагере. Люди узнали из газет о моем горе и прислали мне небольшие суммы с очень хорошими теплыми письмами. Эти письма у меня целы до сих пор.

Судья: Вы что, два года не получали этих денег?

Буковская: Да, я два года их не получала, они лежали в банке. И только в этом году, когда меня выгнали с работы из-за сына и я перешла на пенсию, я эти деньги взяла.

Прокурор: Сколько вы всего получили денег в сертификатных рублях, какую сумму?

Буковская: Я точно не помню, что-то около 100 рублей.

Прокурор: Вот официальная справка из Внешторгбанка СССР: Буковской было выплачено в сертификатных рублях 101 рубль. Прошу приобщить справку к делу. /Отдает справку судье/.

Буковская: Скажите, в справке сказано, что переводы присланы в 1969 г.?

Судья: Да, указано.

Адвокат: Скажите, свидетельница, вы знаете некоего Никитинского, офицера пограничных войск?

Буковская: Конечно, знаю: это школьный товарищ моего сына.

Адвокат: Бывал ли он у вас дома?

Буковская: Да, бывал.

Адвокат: Не слышали ли вы когда-нибудь разговор вашего сына с Никитинским о вывозе из-за границы подпольной типографии?

Буковская: Да, слышала. Помню, это было в конце декабря прошлого года, накануне нового 1971 г. Мы как раз наряжали елку дома, тут была и моя дочь. Пришел Никитинский.

Судья: Вы были в одной комнате с сыном и Никитинским?

Буковская: Да, я входила в комнату, наряжала елку, выходила в соседнюю комнату, опять возвращалась и слышала разговор.

Адвокат: Какой разговор вы слышали?

Буковская: Я слышала, как Никитинский усиленно уговаривал моего сына вывезти из-за рубежа оборудование для подпольной типографии, обещал свою помощь, говорил, что работает в отделе таможенного досмотра на Шереметьевском аэродроме и сможет помочь пронести это оборудование. Я слышала также, что мой сын очень энергично отказывался как от помощи Никитинского, так и от самой идеи ввоза и организации типографии.

Буковский: Скажи, пожалуйста, что ты сделала с журналами "Плей-бой", которые мне принес Никитинский, которые лежали у меня в секретере, когда я уезжал в экспедицию?

Буковская: Да, помню: Никитинский принес к нам в дом гадость - кипу журналов "Плей-бой", которые были заполнены фотграфиями голых женщин и скабрёзными рисунками. Но мой сын не любит подобную литературу, я - тем более. Кроме того, такие фото и рисунки считаются у нас порнографией и за это судят. Я эти журналы сожгла.

Буковский: Скажи, пожалуйста, обращалась ли ты в какие-нибудь инстанции в 1966 году, когда меня 8 месяцев без всякого суда и следствия и предъявления какого-либо обвинения, а также вопреки медицинским показаниям держали в психиатрических больницах, переводя из одной в другую?

Буковская: Я это хорошо помню. Я обращалась тогда во многие инстанции. Прежде всего, к прокурору г.Москвы по надзору за действиями органов госбезопасности - Фунтову. Он мне ответил: "Пусть посидит". Обращалась к генералу Светличному, тогдашнему начальнику УКГБ по Москве и области. Он тоже ответил: "Пусть юсидит". Три раза я писала об этом письма в ЦК КПСС, и после третьего письма тебя выпустили.

Буковский: Помнишь ли ты случай, когда я на улице представил тебе работника КГБ, который преследовал меня и угрожал служебным пистолетом?

Буковская: Помню, конечно. До революции этих людей называли "шпиками", не знаю, как они называются сейчас. Этот человек шел по пятам за моим сыном, и сын представил его мне, сказав, что он в троллейбусе и на улице уже много времени преследует его и угрожает служебным пистолетом.

Судья: И этот человек не отрицал заявления вашего сына?

Буковская: Нет, не отрицал, и я объяснила ему, что он превышает свои служебные полномочия и не имеет права угрожать моему сыну оружием.

Судья: Достаточно, Буковская. Вы свободны, можете садиться.

Адвокат: Прошу суд вернуться к обсуждению вопроса о вызове свидетелей Д.Пайперта и А.Уоллера. Я прошу вызвать этих свидетелей.

Судья: Суд считает, что эти свидетели не имеют отношения к делу. Кроме того, судебное разбирательство закончено.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА А. БОБРУШКО

Закончилось судебное разбирательство по делу подсудимого Буковского Владимира Константиновича, 1942 г. рождения, русского. Деяния подсудимого Буковского обвинение классифицирует как преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 70 ч.1 УК РСФСР. Но, прежде всего, я позволю себе охарактеризовать ту обстановку, которая сложилась на мировой арене в настоящее время, когда происходит этот судебный процесс.

Бурный рост материальных и духовных сил Советского Союза и других социалистических стран, успехи мирового коммунистического и рабочего движения привели к небывалому распространению по нашей планете великих идей коммунизма. Нет силы, которая могла бы сдержать их революционизирующее влияние на судьбы человечества.

Ход мирового революционного процесса вызывает глубокую тревогу империалистической реакции, и она использует все средства борьбы против сил социального и национального освобождения, против мира социализма. Созидательный труд советских людей, трудящихся братских социалистических стран служит вдохновляющим примером для народов всех континентов. Буржуазная пропаганда ведет ожесточенную борьбу против идей социализма, стремясь прежде всего опорочить советский строй, оклеветать исторические достижения нашего народа. Одна кампания клеветы сменяет другую, одни критики и "оракулы" сменяют других, но неизменной остается сущность антикоммунизма как главного направления политики и идеологии империалистической реакции. Сейчас налицо очередной тур нагнетания антисоветизма.

При этом господа империалисты и их прислужники не гнушаются никакими приемами - от измышлений об "агрессивности коммунизма" и "советской военной угрозе", сочинения небывлиц об "отсутствии свободы", о "преследованиях евреев" в Советском Союзе и тому подобного вздора до самых наглых и ценичных подрывных действий, в клубке которых смешались агенты империалистических разведок, маститые профессора дезинформации и продажные писаки из буржуазной прессы.

Но как бы не усердствовали господа антисоветчики, достижение цели, которую они преследуют, - подорвать веру народов в идеи социализма и коммунизма, - им не под силу, она неосуществима. И отнюдь не случайно в самом стане реакции все чаще раздаются голоса, признающие провалы антикоммунистической пропаганды. Американский еженедельник "Тайм" цедит сквозь зубы: "Марксизм - это треть человечества... Притягательность марксистского видения мира будет сохраняться до тех пор, пока современное, буржуазное общество не найдет более эффективные, чем до сих пор, средства объяснить массам свою сущность и свое направление!"

В поисках этих "эффективных средств" современный империализм использует колоссальный пропагандистский аппарат, на содержание которого не жалеет никаких расходов. Печать, радио, телевидение, так называемые "исследовательские институты", пропагандистские ведомства и специальные службы денно и ночно распространяют яд антикоммунизма, антисоветизма на всех меридианах, пытаются отравить умы людей.

В последнее время наблюдается активизация дезинформационной клеветнической деятельности западных центров идеологической диверсии, перед которыми поставлена задача всячески компрометиро-

вать советскую действительность, извращать внешнюю и внутреннюю политику СССР, клеветать на советский народ и КПСС. Даже обозреватель газеты "Нью-Йорк таймс" Солсбери, которого трудно заподозрить в симпатиях к СССР, касаясь опубликованных в последнее время в американской прессе "уток" о советской действительности, фактически признает, что эти дезинформационные материалы состряпаны в одном из западных центров антисоветских фальшивок.

Клевета на мир социализма, империалистическая пропаганда в то же время изо всех сил старается прикрыть эксплуататорскую антинародную сущность буржуазного строя. Идеологи империализма сознают, что на фоне достижений мирового революционного содружества рухнет размалеванный "образ свободного мира", катится под гору престиж капиталистических держав.

Чем могут прикрыть апологеты империализма этот линчеванный, расстрелянный "образ свободного мира"? Не имея за душой никаких положительных идеалов, никаких конструктивных программ, они - подобно тому, как утопающий хватается за соломинку, - цепляются за отравленное оружие антикоммунизма. Активизация антикоммунистической, и в первую очередь антисоветской, пропаганды явно нацелена на то, чтобы омрачить и отуманить сознание встревоженной общественности стран Запада, попытаться оттолкнуть ее от притягательных идей прогресса и свободы, заставить смириться со свинцовыми мерзостями империализма.

Таковы цели наших идейных врагов. Каковы же их средства?

Целые группы псевдоученых "советологов" сочиняют "труды", начиненные "схемами" и "моделями" уничтожения социализма.

В подмогу им мобилизована пропагандистская челядь империализма. В тесном сотрудничестве с разведками она упорно ищет в нашей стране пищу для клеветы на социалистический строй. Задача неблаго-

дарная и явно непосильная. Империализму, всем его проискам противостоит монолитный советский народ, гордый своими завоеваниями, своим единством и уверенностью в торжество высоких идеалов, которые он отстаивает. Врагам советского народа остается одно: рыться в отбросах, искать добычу среди разложившихся одиночек, готовых продать все и вся за чужестранную чечевичную похлебку.

Один из боссов американской пропаганды - председатель "комитета политической информации" генерал Джексон как-то с циничной откровенностью поведал, к каким "источникам" прибегают антикоммунисты: "В идеологической борьбе с коммунизмом нам нужна не правда, а подрывные действия: в такой войне потребуются все головорезы и ганстеры, которых мы можем заполучить тем или иным способом". Как видно, дела у противников коммунизма оказались в столь плачевном состоянии, что им для выискивания антисоветчины приходится прибегать к услугам преступных элементов, разного рода отщепенцев, тунеядцев, проходимцев и жуликов и даже лиц, представляющих интерес только для психиатра.

За неимением подходящего "материала" западная пропаганда долго мусолила имена Тарсиса и ему подобных, выдавая их бездарную антисоветскую пачкотню за "шедевры русской литературы". Не получив признания на родине, эти злопыхатели с готовностью переправили свою клевету на советский народ в капиталистические страны, где ее и печатали.

Английская реакционная пресса пыталась создать "сенсацию" вокруг появления в Лондоне графомана Тарсиса, человека душевнобольного. "Советологи" горячо рекомендовали его английской публике, как "преследуемого советского писателя". Очень скоро сенсация заглохла, так как после двух бредовых выступлений Тарсиса по телевидению и в печати его покровители со смущением

признали, что перед ними не писатель, а кандидат в психиатрическую больницу. Англичане немедленно, без шума переправили его в Соединенные Штаты...

От профессиональных антикоммунистов их хозяева требуют непрерывно поступающего сырья для изготовления дезинформации. И вот уже не первый год читателям ряда западных газет и журналов пытаются внушить, будто "в научных и литературных кругах" Москвы существуют некие "бунтующие интеллектуалы", которые к тому же выступают как "достоверные источники" систематически информирующие некоторых зарубежных корреспондентов о советской действительности. Корреспонденции из Москвы, регулярно публикуемые в газетах, подобных "Вашингтон пост" часто сопровождаются ссылками на эти "источники". Неискушенному читателю невдомек, что под личиной "ученых и литераторов, не согласных с системой", скрываются продажные недоросли.

Взять, к примеру, некоего А.Амальрика, которого "Вашингтон пост" величает "историком" и автором "захватывающих, блестящих" творений. На деле же он причастен не столько к истории, сколько к скандальным уголовным историям. В 1961 г. он был отчислен из Московского университета за прогулы и неуспеваемость. На этом "ученая карьера" Амальрика окончилась: ни учиться, ни работать он не хотел. Начав с распродажи папиной библиотеки, он вскоре стал законченным тунеядцем. Ему пришлось познакомиться с органами советского правосудия и совершить, по его словам, "недобровольное путешествие". Вернувшись в Москву, Амальрик решил начать зарабатывать на жизнь... в корреспондентских пунктах некоторых западных изданий. Чуть ли не каждый день Амальрик обивал пороги иностранных корпунктов, подсовывая их хозяевам грязные слухи и

сплетни; из них потом лепились "достоверные корреспонденции".

Отщепенцев, клячащих виски и сигареты в обмен на грязные выдумки, - жалкая горстка. Это вынуждены признавать сами благодетели. Так, корреспондент AP Холджер Дженсен отмечает: таких - "крошечное меньшинство". Бывший корреспондент "Нью-Йорк таймс" в Москве Генри Камм признает, что каждому из отщепенцев противостоят сотни тысяч преданных советских патриотов. И тем не менее изо дня в день тысячеустая империалистическая пропаганда держит в фокусе зрения не большую и удивительную жизнь великого народа, а ничтожную горстку продажных шкур. Что ж, в этом своя логика. Склонность к фабрикации фальшивок и подделок, пристрастие к отбросам общества давно уже стали второй натурой воинствующих антикоммунистов.

Терпя фиаско с подобного рода проходимцами и шизофрениками, глашатаи антикоммунизма решили прибегнуть к провокации масштабом покрупней и поднять шумиху вокруг имени А. Солженицына с его молчаливого согласия. Пасквили А. Солженицына на советский народ, очерняющие подвиги и достижения нашей Родины, достоинство советских людей, оказались подходящим материалом для раздуваемой на Западе очередной антисоветской кампании.

Духовный внутренний эмигрант, чуждый и враждебный всей жизни советского народа, Солженицын был возведен империалистической пропагандой в сан "великого" русского писателя, а недавно он награжден Нобелевской премией. Нобелевский комитет пошел на поводу у антисоциалистических спекулянтов, которые подняли Солженицына не за "талант", а только за то, что он чернил советскую действительность.

Фальшивки, ползающие инсинуации одиночек-отщепенцев - таково

пропагандистское оружие, которое используют наши идеологические противники.

Сегодня перед судом предстал еще один клеветник и ярый анти-советчик - Буковский. Западные покровители пытаются представить Буковского в качестве авторитета по советской жизни. Но в реальной жизни этот нагловатый молодой человек авторитетно знает только подворотни домов, где живут западные корреспонденты в Москве. Недоучка, исключенный из университета за неуспеваемость, он числился работающим, но работа у него одна - слоняться по квартирам иностранных корреспондентов, торговать антисоветским вздором в обмен на дешевые подарочки.

Стремясь выслужиться перед своими западными покровителями, Буковский изобретает клеветническую версию о том, что у нас в Советском Союзе представителей интеллигенции за их "демократические" взгляды без всякого суда направляют в психиатрические больницы, где к ним применяются бесчеловечные меры воздействия. С целью распространения этих антисоветских измышлений Буковский дает, как он сам признался суду, интервью руководителю московского бюро телевизионной компании Си-Би-Эс Вильяму Коулу, который в настоящее время выдворен из пределов нашей страны за деятельность, несовместимую со званием журналиста, а также корреспонденту АП Холгеру Дженсену.

Далее, как и предполагалось заранее, клевету подхватили зарубежные газеты антисоветского толка, такие как "Вашингтон пост", "Дейли ньюс" и др., а также славящиеся своим оголтелым антикоммунизмом радиостанции "Свобода", "Би-Би-Си", "Голос Америки". Суд обозрел находящиеся в деле комментарии к выступлениям Буковского, содержащихся в этих газетах и радиопередачах этих радиостанций. О ком же в действительности идет речь в этих интервью

и комментариях к ним? Речь идет о лицах, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или заболевших в период следствия или суда душевной болезнью, лишающей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях. В соответствии с существующими законами такие лица на основании заключения компетентной судебно-психиатрической экспертизы и по определению суда подлежат направлению на лечение в психиатрическую больницу общего или специального типа.

Недоучка, абсолютно несведущий в медицине, Буковский даже не замечает, в какое нелепое положение себя ставит - ведь он берется поучать и опровергать медиков-специалистов, представителей советской психиатрической школы, завоевавшей уважение и признание во всем мире. Известный советский ученый, директор института психиатрии АМН СССР, академик А.В.Снежневский в беседе с корреспондентом "Известий" К.Брянцевым сказал: "Советскую психиатрию всегда отличали высокий гуманизм, стремление помочь больному, не чувствовать себя вне общества. Поэтому абсурдные сообщения о том, что в СССР помещают здоровых людей в психиатрические больницы - это дикий вымысел, который не может не вызвать чувства глубокого негодования."

В ходе судебного разбирательства со всей возможной тщательностью были изучены все эпизоды обвинительного заключения предварительного следствия. Суду были представлены неопровержимые доказательства виновности подсудимого Буковского по всем пунктам обвинения.

Прошу суд обратить внимание на личность подсудимого. Буковский ранее судим по ст.190³ УК РСФСР. После отбывания наказания /трех лет/ он продолжал свою антисоветскую деятельность, систематически распространял клеветнические материалы, порочащие

советский государственный и общественный строй, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны органов прокуратуры.

Прошу суд также обратить внимание и на то, кто способствовал совершению преступления. Это мать подсудимого, Буковская Нина Ивановна. Это она создала у себя в доме обстановку, благоприятную для приема иностранных корреспондентов, поощряя преступную деятельность сына. За это Буковская получила от западных хозяев своего сына 100 рублей в сертификатных рублях. 100 рублей - вот в какую сумму оценили западные антисоветчики своего ретивого помощника.

На следствии Буковский вел себя вызывающе, отказывался сотрудничать со следствием. Учитывая все вышесказанное, я прошу суд определить Буковскому меру наказания, предусмотренного ст.70 ч.1 УК РСФСР - лишение свободы сроком на 7 лет с отбыванием в исправительно-трудовом лагере строгого режима, с отбыванием первых двух лет в тюрьме с последующей ссылкой сроком на 5 лет.

РЕЧЬ АДВОКАТА В. Я. ШВЕЙСКОГО

В начале своей речи адвокат В.Я. Швейский обратил внимание на ст. 2 УПК РСФСР, которая, в частности, гласит, что ни один невиновный не может быть осужден и подвергнут наказанию. Адвокат отметил, что ст. 70 УК РСФСР, по которой судят Буковского, может быть применена только при условии, если он ставил своей целью подрыв или ослабление советской власти.

- Я оспариваю, - заявил адвокат Швейский, - что Владимир Буковский преследовал именно эту цель. Но прежде чем изложить свои доводы, я считаю нужным обратить внимание на одно важное противоречие в самих обвинительных материалах. Как видно из материалов дела, Буковский еще в 1963 г. был помещен в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу. Ему был поставлен диагноз "психопатия паранойяльного типа". Правда, никакого лечения психотронными средствами, как видно из заключения экспертов, Буковскому не проводилось. Но если исходить из того, что в этот период он был действительно психически болен, то ведь все, что он теперь рассказывает о своих впечатлениях за время нахождения в спецпсихбольнице - это впечатления, полученные им во время болезненного состояния и сохранившееся с тех пор в его сознании. Поэтому, если обвинение считает, что Буковский во время нахождения в больнице был психически больным человеком, то все, что он рассказывает о положении в психиатрических больницах, следует объяснить не его стремлением подорвать или ослабить советскую власть, а как последствия неправильного восприятия им фактов, которые он наблюдал в то время. Поэтому позиция обвинения в этом вопросе является явно непоследовательной. Я говорю об этом лишь для того, - пояснил Швейский, - чтобы показать противоречивость

позиции самого обвинения. По мнению защиты обвинение не привело убедительных доказательств, подтверждающих, что Буковский стремился подорвать или ослабить советскую власть. В телеинтервью, которое Буковский дал Коулу, и в беседе с американским корреспондентом Дженсеном Буковский рассказал о фактах, которые он, по его утверждению, наблюдал за время нахождения в Ленинградской спец. психбольнице. С целью проверки этих фактов Буковский ходатайствовал о вызове ряда свидетелей, но ему в этом вами было отказано. Никаких же высказываний о советском строе, о политических и экономических основах советской власти, которые можно было бы рассматривать как стремление подорвать или ослабить советскую власть - в этих интервью и беседе не содержится.

Не было таких высказываний со стороны Буковского и в беседах с Никитинским и Шушпановым. Так, свидетель Шушпанов не подтвердил, что Буковский проводил с ним антисоветскую агитацию и пропаганду или обещал ему помощь в переправке за границу его антисоветского романа. Он показал также, что инкриминируемый Буковскому разговор о множительном аппарате возник по его, Шушпанова, инициативе и так и остался только одним разговором.

Обвинение в намерении организовать подпольную типографию нельзя считать доказанным, т.к. нет никаких доказательств того, что Буковский собирался распространять материалы антисоветского клеветнического содержания.

Показания же Бычкова и Тарасова, в частности, инкриминируемая Буковскому фраза "В СССР существует не тот строй, который нужен советскому народу", - я полагаю, надо отнести к области личных обобщений собеседников Буковского, не вытекающих из заявления самого Буковского этим свидетелям.

Подтверждением того, что на их показаниях сказались особенности их индивидуального восприятия, служит то разноречие в их показаниях, на которое, конечно, суд обратил внимание.

Адвокат заявил далее, что считает недоказанным и обвинение Буковского в передаче им материалов Себрехтсу. Сам Буковский это категорически отрицает. В.Чалидзе и А.Вольпин, в присутствии которых, якобы, происходила передача этих материалов, следствием не допрошены, - сказал Швейский. В ходатайстве Буковского об их вызове в суд вами также отказано. Поэтому данный эпизод по существу не проверен. Все это приводит меня к убеждению, - заявил в заключении адвокат Швейский, - что судом не установлены доказательства, которые говорят о том, что Буковский действительно хотел подорвать или ослабить советский строй. При таком условии Буковский не может нести уголовную ответственность по ст.70 УК РСФСР. Поэтому я прошу вынести ему оправдательный приговор.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО
на суде 5 января 1972 года

Граждане судьи,

Я не буду касаться юридической стороны обвинения, потому что и в зале суда уже доказал полностью его несостоятельность. Адвокат в своей речи также доказал полную несостоятельность обвинения, и я согласен с ним по всем пунктам защиты.

Скажу другое: расправа надо мной готовилась уже давно, и я об этом знал. 9 июня меня вызвал прокурор Ванькович и угрожал расправой; потом появилась статья в газете "Правда" под заголовком "Нищета антикоммунизма", которую почти целиком процитировал в своей речи прокурор. Статья содержала в себе обвинение, что я за мелкие подачки продаю в подворотнях иностранным корреспондентам клеветническую информацию.

И наконец, в журнале "Политическое самообразование" № 2 за 1971 г. была помещена статья зам. председателя КГБ С.Цигуна, в которой также говорилось, что я занимаюсь антисоветской деятельностью. И совершенно понятно, что маленький следователь, проводя следствие по моему делу, не мог пойти против своего начальника и вынужден был во что бы то ни стало попытаться доказать мою вину.

Перед арестом за мной была установлена постоянная слежка. Меня преследовали, мне грозили убийством, а один из тех, кто за мной следил, распоясался настолько, что угрожал мне своим служебным оружием. Уже будучи под следствием, я заявил ходатайство о том, чтобы против этих лиц было возбуждено уголовное дело. Я даже указал номер служебной машины, на которой эти люди ездили за мной, и привел другие факты, которые давали полную возможность для их розыска. Однако, на это ходатайство я не получил ответа, от тех инстанций, куда его направлял. Зато от следователя был получен ответ весьма красноречивый: "Поведение Буковского на следствии дает основание для обследования его психического состояния".

Следствие велось с бесчисленными процессуальными нарушениями. Можно сказать, что не осталось ни одной статьи в УПК, которая не была бы нарушена. Следствие пошло даже на такую позорную меру, как помещение со мной в тюрьме камерного агента, некоего

Трофимова, который сам признался мне, что ему было поручено вести со мной провокационные антисоветские разговоры с целью спровоцировать меня на аналогичные высказывания, за что ему было обещано досрочное освобождение. Как видите, то, что мне инкриминируется как преступление, некоторым людям разрешается, если этого требуют "интересы дела".

Я посылал об этом жалобы в различные инстанции и требовал сейчас, на суде, приобщить их к делу, но суд "постеснялся" это сделать.

Что касается следователя, то он, вместо того, чтобы рассмотреть эту жалобу и дать мне ответ, направил меня на стационарное медицинское обследование в институт судебной психиатрии им. Сербского.

Следственному отделу УКГБ очень хотелось, чтобы я был признан невменяемым. Как удобно! Ведь дела за мной нет, обвинение строить не на чем, а тут не надо доказывать факта совершения преступления, просто человек больной, сумасшедший ..

И так бы оно все и произошло. И не было бы сейчас этого судебного разбирательства, и не было бы моего последнего слова: меня осудили бы заочно, в мое отсутствие ... если бы не оказало влияние интенсивное вмешательство общественности. Ведь после первого срока экспертизы - в середине сентября - врачебная комиссия обнаружила у меня зловещую неясность клинической картины, и по вопросам врачей, обращавшихся ко мне после этого, я понял, что меня собираются признать невменяемым. И только 5 ноября, после давления, оказанного общественностью, новая медицинская комиссия признала меня здоровым. Вот вам достоверное доказательство моих утверждений (которые здесь, в суде, называют клеветническими), как по указанию КГБ чинятся психиатрические расправы над инакомыслящими.

У меня есть и другое доказательство этого. В 1966 году меня восемь месяцев, без суда и следствия и вопреки медицинским показаниям о моем психическом здоровье, держали в психиатрических больницах, перевода по мере выписки врачами из одной больницы в другую.

Итак, 5 ноября я был признан вменяемым, и меня вновь водворили в тюрьму, и процессуальные нарушения продолжались.

Грубо было нарушено окончание следствия с выполнением 201 статьи УПК РСФСР. Я требовал, чтобы мне был предоставлен избранный мною адвокат. Но следователь мне в этом отказал и подписал 201 статью один, да еще написал при этом, что я отказался ознакомиться с делом.

В соответствии со своим правом на защиту, предусмотренным ст.40 УПК РСФСР я потребовал пригласить для своей защиты в суде адвоката Каминскую Дину Исаковну.

С этой просьбой я обратился к председателю Президиума Московской коллегии адвокатов и получил его отказ с резолюцией : "Адвокат Каминская не может быть выделена для защиты, так как она не имеет допуска к секретному делопроизводству." Спрашивается, о каком секретном делопроизводстве может идти речь, когда меня судят за антисоветскую агитацию и пропаганду ? И вообще, где, в каких советских законах упоминается об этом пресловутом "допуске"? Нигде.

Итак, адвокат мне предоставлен не был. Более того, вышеупомянутый ответ из коллегии адвокатов, с которым я был ознакомлен и на котором имеется моя подпись, был из дела изъят и возвращен в коллегию адвокатов, о чём в деле имеется справка. Взамен его было вложен другой, вполне невинный ответ председателя коллегии, с которым я ознакомлен не был. Как это можно расценивать? Только как служебный подлог.

Потребовалась моя 12-дневная голодовка, жалоба Генеральному Прокурору СССР, в Министерство юстиции СССР и в ЦК КПСС, а также новое активное вмешательство общественности, чтобы мое законное право на защиту было, наконец, осуществлено и мне был предоставлен приглашенный моей матерью адвокат Ивайский.

Сегодняшнее судебное разбирательство велось также с многочисленными процессуальными нарушениями. Обвинительное заключение, в котором 33 раза употребляется слово "клеветнический" и 18 раз слово "антисоветский" не содержит в себе конкретных указаний на то, какие же именно факты и какие именно материалы из изъятых у меня при обыске и якобы распространенных мною, являются антисоветскими.

Из девяти ходатайств, заявленных мною в начале судебного разбирательства и поддержанных моим адвокатом, восемь было

отклонено. Никто из заявленных мною свидетелей, которые могли бы опровергнуть различные пункты обвинения, судом вызван не был.

Мне инкриминирована, в частности, передача антисоветских материалов приезжавшему в Москву фламандцу - Гуго Сабрехтсу. Эти материалы, якобы, передавались ему мною в присутствии Вольпина и Чалидзе. Однако, мое требование о вызове этих двух людей в качестве свидетелей, - не было удовлетворено. В суд не был вызван, далее, ни один человек из восьми вызванных мною, которые могли подтвердить истинность моих утверждений относительно фактов помещения и условий содержания людей в специальных психиатрических больницах. Суд отклонил мое ходатайство о вызове этих свидетелей, мотивировав тем, что они душевнобольные и не могут давать показаний. Между тем, среди этих людей есть двое - З.М. Григоренко и А.А. Файнберг, которые никогда не помещались в спецпсихбольницы, а бывали в этих больницах только в качестве родственников и могли бы подтвердить мои показания об условиях содержания в этих больницах.

В суд были приглашены только те свидетели, которых представило обвинение. Но что же это были за свидетели? Так, ко мне подсылался перед моим арестом, по всей вероятности сотрудниками КГБ, военнослужащий войск госбезопасности, ныне работающий в отделе таможенного досмотра на Шереметьевском аэродроме, мой бывший школьный товарищ, некий Никитинский, которому было поручено спровоцировать меня на преступление, - организацию вывоза из-за границы оборудования для подпольной типографии. Но незадачливому провокатору осуществить это не удалось. Тогда следствие, а затем и суд попытались сделать его свидетелем по этому пункту обвинения. Мы видели здесь, что Никитинский не справился с этой задачей.

Для чего же потребовались все эти провокации и грубые процессуальные нарушения, этот поток клеветы и ложных бездоказательных обвинений? Для чего понадобился этот суд? Только для того, чтобы наказать одного человека?

Нет, тут "принцип", своего рода "философия". За предъявленным обвинением стоит другое, непредъявленное. Осуждая меня, власти преследуют здесь цель скрыть собственные преступления, психиатрические расправы над инакомыслящими.

Расправой надо мной они хотят запугать тех, кто пытается рассказать об их преступлениях всему миру. Не хотят "выносить сор из избы", чтобы выглядеть на мировой арене такими безупречными защитниками угнетенных!

Наше общество еще больно. Оно больно страхом, пришедшим к нам со времен сталинщины. Но процесс духовного прозрения общества уже начался, остановить его невозможно. Общество уже понимает, что преступник не тот, кто выносит сор из избы, а тот, кто в избе сорит. И сколько бы мне ни пришлось пробыть в заключении, я никогда не откажусь от своих убеждений и буду высказывать их, пользуясь правом, предоставленным мне ст.125 советской Конституции, всем, кто захочет меня слушать. Буду бороться за законность и справедливость.

И сожалею я только о том, что за этот короткий срок - 1 год 2 месяца и 3 дня, - которые я пробыл на свободе, я успел сделать для этого слишком мало.

П Р И Г О В О Р

Суд внимательно изучил материалы дела подсудимого Буковско-го Владимира Константиновича, 1942 года рождения, русского, прож. Москва, ул.Фурманова 3/5 кв. 59. В ходе судебного разбирательства суд допросил свидетелей и самого подсудимого и установил, что Буковский В.К. виновен в следующем:

1. В течение 1970-71 гг. Буковский В.К. занимался систематическим распространением антисоветских материалов клеветнического содержания, порочащих советский гос.и общ. строй, передавал иностранным корреспондентам клеветническую информацию, утверждал, что в Советском Союзе здоровых людей помещают в психиатрические больницы тюремного типа, где к ним применяются различные пытки, а также хранил у себя на квартире различные антисоветские материалы клеветнического содержания.

Доказательствами этого служат:

А.Вырезки из зарубежных газет "Вашингтон пост", "Сан-Франциско экзаменер" и "Дейли Ньюс" со статьями клеветнического содержания, порочащими советский гос. и общ. строй и озаглавленными "Русский, который борется против строя", "Выступает советский инакомыслящий", "Русский раскольник рассказывает об ужасах сумасшедших домов - тюрем для инакомыслящих!"

Б.Киноплёнка, которая демонстрировалась в телепередаче американской телекомпанией Си-Би-Эс 28/УП-70 г., озаглавленная "Голоса русского подполья", и комментарии к этому фильму, помещенные в различных зарубежных газетах, а также содержащиеся в радиопередачах радиостанций "Свобода", "Голос Америки" и "Би-Би-Си."

В.Антисоветские материалы клеветнического содержания, изъятые при обыске на квартире Буковского: "Хроника текущих событий"

№ 17; "Открытое письмо XXIУ съезду" П.Якира; "Обращение политзаключенных, признанных невменяемыми" Файнберга и Борисова; рукописный черновик, озаглавленный "Открытое письмо XXIУ съезду" неизвестного автора.

Г. Записная книжка Буковского В.К., изъятая у него при обыске на квартире, в которой записаны телефоны иностранных корреспондентов.

2. Буковский В.К. виновен в том, что при неоднократных встречах с гр. Шушпановым В.А., бывшим сотрудником отдела внешних сношений Московской патриархии, проводил с ним антисоветскую агитацию и пропаганду, утверждая, что в СССР здоровых людей помещают в психиатрические больницы, что в Советском Союзе отсутствуют свобода личности, свобода слова, печати, собраний, а также вел с ним беседы с целью склонить Шушпанова использовать служебную командировку за границу для незаконного привоза из-за границы множительного аппарата для организации подпольной типографии и размножения антисоветских материалов самиздата.

Доказательством этого служат показания Шушпанова В.А., данные на предварительном следствии и в суде.

3. Буковский В.К. виновен в том, что встречаясь с Никитинским Арнольдом Эдуардовичем, работником ОКПП Шереметьевского аэродрома, проводил с ним антисоветскую агитацию и пропаганду, заявляя, что в СССР нет свободы личности, что у нас здоровых людей помещают в психиатрические больницы за их инакомыслие, а также склонял Никитинского использовать служебное положение последнего и помочь ему осуществить нелегальный ввоз в СССР портативной типографии, минуя таможенный досмотр на Шереметьевском аэродроме. При этом Буковский В.К. имел цель организовать подпольную типографию для распространения антисоветских материалов клеветничес-

кого содержания.

Буковский В.К. виновен в том, что незаконно хранил у себя на квартире 2 номера антисоветского журнала "Посев", с которым ознакомил Никитинского.

Доказательством этого служат собственноручные показания Никитинского на предварительном следствии, магнитофонная запись очной ставки с Буковским и показания Никитинского, данные им на суде.

4. Буковский В.К. виновен в том, что при встрече с военнослужащими Бычковым и Тарасовым, ранее ему неизвестными, в кафе на Курском вокзале, проводил с ними антисоветскую агитацию и пропаганду, заявляя, что в СССР существует не тот строй, который нужен советскому народу, а также дал им свой телефон и адрес и телефон корреспондента АП Астрахана, предлагая Бычкову и Тарасову сообщать по этим телефонам клеветническую информацию.

Доказательством этого служат телефоны Буковского В.К. и Астрахана, обнаруженные в записной книжке Бычкова, показания Бычкова и Тарасова, данные ими на предварительном следствии и в суде.

5. Буковский В.К. виновен в том, что 28 марта 71 г. на квартире Чалидзе В.Н. имел встречу с гр-ном Бельгии Себрехтсом Хуго, приехавшим в Советский Союз в качестве туриста по заданию антисоветского фламандского комитета. Себрехтс Хуго имел задание встретиться с Буковским В.К., для чего фламандским комитетом был дан телефон Буковского, который он записал у себя в блокноте с применением условностей. На встрече в квартире Чалидзе В.Н. Буковский передал Себрехтсу два антисоветских документа клеветнического содержания: "Хроника текущих событий" № 17 и "Открытое письмо XXIУ съезду" П.Якира, которые были затем изъяты у Себрехтса при обыске.

Доказательством этого служат: заключение криминалистической экспертизы, установившей, что документы, изъятые у Себрехтса, и документы аналогичного содержания, изъятые на квартирн Буковско-го при обыске, напечатаны на одной и той же машинке, показания Себрехтса, данные им на предварительном следствии.

Буковский В.К. виновен в совершении преступления по ст.70 ч.1 УК РСФСР.

Суд при вынесении приговора учитывал, что Буковский В.К. ранее судим по ст.190³ УК РСФСР, после отбывания наказания /3 года ИТЛ/ продолжал заниматься преступной деятельностью, несмотря на неоднократные предупреждения органов прокуратуры, а также принял во внимание, что на следствии Буковский В.К. вел себя вызывающе, отказывался сотрудничать со следствием и виновным себя ни в предварительном следствии, ни в суде не признал.

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Буковский Владимир Константинович, 1942 г. рождения, .. приговаривается: к лишению свободы сроком на 7 лет исправительно-трудовых лагерей с отбыванием первых 2-х лет в тюрьме, с последующей ссылкой сроком на 5 лет. Суд приговорил также взыскать с Буковского В.К. судебные издержки в сумме 100 рублей.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМИССИЯ ЮРИСТОВ

Женева, Швейцария

Женева, II января 1972

ПРОТЕСТ МКЮ ПРОТИВ СУДА НАД БУКОВСКИМ

Характер обвинений и суровость приговора, вынесенного Владимиру Буковскому, заставляют Международную Комиссию Юристов выразить еще раз свой протест против подавления свободы слова и мнений в СССР.

Поскольку иностранные корреспонденты снова не были допущены к суду, явно представляющему международный интерес, то единственными источниками информации о процессе являются сообщение ТАСС и сведения, повидимому, полученные иностранными органами печати от друзей обвиняемого.

Согласно сообщению ТАСС, Буковского "обвиняют, в частности в том, что он склонял офицеров Советской Армии к передаче информации за границу, пытался организовать незаконный провоз из-за рубежа печатной техники для размножения подрывных анти-советских материалов, распространял среди советских граждан и в некоторых зарубежных изданиях клеветнические измышления об общественном и государственном строе СССР".

Поступки, о которых говорится в этих обвинениях, вряд ли рассматривались бы как криминальные в стране, где уважается свобода слова. Статья 70, содержащая обвинение в "антисоветской агитации и пропаганде", которое ему предъявлено, сама по себе является отрицанием свободы слова.

Главное "обвинение", инкриминируемое Буковскому, состоит в том, что он передал западным журналистам информацию об отвратительной практике помещения политически инакомыслящих людей в "специальные психиатрические больницы". Хотя его показания были названы клеветническими, не было выставлено, как нам кажется, ни одного свидетельства, доказывающего их недостоверность, а также не были вызваны свидетели защиты, с помощью которых Буковский хотел подтвердить свои показания. Защита утверждает также, что три свидетеля обвинения вели себя как "провокаторы". Подобная практика является насмешкой над правосудием.

Другой печальной чертой этого дела является то, что Московская коллегия адвокатов не разрешила обвиняемому воспользоваться услугами самим первоначально выбранного защитника, известной женщины-адвоката Дины Каминской. Это не первый случай, когда ей было отказано выступить с защитой на политическом процессе. Поступило также сообщение о том, что только три адвоката в Москве выразили готовность выступить с требованием оправдания обвиняемого. Это служит еще одним свидетельством того давления, которое оказывается на юристов с целью заставить их отказаться от ведения защиты в политических процессах.

Буковский совершенно очевидно является человеком редкого мужества и решимости. Вполне возможно, что он нарочно принес в жертву свою личную свободу, чтобы показать никчемность гарантий свободы слова, содержащихся в Советской Конституции. Однако это не извиняет репрессивного характера "советской законности", дальнейшим доказательством которого служит приговор на семь лет заключения с последующей ссылкой на пять лет.

- - - - -

Международная комиссия юристов с главной квартирой в Женеве является неправительственной организацией с консультативным статусом при Экономическом и социальном совете ООН, Юнеско и Европейском совете. В ее задачи входит главным образом защита законности во всем мире и содействие полному соблюдению пунктов Всеобщей декларации прав человека. Комиссия является строго неполитической организацией.

Газета "Таймс", 31 января 1972

СУД НАД ВЛАДИМИРОМ БУКОВСКИМ

(Письмо в редакцию от профессора Мориса Кранстона и других)

Господин редактор!

Как уже сообщалось в печати, Владимир Буковский, молодой советский инакомыслящий, 5 января был приговорен к двенадцати годам тюремного заключения, каторжных работ и ссылки по обвинению в антисоветских высказываниях. Мы обращаемся к Вам с этим письмом ввиду того, что в ближайшем будущем, видимо, советский апелляционный суд будет разбирать апелляцию Буковского. Мы хотели бы также выразить надежду на то, что этот апелляционный суд проявит больше юридической объективности, чем та, которая была проявлена при первом слушании дела.

Поступило уже вполне достаточно информации для того, чтобы Международная комиссия юристов резко осудила всю процедуру суда над Буковским. Он был осужден по статье 70 (семидесятой) Уголовного Кодекса РСФСР, по которой, для установления состава преступления, требуется наличие двух условий: во-первых, "клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй" и распространение литературы такого же содержания; и, во-вторых, намерения "подорвать или ослабить" советскую власть.

Из полученной информации явствует, что под "клеветническими измышлениями" на которых основывалось обвинение против Буковского, имелись в виду различные обращения, документы и заявления (в том числе и телевизионное интервью), благодаря Буковскому появившиеся за пределами Советского Союза. В них выражается протест против того, что в СССР совершенно здоровые, но инакомыслящие люди, объявляются душевнобольными, а также против того безчеловечного обращения, которому эти так называемые душевнобольные нередко подвергаются.

Эта информация не только не являет собой "клеветнических измышлений", но из достоверных источников известно, что она соответствует истине. А что касается пункта о "подрыве советской власти", то Буковский всегда и неизменно основывал свои доводы строго придерживаясь показно-либеральных положений советских законов и советской конституции.

И действительно, в деле Буковского нарушение именно этих положений и вызвало такое глубокое беспокойство. Вот несколько примеров. Не взирая на то, что Буковского более девяти месяцев держали в одиночной камере во время предварительного следствия, слушание дело было проведено в спешке в течение одного дня. Ему отказали в выборе защитника по его желанию (хотя судя по полученным данным, адвокат, на услуги которого он согласился в последнюю минуту, сделал все возможное для своего подзащитного); Буковскому было отказано в вызове даже одного свидетеля, хотя несколько заключенных из "психиатрических лечебниц", а также несколько человек, навещавших их там, вызвались подтвердить достоверность материала, собранного Буковским об этих лечебницах; всякие свидетельские показания и обсуждения по решающему вопросу, а именно о том, носили ли переданные Буковским материалы "клеветнический характер", другими словами - лживый, были весьма энергично отклонены судьей; никому из друзей Буковского не было разрешено присутствовать в зале суда, хотя суд носил видимость открытого процесса, и не взирая на многочисленные просьбы, в том числе и академика Сахарова, в зал суда не был допущен ни один независимый журналист; после суда были опубликованы в высшей степени тенденциозные сообщения.

Апелляционному суду несомненно известны все эти факты. Если этот суд примет решение провести справедливое и открытое слушание дела Буковского, а затем отменит бесчеловечный приговор, вынесенный этому мужественному юноше, патриоту и идеалисту, или же, если суд потребует пересмотра дела, он тем самым вызовет уважение к Советскому Союзу в нашей стране, а также вызовет уважение к правам человека в целом, которые поставлены под угрозу во всех странах.

С совершенным почтением

Морис Кранстон, К.Оллсоп, П.Арчер, Пэт Арросмит, Д.Астор
.. Бёрлэ, Л.Блом-Купер, С.Кэйн, Чорлэ, П.Кормак, Д.Кроуч
Д.Димблби, Флетчер, Дж.Фостер, Р.Фриман, Гардинер, В.Перси
Грив, В.В.Хамилтон, В.Хамлинг, С.Хампшир, Э.С.Хеффер,
А.Кёстлер, Д.Маркам, Айрис Мёрдох, Р. Кинг Мёррэ,
Дороти Нидам, Дж.Нидам, Хэролд Пинтер, Р.Прентис, Джоан
Робинсон, П.Б.Роз, Нанси Сиар, Л.Шапиро, Т.Смайт, Стивен
Спендер, Д.Стиль, Р.М.Титмусс, Джоан Викерс, Айлин Хонгхёзбанд.
28 января 1972 г.

Г-ну Курту Вальдхайму, Генеральному Секретарю
Организации Объединенных Наций

Уважаемый Господин Генеральный Секретарь

Необоснованный и бесчеловечный приговор Владимиру Буковскому вынуждает нас обратиться к Вам, как мы, - хотя, к сожалению, безответно - обращались к вашему предшественнику на высоком посту Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций в связи с рядом случаев грубого нарушения прав человека в нашей стране. Обращаясь в ООН, мы исходим из убеждения, что нарушение прав человека где бы то ни было, - а особенно в великой державе - затрагивает интересы всего человечества и не является только внутренним делом данной страны.

Обращаясь к Вам, мы исходим также из убеждения, что дело Буковского есть дело исключительной важности. С именем Буковского неразрывно связано разоблачение одного из самых отвратительных проявлений варварства в нашем веке - и спользование средств современной медицины в репрессивных целях. И приговор Буковскому - очевидная месть за эти разоблачения. Последнее слово Буковского на суде, опубликованное в прессе, лучше нас обрисует его облик мужественного борца за права человека, а также ту пародию на гласное и объективное судопроизводство, в результате которой ему именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики было проштамповано семь лет лишения свободы (два тюрьмы, пять лагерей строгого режима) и пять лет ссылки.

Но дело Буковского, дело защиты прав человека - это дело всех честных людей на земле, дело Организации Объединенных Наций, наше и Ваше дело.

Разумеется, непредвзятое мнение предполагает серьезный анализ материалов дела. Укажем в этой связи, что интервью Буковского корреспондентам американского телевидения о специальных психиатрических больницах, инкриминированное ему судом, как клевета на советскую действительность, широко известно и, несомненно доступно вашим консультантам. Столь же известны документы о психиатрических экспертизах, посланные Буковским за границу, которые обосновывают критику, содержащуюся в его интервью.

Эти документы, как мы знаем, уже изучались видными специалистами, публично высказавшими свое мнение ("Таймс" 16.IX.1971)

Мы надеемся, что Вы найдете способ использовать Ваш высокий авторитет, чтобы помочь Буковскому, чьи действия и пример способствовали внедрению в общественное сознание гуманных принципов Организации, которую Вы возглавляете.

Примите уверения в нашем глубоком уважении.

Инициативная группа защиты прав человека в СССР:

Т.Великанова	С.Ковалев	В.Красин	А.Лавут
Г.Подъямпольский	Т.Ходорович	Ю.Штейн	П.Якир
А.Якобсон			

Поддержавшие:

В. Бахмин	И.Бегун	И.Белгородская	С.Вайсблат	
А.Вольпин	Ю.Впрнский	В.Гершович	Ю.Глазов	А.Григоренко
Э.Григоренко	В.Делоне	О.Йофе, Ю.Йофе,	В.Ильяков	
И.Каплун	А.Кардасевич	Е.Кастерина	И.Корсунская	
И.Кристи	Э.Кушев	Л.Кушева	М.Ланда	В.Лапин
А.Найденович	В.Осипов	Т.Петрова	А.Полишук	И.Рудаков
Б.Савенкова	Е.Строева	А.Тапешкина	Л.Тарновский	
В.Тимачев	Ю.Титов	А.Тумерман	В.Турианский	
Р.Урбан	С.Ходорович	Н.Шатуновская	Ю.Шиханович	
А.Штельмах	Г.Штельмах	И.Якир		

Январь 1972

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ "БИОГРАФИЯ ПОДЛОСТИ" *)

Сергей Ходорович
и Татьяна Ходорович

Льстецы, льстецы, пытайтесь сохранить
И в самой подлости оттенок благородства.

А.С.Пушкин

5 января 1972 г. в 10 ч. утра в здании Люблинского народного суда прозвучали слова: "Встать! Суд идет!"

На скамье подсудимых - Владимир Буковский. В зале суда - тщательно подобранная публика. Внизу, в коридоре первого этажа, друзья Буковского. Путь в зал суда друзьям Буковского преграждают деревянный диван и группа молодых с красными повязками (и без них) на рукавах.

До 23 часов шел суд, и до 23 часов томились в неведении друзья Буковского заполняя коридор. В коридоре они не были одиноки: за ними зорко наблюдали работники милиции (чины разные), сотрудники КГБ, дружинники ...

Но вот все кончилось. Буковский увезен. Молодцы откидывают диван, освобождая проход ... Не глядя по сторонам спешат пробраться к приготовленным "Волгам" люди, "самоотверженно" заполнявшие весь день, бессменно, зал суда; никто из них не счел возможным для себя ответить на столь естественный вопрос тех, кто не был в зал допущен: "Приговор, какой приговор?" Лишь мать обвиняемого одним дыханием сообщает жестокий приговор: 7 лет лагерей строгого режима, из них два года отбывания в тюрьме, плюс 5 лет ссылки.

А день спустя - статья в газете, с пометкой "из зала суда". Что ж, может быть статья преследует определенную цель: дать представление о процессе для тех, кто не был впушен в зал суда? Только рассказать о составе преступления и сообщить причину, породившую его ?

Нет, к сожалению. Статья, как обычно принято в подобных случаях, призвана очернить личность обвиняемого, возбудить в читателях ненависть и презрение к нему и, заодно, пугнуть людей ему подобных, осмеливающихся говорить открыто о нарушении законов в нашей "подлинно демократической стране".

*) Статья под таким названием была опубликована в газете "Вечерняя Москва" № 4, от 6 января 1972 г.

Для достижения этой цели авторы статьи выбрали принцип: "Меньше фактов, больше эмоций". В статье много говорится об интервью, которое В.Буковский дал американскому телевидению. Говорится о времени, в которое оно транслировалось, какие газеты писали об этой трансляции, кто брал интервью у В.Буковского, какие чувства испытывали авторы статьи, просматривая этот телефильм в зале суда, и только о содержании интервью сказано хотя и цветисто, но скупо: "Они старались вовсю: обливали грязью советский строй", "... столько в этом телеинтервью дешевого желчного вымысла, столько гнусной клеветы на Советский Союз!" А между тем речь в телеинтервью шла об использовании спецпсихлечебных для содержания в них политических заключенных, об условиях и порядках в них. В данном случае авторы, видимо, понимают, что спецпсихбольницы - это еще не весь Советский Союз, но также понимают они, видимо, что обвинение: "Обливал грязью наши советские спецпсихбольницы, гнусно клеветал на условия содержания политических заключенных в спецпсихбольницах", будет выглядеть нелепо и едва ли родит в читателях чувства "возмущения и отвращения" к личности Буковского. Вот и приходится слегка передергивать и отождествлять Советский Союз со спецпсихбольницами. Впрочем, нам неизвестен основной род занятий авторов, возможно, что так как они видят весь мир через призму основных своих обязанностей, упомянутое выше тождество не вызывает у них сомнения.

Но далее в статье их вновь возникает целенаправленная неясность. Неясность и замалчивание некоторых, явно достойных упоминания фактов из биографии В.Буковского. Пишут авторы: "В свои неполные тридцать лет его трудовой стаж исчисляется полутора годами". (Здесь, надо заметить, не совсем ясно, коверкают ли русский язык авторы, преследуя какую-то цель, или единственно по неграмотности?) Столь относительно малый стаж авторы объясняют нежеланием В.Буковского работать, но не усматривают связи между малым стажем и тем обстоятельством, что в свои неполные тридцать лет В.Буковский успел провести более двух лет, в общей сложности, в психиатрических лечебницах и три года в лагерях и, если о трех годах, проведенных Буковским в лагерях, авторы находят возможность упомянуть, сообщая, что такая кара была назначена Буковскому за нарушение

общественного порядка, традиция и здесь не нарушается, и авторы умалчивают, что нарушением общественного порядка была названа организованная В.Буковским демонстрация протеста против ареста П.Радзиевского, Ю.Галанскова, А.Добровольского, В.Лашковой. А вот придумать, за что бы такое можно было здорового человека более двух лет держать в психиатрических больницах, авторы, видимо, не могли, потому и не упомянули, что факт этот имел место в биографии В.Буковского один раз - 8 месяцев за намерение участвовать в демонстрации, требовавшей гласности суда над писателями Ю.Даниэлем и В.Синявским; и второй раз полтора года за то, что у Буковского была найдена книга М.Джиласа "Новый класс".

Не упоминают авторы и другие интересные и необходимые для прояснения картины суда факты. "Зачитываются показания бельгийского подданного Себрехста Хуго...", - пишут авторы, но не пишут они, что Себрехст Хуго отказался от своих показаний, зачитанных в суде, заявив, что следствие вынудило его дать показания путем физического и психологического давления. Не совсем ясно, из каких соображений авторы умалчивают, что свидетель А., показавший, что Буковский будто бы просил его помочь провезти из-за границы оборудование для подпольной типографии, является офицером КГБ, работающим в таможене Шереметьевского аэропорта А.Никитинским и что В.Буковский знал это. Умалчивают они также и о том, что мать В.Буковского, выступавшая в суде единственным свидетелем по этому пункту обвинения, показала, что все было как раз наоборот: в ее присутствии А.Никитинский уговаривал В.Буковского организовать подпольную типографию и что на это предложение В.Буковский ответил категорическим отказом.

Не сообщают авторы также и о том, что адвокат, убедительно доказав несостоятельность обвинения, просил суд вынести оправдательный приговор его подзащитному. Не пишут они и о том, что ни один из свидетелей, заявленных адвокатом и обвиняемым, в суд вызван не был; что из 9 ходатайств предъявленных В.Буковским суду и поддержанных адвокатом, 8 были отклонены; что, как сказал В.Буковский, следствие велось с грубыми нарушениями УПК, вплоть до подсадки в камеру к В. Буковскому провокатора Трофимова, которому было обещано досрочное освобождение и который сам признался во всем Буковскому; что адвокат Содин из нескольких, которому В.Буковский согласен был

вверить свою защиту) был утвержден для участия в процессе только после жалоб В.Буковского Генеральному прокурору СССР, в Президиум ЦК КПСС, двенадцатидневной голодовки В.Буковского и активного вмешательства общественности.

Очень скупо авторы пишут о давлении, которому подвергался В.Буковский до ареста, за открыто распространяемые им сведения (факты) о бесчеловечных условиях содержания политических заключенных в советских специальных психиатрических больницах (тюрьмах). По словам авторов, кампания эта сводится к вызовам в прокуратуру, беседам, увещаниям, предупреждениям. Видимо не существенными считают они постоянную открытую слежку агентов КГБ за В.Буковским, угрозы этих людей убить его, случай, когда один из них угрожал Буковскому своим служебным оружием.

Обо всем этом В.Буковский заявлял во время следствия в разные инстанции, указывая номера служебных автомашин и приметы следивших за ним людей, но ответа на заявления не получил. Не упоминают авторы и о том, что в зал суда не были допущены иностранные корреспонденты и ни один из пришедших 70 друзей В.Буковского, горячо желавших попасть туда (что, кстати, совпадало с желанием подсудимого, специально заявившем об этом ходатайство), и проводивших в бесплодном ожидании тринадцать часов в коридоре здания суда, этажом ниже помещения, в котором проходил процесс.

Но зато авторы сочли, ой как нужным, присоединить к имени В.Буковского множество эпитетов и определений, призванных вызвать отрицательные эпоции у читателей. Вот эти эпитеты и определения: "бездельник", "зарвавшийся сплетник", "provokator", "уголовник", "закоренелый подлец", "враг нашего строя", и просто "злбный враг" "продажный, ядовитый политический спекулянт", "ничтожное орудие в грязных руках антисоветизма", "отщепенец", кроме того ему присуща "тщеславная страсть во что бы то ни стало любым путем выделиться чем-то из среды сверстников". И "предал страну", "стал врагом народа".

Совсем как в старые недобрые времена: "враг народа". Лаконично и значимо. А что делать, если приводить содержание названных клеветнических документов, бессмысленно, так как в них нет клеветы, а только тщательно проверенные факты, очевидцем или жертвой которых был обвиняемый; если в обвинительной речи

прокурора преданные В.Буковским гласности факты помещения здоровых людей в специальные психиатрические больницы и условия содержания заключенных в этих больницах клеветническими назывались голословно, если контакты (в том числе и дача интервью) с иностранцами, допущенными к тому же в нашу страну именно для сбора информации, не запрещены законами нашей страны? Если приведенные в статье показания свидетеля А. и свидетелей Р. и Т., которым В.Буковский предлагал записать ~~№№~~ телефонов иностранных корреспондентов "для последующей передачи по этим номерам информации в зарубежные газеты" (но по словам авторов статьи и, очевидно, самих свидетелей, не уточнил какой информации) - недостаточны для обвинения? Остается собрать все мерзкие эпитеты, известные авторам статьи, и присоединить их к имени В.Буковского, имени, которое сейчас одно из самых популярных имен в мире, поскольку исключительные честность, мужество и целеустремленность, присущие ему, не могут не восхищать людей, за благо почитающих качества такие в человеке.

Но что до этого суда и авторам статьи нечистоплотной? Человек, столкнувшись с беззаконием не захотел молчать, и суд выносит жестокий изощренный приговор, а авторы восторженно приветствуют его. Их не волнует, что приговором своим суд прикрыл творящиеся беззакония, против которых выступал Буковский. Суд вынес приговор именем Республики!

Однако авторы не без оснований, видимо, опасались, что читатели не разделят их восторгов и в статье своей смягчили (т.е. привели не в полном виде) приговор - не указали, что по приговору судебные издержки относятся за счет В.Буковского и что два года из семи он должен отбывать в тюрьме. Нагромождение всех мыслимых видов наказаний сразу, как видно даже им излишним показалось. И хочется еще одну отметить неприятную деталь: у авторов язык не повернулся напомнить читателям, как обычно в подобных статьях делается, что суд наш истинно гуманный.

Но это действительно очень мелкая деталь. Не деталь даже, а так - нюансик. В целом статья выдержана в традициях испытанных времен; читаешь ее и всплывают в памяти слова бывшей очень популярной, в свое время, песни: "И смотрит с улыбкой Сталин, советский, простой человек". Воистину: "Все течет и помаленьку возвращается":

Вот, пожалуй, и все, что хотелось нам сказать по поводу статьи в газете, с пометкою: "Из зала суда".

Сергей Ходорович, Крым, с.Малый Маяк, ул.Морская, д.2
(Будучи во время отпуска в Москве, 5-ое января провел в здании, где проходил суд над В.Буковским).

Татьяна Ходорович, Москва, И-41, проспект Мира, д.68
кв.156.

Январь 1972.

